
Качканарские грани

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

№2

2013

г. Качканар
2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 7

С юбилеем, комбинат!

Владимир ЗАВГОРОДНЕВ

В ПОИСКАХ КЛЮЧЕЙ ОТ КЛАДОВЫХ КАЧКАНАРА 9

Владислав КАРМАНОВИЧ

ОНА БЫЛА В МОЕЙ СУДЬБЕ 17

Юрий СТАРОСТИН

ПЕРВАЯ НА УРАЛЕ 23

Анатолий КУЧИН

НА ПРЕДЕЛЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СИЛ 33

Знаменательные даты

Михаил ТИТОВЕЦ

НАШЕЙ ИСТОРИИ СТРОКИ 53

Галина КРАСНОПЕВЦЕВА

«ЧУВСТВ И МЫСЛЕЙ ТРЕПЕТНЫЙ ПОСЕВ» 59

ПОЭЗИЯ

Вера ГАЛЕЕВА

Я – В ПОЛЕТЕ! 107

БРОДЯГА-ВЕТЕР НА ПРОГУЛКУ ВЫШЕЛ 107

СТОЮ У ОКНА, СМОТРЮ В НЕБО НОЧНОЕ 108

ПЕРЕСТАЛА ВЕРИТЬ В ЧУДЕСА 108

Я СПЕШУ НА УРОК 108

Я В МЕЧТАХ ПРЕДСТАВЛЯЮ 109

Татьяна ЖЕЛТЫШЕВА

ГЛАЗА ЗИМЫ 110

ХРУСТАЛЬНЫЙ ЛЕС 111

ПРОСЫПАЙТЕСЬ, БЕРЕЗЫ!! 112

В ЛЕСУ 112

РЫДАЕТ ПРИРОДА 112

Галина ЗАНИНА

ГЕОЛОГ МОЙ 113

ЖЕМЧУГ КАПЕЛИ 113

В ЛЕСУ 114

КОРОТКОЕ ЗАМЫКАНИЕ 115

ПОСЛЕДНИЙ ЗАБЕГ	115
ВЕРИТЬ В ЧУДО	115
ИЩУ	116
Елена КОСТРОВА	
К СОЛНЦУ ПРИКОСНУСЬ	117
НАУЧИ МЕНЯ ГОВОРИТЬ	118
ПРИКОСНОВЕНИЕ	119
ОСТАЮСЬ С ТОБОЮ	120
В ЛУННОМ СВЕТЕ	120
ОБЕЩАЙ	121

Семен МАТОЧКИН

СИНЯЯ ПТИЦА	122
ВЕСЕННЕЕ	123
ОСЕННЕЕ	123
ВОЗРАСТ	123
НЕ УСПЕВАЮ	124
ОСНОВА ДУШИ	124

Степан ПИТАТЕЛЕВ

Я – РОССИЯНИН	126
БЕРЕЗКА	126
ПЕРВЫЙ ТРАКТОР	127
ОНА УМЕЛА ЖДАТЬ	128
ТИШИНА	128
НАШ КЛУБ	129
ПАМЯТЬ	129

Владимир ПЛЕСОВСКИХ

МАРТ	130
ВЕЧЕР	130
СЕНОКОС	131
СВИДАНИЕ С РОДИНОЙ	132

Валентина СМИРНОВА

БЕЛЫЕ ПАЛАТКИ	133
КАК БОЛЬНО!	134
ПАМЯТЬ	135
КОГДА НЕ БУДЕТ НАС	135
НЕ ПРОХОДИТЕ МИМО ОКОН ШКОЛЫ	136
ПОМОГИ!	136

Сергей СПИРИДОНОВ

ЗОЛОТО СЕНТЯБРЯ	137
СНЕЖИНКИ	137
СЕРДЦА ГРУСТЬ	138
ЛЮБОВЬ УХОДИТ	138
ФИЛОСОФСКИЙ КАМЕНЬ	138

Юрий СТАРОСТИН	
О ГЛАВНОМ	140
О ГАРМОНИИ	141
КРАСАВИЦА АМГУ	141
ГОРНОЛЫЖНЫЙ ВАЛЬС	142
ГОРА БЕЛАЯ	142
МИЛЫЕ СЕСТРЕНКИ	143
Галина ТРОФИМОВА	
О СТИХАХ	144
ТЫ МЕНЯ РАЗБУДИ	145
РАССВЕТ	145
ОСЕНЬ	145
ВНУТРЕННИЙ ДИАЛОГ	146
КНИГА ЖИЗНИ	146
Владислав ШАДРИН	
МОЯ МОЛИТВА	147
ПИРОГИ С ЧЕРЕМУХОЙ	148
ДВЕСТИ ШАГОВ	148
РУССКАЯ БАНЯ	149
БАБЬЕ ЛЕТО	150
ГОРЯЧИЙ МЕД	151
Галина ШАМИНА	
МОЙ КАЧКАНАР	152
ПОДАРОК ПОДРУГЕ	154
ОСЕНЬ	154
МЕДИЦИНСКИМ РАБОТНИКАМ	155
ЗИМНЯЯ НОЧЬ	156
Проза	
Татьяна ПЕРЬЯН	
ДЕВОЧКА С РОЗАМИ	157
И ОН ПОЯВИЛСЯ	162
ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ	163
МАРУСЯ И ПАВЛИК	164
Светофор	164
Кто где прячется?	165
Настоящий художник	167
Подсказка	167
Сценка	168
Где?	168
Лестница	169
Загадки	170
К счастью	170
Космонавт на велосипеде	171
Дожди	172

Главное слово	173
В деревне	173
Подарок.....	174

Нина САВЕЛЬЕВА

ЛОСКУТИКИ ПАМЯТИ	175
ОКНА	176
МУЗЫКА	177
ЭХО ВОЙНЫ.....	177
ОБИДА	178
КОГДА КОНЧАЕТСЯ ДЕТСТВО.....	179
ЧИСТЫЙ ЛИСТ.....	181
СОВРЕМЕННЫЙ РЕБЕНОК	181

VILESIK

РЫЦАРИ В КАМЕЛОТАХ	185
ШНУРОВКА	188
ОДНАЖДЫ В ПИТЕРЕ.....	194

ПЬЕСА

Дмитрий СПИКИН

ТАРАКАН	197
---------------	-----

КРАЕВЕДЕНИЕ

Михаил Медведев

АЛМАЗНЫЙ КРАЙ	211
---------------------	-----

ДОКУМЕНТ

“ПРИИСК ПРОШУ НАЗВАТЬ ВАЛЕРИАНОВСКИЙ”	223
---	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

«**Н**ужели в Качканаре так много талантливых людей?» - познакомившись с первым выпуском «Качканарских граней», воскликнул почётный гражданин города Нижней Туры, выдающийся краевед К.И.Мосин. Пришлось объяснить заслуженному ветерану, что в альманах вошла лишь малая толика авторов – насколько позволил объём издания.

Талант авторов определил и успех творческого проекта, название которому – «Качканарские грани». «Это очень творчески, талантливо и увлекательно», – так оценил наш первый опыт член союза писателей России П.И.Цибулькин. Это – на эмоциональном уровне. А вот какие глубинные пласти выявила заместитель директора института истории и археологии УрО АН И.Л.Манькова: «Сейчас модно рассуждать об самоидентификации, национальной, региональной идентичности и т.д. На мой взгляд, когда у территории/места, где мы живем, появляется такой альманах, то вот она – идентичность, и не надо ничего придумывать. Молодцы!» Нормальная планка – ничего не скажешь – и не ожидали!

Соответствует ли ей второй выпуск? Сильно надеемся! Но решать читателям.

За редчайшим вынужденным исключением в новом выпуске – новые имена.

Проведём краткую экскурсию по новому выпуску. Мы решили сохранить юбилейную рубрику, потому что в каждый год в истории нашего города имеются «говорящие», в смысле, знаменательные даты, на которые невозможно не откликнуться. В 2013 году это прежде всего 50-летний юбилей Качканарского ГОКа. Яркие штрихи к истории комбината добавляют воспоминания «рабочих академиков», ветеранов предприятия В.Завгороднева, В.Кармановича, Ю.Старостина. А воспоминания-размышления А.Кучина о легендарном директоре М.Г.Толочко отчасти компенсируют несправедливость по отношению к этому выдающемуся руководителю, о котором до сей поры ничего не было написано.

Из других знаменательных дат – 45-летие обретения Качканаром статуса города и создания городских органов власти. 45-летие же отмечает литературное объединение «Лукоморье». О своём детище с любовью пишет руководитель объединения, она же «главный инженер» альманаха Г.П.Краснопевцева. Несомненно, «Лукоморье» - культурное явление, выходящее за пределы Качканара, а творчество «лукоморцев» становится объектом исследований. Один лишь показательный пример: ученик 9 класса посёлка Старая Ляля Цуканов Александр написал работу о творчестве наших земляков К.Рублёвой и А.Иванова и занял первое место в Новолялинском районе и второе место на областном конкурсе «Юные интеллектуалы Среднего Урала» в номинации «Искусство и культура».

Очень яркая и многогранная поэтическая палитра альманаха. Тонкие ценители поэзии обратят внимание, что некоторые из представленных в альманахе поэтов в данное время в Качканаре не живут. Дело в том, что «бывших» качканарцев не бывает. «Качканарские грани» для всех, у кого в жизни был Качканар, кто связан с ним невидимыми нитями, кого он влечёт и манит, кому вспоминается и снится. И вот ещё что. Качканар – это не только 300 квадратных километров, прилепившихся с запада к горе. Есть ещё и «Большой Качканар», который охватывает всю территорию вокруг горы Качканар. А это и новые авторы, и более глубокие пластины истории. В контексте этой концепции - краеведческий очерк Михаила Медведева «Алмазный край», события в котором происходят хоть и близко, но в другом регионе. Публикация этого очерка – дань светлой памяти замечательного журналиста, безвременно ушедшего из жизни.

Разнопланова также и проза: самобытная - Татьяны Перьян, лирическая - Нины Савельевой, жесткая и напористая – молодого автора Vilesika.

В новом выпуске альманаха – новая художественная грань: пьеса Дмитрия Спикаина.

В 2012 году 120-летний юбилей отметил посёлок Валериановск. Подарком к юбилею можно считать публикацию архивного дела об отводе Валериановского прииска в 1892 году. Удивительно, но в то время даже казённые документы писали литературно-художественно.

Всё! Но не потому, что авторов больше нет или материал закончился. Объём исчерпан!

Поэтому – приятного чтения, и до новой встречи!

Редакционная коллегия.

С ЮБИЛЕЕМ, КОМБИНАТ!

Владимир ЗАВГОРОДНЕВ

Владимир Иванович родился в 1936 году в с. Нижне-Озерное Краснохолмского района Оренбургской области. В 1959 году окончил Магнитогорский горно-металлургический институт им. Г.И.Носова по специальности «Разработка месторождений полезных ископаемых», а в 1965 году заочно окончил Свердловский горный институт им. В.В.Вахрушева по специальности «Автоматизация и комплексная механизация горной промышленности».

На Качканарском ГОКе работал с марта 1961-го по май 2005 года. За эти

годы прошел почти все ступени должностной лестницы от слесаря-монтажника первых экскаваторов до ведущего специалиста по буровзрывным работам. Влюблен во взрывное дело, считает его одной из интересных и творческих профессий, которая сродни настоящему искусству.

Неравнодушен к поэзии, трепетно относится к Слову.

В ПОИСКАХ КЛЮЧЕЙ ОТ КЛАДОВЫХ КАЧКАНАРА

«Когда народ по правильному пути за своей долей пойдет, ключ земли сам в руки дастся. Тогда все богатства земли откроются и полная перемена жизни будет. На то надейтесь».

Павел БАЖОВ

Природа щедро наделила Качканар своими богатствами. Здесь сосредоточены огромные запасы железованадиевых руд, которых хватит металлургам Урала не на одну сотню лет. Однако природа не во всем была к нам так благосклонна, как это может показаться на первый взгляд. Качканар оказался трудным орешком во многих отношениях.

Но наибольшие трудности при освоении месторождения были встречены при решении проблемы дробления трудновзрываемых пород. Наше месторождение по условиям ведения взрывных работ является уникальным и не имеет аналогов в Российской Федерации и ближнем зарубежье. Разрабатываемые породы отличаются крайне неравномерной трещиноватостью, значительной вязкостью и абразивностью. Более 70 процентов пород трудновзрываемые, строение породного массива – крупноблочное.

В этих условиях достижение высокого качества массовых взрывов представляет собой сложную научно-техническую проблему. Проблем и трудностей хватает во все времена. Но на начальном этапе первопроходцы, приехавшие осваивать рудные богатства Качканара, оказались, образно говоря, в положении того Степана из известного сказа Павла Бажова, когда Медной горы Хозяйка впустила его в свои владения впустила и богатства своих кладовых показала, а ключи от этих кладовых ему не дала. И специалистам комбината пришлось подбирать эти «ключи» самостоятельно. А поскольку традиционные методы в виде использования опыта родственных предприятий в качканарских условиях оказались совершенно неприемлемыми, то поиск происходил в тесном сотрудничестве с научно-исследовательскими институтами. И глыбу свою мы отправляли уже не в «Сам-Петербург» на приклад в самой главной церкви, как в сказе Бажова, а в «Сам-Екатеринбург» (Свердловск), где в эти годы очень плодотворно проводили свои исследования институты Уралмеханобр и Институт горного дела бывшего Минчермета.

На комбинате эту работу возглавил начальник рудника (так вначале назывался Главный карьер) Николай Семенович Ефремовцев – опытный, инициативный и талантливый горный инженер, работавший до 1962 года директором Качканарского ГОКа. Николай Семенович обладал необыкновенным даром объединять людей, зажигать их энтузиазмом, умением ставить и решать проблемные вопросы, делая при этом ставку в основном на молодежь. Так, если механической и энергетической службами карьера тогда руководили специалисты В.М.Алябьев и Г.А.Королев, уже имеющие производственный опыт на других предприятиях, то основные производственные участки возглавляли вчерашние выпускники вузов: экскаваторный – В.В.Власихин, буровой – А.И.Залесский, взрывной – В.В.Гребнев. Доверие окрыляло молодых специалистов, и они делали, казалось бы, невозможное.

Для решения вышепоставленной задачи на руднике был сформирован творческий коллектив в составе сотрудников Института горного дела и ведущих специалистов технических служб карье-

ра, в который вошли Н.С.Лучина, Л.В.Кашинский, Г.А.Пономарев, В.Г.Шарнин, Ю.П.Бабкин, Б.М.Шалюгин и О.И.Мезин. За сравнительно короткий срок были определены основные технологические параметры ведения буровзрывных работ, которые без существенных изменений используются по сегодняшний день.

Технологический цикл в карьере начинается с бурения скважин. Масштабы горного производства на комбинате с самого начала диктовали необходимость использования в карьере высокопроизводительного горного оборудования. И если экскаваторный парк Главного карьера был оснащен вполне современными машинами отечественного производства (ЭКГ-4 и ЭКГ-8), то на бурении скважин по-прежнему продолжали использоваться хотя и новые, но морально устаревшие и малопроизводительные станки канатно-ударного бурения (БУ-2 и БС-1). Это объяснялось тем, что вплоть до начала шестидесятых годов производство отечественных станков шарошечного бурения не было налажено.

Весной 1961 года, когда я перешел работать мастером бурового станка, у меня в смене было 28 станков канатно-ударного бурения. Их производительность, как правило, не превышала 7-11 метров в смену. Труд бурильщика скважин отличался почти полным отсутствием какой-либо механизации достаточно трудоемких вспомогательных операций и особой соровостью самих условий производства, так как работать приходилось в любую погоду, что называется, на семи ветрах. Тем не менее люди как-то не испытывали, по нынешним понятиям, особого дискомфорта, так как это дело было обычным и привычным. И бурильщики скважин успешно справлялись с поставленными задачами.

Оглядываясь на 50 лет назад, полагаю, что использование станков канатно-ударного бурения в начальный период было оправданным. При отсутствии в то время тяжелой бульдозерной техники для подготовки буровых площадок эти станки были незаменимы при обуривании площадок на косогорах. Отдельные машинисты-виртуозы умудрялись устанавливать станки на трехчетырехэтажную клетку из шпал на косогорах до 30 градусов и более. При этом в зимний период при установке станков на особо крутых косогорах их приходилось страховывать бульдозером с троцовой растяжкой. Так что эти станки сослужили добрую службу в начальный период освоения месторождения. А потому не случайно один из них установлен на постаменте около рудоуправления. Это как памятник ветерану, сделавшему свое дело, и напоминание следующим поколениям горняков о том, с чего мы начинали.

Но всему свое время. Чтобы обеспечить все возрастающие объемы производства, требовалось многократно увеличить парк буровых станков. Ясно было, что это не тот путь, по которому следовало идти. А потому с началом производства отечественных станков шарошечного бурения было принято решение произвести полное переоснащение парка буровых станков. Но легко сказать: произвести переоснащение. Станки шарошечного бурения БСШ-1М, поступившие на карьер, имели массу конструктивных недостатков: не отработана система пылеподавления, недостаточная мощность компрессоров, слабая конструкция ходовой части. Практически не было узла и агрегата на станке, который бы не под-

лежал модернизации и реконструкции. В связи с этим на карьере складывалась временами драматическая ситуация: большинство станков канатно-ударного бурения уже не работало, а большинство станков шарошечного бурения еще не работало; и карьер балансировал на грани остановки.

И здесь сказывалось не только несовершенство самих станков. Не хватало опыта (да и откуда ему было взяться) и квалификации у машинистов станков, многие из которых не имели даже среднего образования. А им надо было освоить станок, насыщенный рядом совершенно новых и незнакомых агрегатов и механизмов: гидравлика, компрессор, система пылеподавления, множество электроприводов, достаточно сложная электрическая схема управления. При этом обучение велось практически без отрыва от производства. Не следует забывать, что в то время не было ни преподава-

телей, ни инструкторов производственного обучения. В их роли выступали в основном специалисты бурового участка, а им самим еще предстояло в совершенстве освоить это оборудование.

И вот в это трудное время в очередной раз в полной мере проявился волевой характер умелого руководителя и организатора производства Н.С.Ефремовцева. Несмотря на всю сложность ситуации в карьере, он запретил возвращать станки канатно-ударного бурения в работу. Усилия всех служб были направлены на быстрейшее освоение новых станков. За каждого из них был закреплен кто-то из руководителей и главных специалистов, которые несли круглосуточную персональную ответственность за состояние станка. Все вопросы решались быстро и по существу. За короткий срок, в течение 1963 года, станки шарошечного бурения были освоены, им была проведена серьезная реконструкция. При этом неоценимый вклад внесли тогда механики бурового участка В.Г.Хмельков и Г.В.Максимов, который до этого работал машинистом бурового станка. И уже в 1964 году наш Главный карьер первым в стране полностью перешел на бурение скважин шарошечными станками. С 1967 года снова началось постепенное обновление парка буровых станков более современными и более производительными (БСВ-3, 2СБШ-200, СБШ-250, СБШ-200Н, СБШ-250МН, СБШ-270 ИЗ), которое не прекращалось практически ни на один год. В настоящее время идет переоснащение карьеров последней модификацией станков СБШ 250/270 КП Воронежского машиностроительного завода.

Однако длительное время оставались нерешенными вопросы обеспечения комбината высокоэффективными средствами инициирования и сравнительно недорогими и безопасными взрывчатыми веществами (ВВ) взамен дорогостоящих и вредных для здоровья тротилосодержащих ВВ, равно как и вопросы механизации взрывных работ. Решение этих вопросов затянулось не на одно десятилетие и объяснялось в первую очередь монопольным положением предприятий-разработчиков и изготовителей этой продукции, работа которых была сконцентрирована прежде всего на выполнении заказов оборонной промышленности, и они не были заинтересованы в расширении ассортимента и повышении качества изделий для горной промышленности. Это не позволяло нам обеспечивать надлежащее качество массовых взрывов, приводило к возникновению значительного количества отказов скважинных зарядов, что нередко создавало чрезвычайно опасные ситуации при экскавации горной массы, временами даже с трагическими последствиями. Положение дел до крайности осложнилось в период безвременья и безвластия начала 90-х годов, когда оказались разорванными связи и деловые контакты предприятий с научно-исследовательскими организациями этого профиля, что особенно негативно сказалось на работе предприятий, ведущих взрывные работы в сложных условиях типа качканарских.

И вот в 1992 году, чтобы хоть как-то сконцентрировать внимание специалистов предприятий и научной общественности на неотложных проблемах взрывных работ, в то время главный инженер КГОКа Михаил Аркадьевич Батуев совместно с другими специалистами бывшего Минчермета вышли с инициативой проведения в Качканаре ежегодных всероссийских совещаний по этим проблемам. И нам удалось в середине 90-х годов провести пять таких совещаний с широчайшим привлечением научно-инженерной общественности, в том числе и зарубежных стран. А развернувшаяся к тому времени конверсия позволила привлечь научный и производственный потенциал оборонной и даже атомной промышленности. Однако и для них эта проблема оказалась не простым орешком и потребовала времени и средств.

А потому, как нельзя кстати, оказалось предложение известной шведской фирмы Нитро-Нобель о проведении в 1993-1994 годах промышленных испытаний неэлектрической системы инициирования Нонель на карьерах комбината. Что и было сделано. Промышленные испытания прошли очень успешно. И с этой фирмой был заключен контракт на поставку изделий Нонель в объеме нашей годовой потребности. Это позволило нам основной объем

массовых взрывов в 1995 и 1996 годах провести с ее использованием. Подтвердилась ее высокая надежность, эффективность и безопасность. Но, пожалуй, главным итогом ее использования явилось ускоренное создание первой отечественной неэлектрической системы инициирования Эдилин, с помощью которой и производился основной объем массовых взрывов вплоть до 2008 года. Однако во время эксплуатации этой системы выявилось, что и она не лишена серьезных недостатков. Поэтому в последующие годы был осуществлен переход на более надежную и более эффективную систему инициирования Рионэл испано-российского производства.

В эти годы на комбинате был построен завод по производству водоустойчивых эмульсионных ВВ-гранэмитов по технологии НПО «Кристалл» (г.Дзержинск) и с 2000 года начато их использование на массовых взрывах. С 2009 года завод перешел на изготовление эмульсионных ВВ-Нитронит Э по технологии Института взрыва (г.Москва) с улучшенными техническими характеристиками, более водоустойчивого, экологичного и более адаптированного к нашим горно-техническим и климатическим условиям. Для полной механизации взрывных работ по импорту были приобретены и продолжают приобретаться специальные смесительно-зарядные машины. К сожалению, отечественная промышленность до сих

пор так и не наладила производство этих машин достойного технического уровня.

Все это, вместе взятое, позволило многократно снизить затраты при подготовке и производстве массовых взрывов, повысить качество дробления взорванной горной массы и почти полностью исключить отказы скважинных зарядов. Приятно сознавать, что нынешнее руководство комбината, рудоуправления и ООО «Авт-Урал» не останавливаются на достигнутом и по-прежнему уделяют пристальное внимание дальнейшему совершенствованию всего комплекса буровзрывных работ.

Подводя итог сказанному, невозможно не согласиться с мнением бывшего директора комбината (1983-1995г.г.) Николая Яковлевича Еремина, что в самое застойное время на Качканарском ГОКе никакого застоя не было. Да и о каком застое можно вести речь, когда в те самые драматичные девяностые на комбинате осуществлялась настоящая техническая революция в горном деле, велась беспримерная, даже в мировой практике, реконструкция фабрики окатышей без остановки действующего производства, шло переоснащение подвижного состава и многое другое. Вот уж когда с гордостью и пафосом можно было произнести слова: «Честь и слава человеку труда!»

Пройти жизненную школу Качканара равносильно окончанию нескольких академий, и не только горных наук, но и житейских, трудовых и просто человеческих отношений. По моему глубокому убеждению, все, кто прошел эту «академию», будь то рабочий или инженер, по большому счету счастливые люди. Им есть что вспомнить и рассказать. Ведь в это богатырское детище, каким ныне является ЕВРАЗ Качканарский ГОК, вложено столько труда, энергии, энтузиазма, души и сердца поколений от 50-х годов до наших дней, что это дает заряд бодрости и оптимизма на всю жизнь.

Я горжусь тем, что мне довелось работать, общаться и жить рядом с людьми, о которых первый директор комбината Виктор Петрович Дерягин на одной из встреч, посвященных юбилею ГОКа, сказал: «Люди, приехавшие осваивать кладовые Качканара, сами были бесценным кладом». Такая оценка труда первопроходцев дорогостоящая. И мне в связи с 50-летием Качканарского ГОКа от всей души хочется пожелать, чтобы в коллективе комбината во все времена побольше было людей пытливых, неравнодушных, любящих свою профессию, истинных патриотов города Качканара.

Владислав КАРМАНОВИЧ

Ветеран Качканарского ГОКа, он как специалист вырос на родном предприятии. Овладел многими рабочими профессиями, стал горным инженером-технологом. Тридцать три года отдал Владислав Анатольевич обогатительной фабрике, выдавшей первую продукцию комбината – концентрат. Об этом он рассказывает сегодня в своих воспоминаниях. Большой эрудит и тонкий лирик, В.Карманович давно и плодотворно занимается в «Лукоморье» – литературном объединении при газете «Качканарский рабочий».

ОНА БЫЛА В МОЕЙ СУДЬБЕ

О богатительная фабрика Качканарского ГОКа. Она, моя красавица, внушительная и величественная, превосходит по своим объемам такие выдающиеся сооружения, как Московский государственный университет и Исаакиевский собор в Петербурге. Но не размерами исчисляется ее значимость для Качканара, а тем, что она, моя голубушка, выдала первую продукцию горно-обогатительного комбината – концентрат. И значит, комбинат вступил в строй действующих предприятий. Качканарцы хорошо помнят эту дату – **30 сентября 1963 года**.

Я тоже приглашаю свою услужливую память на полвека назад, на мою обогатительную фабрику, с которой был связан тридцать лет и три года. Как я там оказался?.. Был 1962 год. Я к тому времени – набитый шишками и жизненным опытом молодой семейный мужчина. После десятилетки успел поработать слесарем-лекальщиком, поучиться два года в горном институте, поработать землекопом-шурповщиком, электриком-мотористом, машинистом станка канатно-ударного бурения, геодезистом.

Прочитал в газете объявление о том, что открываются курсы машинистов обогатительных машин для работы на комбинате. Получив эту специальность, можно работать на всех технологических

механизмах дробильной, обогатительной фабрик и на шихтоподготовке. Принимались одни мужчины. Набралась солидная группа довольно опытных ребят. Кто-то из них был дробильщиком щебня на карьере, кто-то, как я, бурильщиком. Имелись строители, шоферы и другие. Были среди нас и участники Великой Отечественной войны, например, Новожилов.

Готовили нас основательно, около года. Изучили дробилки, мельницы, магнитные сепараторы, вакуум-фильтры и все вспомогательное оборудование. А в последних числах февраля 1963 года нас срочно направили в Кривой Рог, на Ново-Криворожский горно-обогатительный комбинат. НКГОК имел примерно такое же оборудование, какое ставили у нас. При пересадке в Москве между поездами мы познакомились со столицей. Я и еще один парень побывали в Кремле и Третьяковской галерее, остальная группа посетила ВДНХ. На практике в Кривом Роге я работал сепараторщиком. В то время мельник, дробильщик и сепараторщик были приравнены к первой категории, то есть уходили на пенсию в 50 лет. Руководили нами на практике две молодые женщины, одна из них – Сталина Федоровна Дятлова. Учились, осваивались, набирались опыта. Командировка была рассчитана на четыре месяца. Но перед Первым мая пришла телеграмма: нас досрочно отзывали обратно на комбинат, для пуска.

5 мая мы уже были на рабочих местах и занимались прокруткой оборудования. Для запуска была подготовлена четверть фабрики, с 8 по 15 секции. На первую стадию сепарации в нашей смене №1 были поставлены Петр Ожегов, Лев Вострецов и я. И вот наступил момент, когда оборудование было поставлено на нагрузку. Это произошло в ночную смену с 9 на 10 июня 1963 года. Эта дата мне запомнилась еще и потому, что ночью выпал снег. При запуске

обнаружились довольно крупные недоработки. «Хвосты» в первой стадии сепарации не захотели уходить в желоба для шлама. Очень большая была плотность, и вакуум-насосы плохо справлялись с отсосом воды из концентрата. Было много неплотностей. На грохотах первой стадии сползали сетки. Словом, концентрата на склад поступило не более двух тонн. Но это был концентрат, наш концентрат, первая продукция комбината! Рабочие и руководители собирали его в спичечные коробки – как сувениры, как что-то очень дорогое. Потом мы примерно неделю размывали «хвосты» шлангами. В дальнейшем все неполадки были устранены.

Мастером на сепарации работал Алексей Мезенин. Под его руководством было четыре стадии сепарации. На фильтры и сепарацию принимали в основном мужчин. Было несколько сепараторщиц, приехавших с других комбинатов. Мельники и сепараторщики имели одинаковый разряд, а фильтровщики – на разряд ниже. Поэтому многие из фильтровщиков ушли с фабрики, выучились на курсах и стали помощниками машинистов электровозов или экскаваторщиками.

На мельницах и сепараторах работали в то время и выпускники техникумов и вузов. В нашей смене на шаровых мельницах работал выпускник горного института Натан Степанович Титов – будущий главный инженер фабрики, а в дальнейшем один из руководителей комбината. До крупного руководителя вырос и Владимир Сергеевич Ложкин, который тоже пришел к нам со студенческой скамьи, а потом долгое время был начальником фабрики. К 20-летию комбината я написал вот такие стихи:

*Мы – смена первая, и, кроме концентрата,
Руководителей мы поставляем комбинату.
Пожалуйста, вам приведу пример:
Начальник фабрики и главный инженер.
Есть наши люди и в других местах
На очень уж ответственных постах.
И, чтобы продолжать гордиться,
Что в нашей смене они начали расти,
Нам нужно очень здорово трудиться,
Чтоб фабрику и их не подвести.*

Начальное оборудование было, конечно, несовершенным. Часто происходили «костры» (специалистам этот термин понятен). Сепараторы с очень малой производительностью часто выходили из строя. Пришлось отказаться и от ленточных фильтров.

Очень сильными были механическая и электрическая службы. До сих пор с удовольствием вспоминаю главного механика фабрики Александра Степановича Овсянникова. Впоследствии он рабо-

тал заместителем начальника фабрики по хозяйственной части. С уверенностью могу сказать, что наши люди любили фабрику. Не случайно же у нас работали целыми семьями: Бабичи, Доможировы, Черняевы, Новожиловы, Щелкуновы и многие другие. Не исключение и наша семья Кармановичей: я, мой брат, мой сын и мой отец – все были обогатителями.

С годами фабрика расширялась, реконструировалась. Количество секций было доведено до 25: 15 секций для аглофабрики и 10 – для фабрики окатышей. Железа в концентрате для окатышей должно быть больше. Для этого нужны были дополнительные мельницы. Но по компоновке они вращались в другую сторону. Из-за этого на них все время ослаблялись болты на креплении бутар. И на фабрике была создана целая бригада по замене болтов. Вспоминаю Фарида Сафиуллина. Дежурный слесарь, он между вызовами не просто перекуривал, а философствовал на тему: как сделать, чтобы техника работала безотказно? Многие его мысли были на грани фантазии. Я тогда уже работал мастером и учился заочно в горном институте. Забегая во время обхода в дежурку, старался объяснить Фариду, почему нельзя сделать то или иное приспособление. Но иногда разбить его доводы у меня не получалось. И мы вместе начинали философствовать. Результатом таких обсуждений стала ликвидация бутар на дополнительных мельницах. Не нужно теперь было закупать бутары и иметь специальную бригаду.

А вот Галимзян Сахабутдинов из смены №4. Вместе с ним мы придумали, как избавиться от «костров». В моей трудовой книжке большой список рационализаторских предложений. Половина из них – это совместный труд с другими работниками фабрики. А какой неутомимый рационализатор и умница наш Натан Степанович Титов! Неравнодушными были наши люди. Их рабочие руки и пытливая мысль надежно служили производству.

Однажды затопило подвал наклонного конвейера стержневой мельницы. Вертикальный насос сгорел. Заменить его – дело трудоемкое. Послали за крановщицей в другой пролет. А когда появился кран – он оказался не нужен. Сантехник Геннадий Седловский, высокий, могучий мужчина, уже справился с работой: вытащил сгоревший насос и поставил новый, предварительно притащив его на себе из другой секции. Вот вам тоже рабочие руки, пытливая мысль, а еще сила и главное – ответственность.

Хочется сказать несколько слов и об операторах. От них зависело очень многое: и настроение коллектива, и безаварийность работы, и качество продукции. Приведу один случай из самых первых лет работы фабрики. Механик Бабич по громкоговорящей связи сообщает оператору:

- Передайте диспетчеру, что сгуститель забуксовал!
- Михаил Григорьевич, а это хорошо или плохо? – спросила оператор.

И пришлось Михаилу Григорьевичу вспомнить многоэтажное выражение, чтобы коротко и убедительно ответить на ее вопрос.

Но в основном операторами у нас были высококлассные специалисты – женщины. Постоянного оператора-мужчину помню только одного: у него было что-то с рукой. Я говорил, что оператор во многом влияет на настроение в коллективе. А потому очень важно, чтобы у оператора тоже было хорошее настроение.

*В операторской такая грусть.
Вербы на столе облезлый куст.
Не промолвится веселое словцо.
И у Светы очень хмурое лицо.
Но тут Степа-энергетик заглянул
И черемухи букетик протянул –
Наша Света, словно зорька, расцвела,
И работа очень весело пошла.*

Мы любили наших женщин-операторов, старались радовать их не только по великим праздникам; помогали в этом и мои шутливые рифмованные строчки, которых для всех сослуживцев по фабрике написано немало.

Конечно, общий настрой в таком крупном производственном подразделении, как обогатительная фабрика, во многом зависит от руководителя. Все начальники нашей фабрики: Баранов, Еремин, Сытых, Ложкин – разные по характеру, были одинаково преданы производству и коллективу. И имели большой авторитет.

Уж плохо служит мне моя услужливая память, но этот эпизод трудовой биографии не забывается. Связан он с Н.Я.Ереминым, который долгое время был начальником обогатительной фабрики. Мне предстояло пройти переаттестацию. Как и все, очень я боялся и еле сдерживал волнение, оказавшись перед строгой комиссией, в которой был и Н.Я.Еремин – директор комбината.

– Вот перед вами Карманович, – сказал Николай Яковлевич. – Мастер обогатительной фабрики, он хорошо знает технологию и оборудование. Я ему доверяю, и у меня к нему вопросов нет. Прошу: задавайте вопросы.

Я собирался с духом и мыслями, ждал вопросов. Но их не последовало.

Вот что значит авторитет Еремина!

Прошло 50 лет. Первый концентрат, как я уже сказал, мы получили в июне 1963 года. А что было 30 сентября, от которого идет летоисчисление ГОКа? В тот день был подписан акт о пуске первой очереди комбината. Мы так же работали, но концентрат уже шел рекой, и на складе появились высокие конусы нашей продукции. А осенью 1973-го газета «Качканарский рабочий» писала: *«30 сентября 1963 года вступила в строй действующих первая очередь комбината мощностью 33 миллиона тонн руды в год. За десять лет коллектив горно-обогатительного комбината освоил технологию обогащения железованадиевых руд, используя передовую технику и новейшие достижения в области ведения горных работ, обогащения тонкоизмельченных концентратов»*. Это – о нас.

А к 20-летию фабрики я написал такие стихи:

*Седой Урал... На горном склоне
На солнце стеклами блестит,
Похожа на корабль огромный,
Уж двадцать лет, как фабрика стоит.
И сколько время ни летит,
Все трудовые годы
Прилежно от пустой породы
Освобождает магнетит.
Довольно неплохие результаты:
Тонн больше сотни миллионов концентрата!
А трудится на фабрике на той
Народ простой.
Но каждый – личность.
И он, друзья, имеет собственное Я.
Тот – рыболов, а тот – охотник,
А этот – садовод и плотник.
Та ткет ковры, та учится вязать,
Вот этот пробует стихи писать.
Но вот приходят на работу –
И возникают общие заботы,
Сливаются рабочие их руки и умы
И превращаются вдруг в Мы.
За общий труд берутся вдохновенно,
И вместе все зовутся – смена.*

И это – тоже о нас.

Тридцать три года отдал я обогатительной фабрике. Это время вспоминаю с удовольствием и удовлетворением. И счастлив, что в моей жизни была она, эта красавица, внушительная и величественная.

Юрий СТАРОСТИН

Выпускник Магнитогорского горно-металлургического института им. Г.И. Носова, он успешно начинал биографию инженера-металлурга на Магнитогорском металлургическом комбинате. С 1968 года – на Качканарском ГОКе, где прошел путь от начальника смены до начальника фабрики окатышей. В 1988 году назначен начальником ОТК комбината, а с переходом на рыночные отношения возглавлял отдел сбыта и внешнеэкономических связей. Ветеран труда, награжден медалью «За трудовое отличие», тремя медалями ВДНХ. Ударник десятой и одиннадцатой пятилеток, неоднократный победитель социалистического соревнования. Качканарскому ГОКу Юрий Иванович отдал более 30 лет.

ПЕРВАЯ НА УРАЛЕ

Начиналось лето 1968 года. Дни стояли солнечные, жаркие, что для Южного Урала не удивительно. У меня, мастера спекательного отделения аглофабрики №3 Магнитогорского металлургического комбината, настроение было отпускное: 4 июня я должен был вылететь в Адлер, на отдых. Но накануне вдруг разыгралась снежная буря, навалило снега в метр толщиной – и авиарейсы были отменены на неопределенное время... Ринулся я в Свердловск, хотел вылететь из Кольцово. Но и там картина та же: июньская зима... Что это: сюрпризы уральской погоды?.. Думаю сейчас об этом и прихожу к выводу, что это была моя судьба. Неожиданное белоснежье навеяло мне светлые мысли, которые уже работали в другом, не южном направлении. Вдруг вспомнилось, что в 1961 году я успешно защитил дипломный проект на тему: «Фабрика по производству окатышей на базе Качканарского

железорудного месторождения». Вспомнил – и решил съездить в Качканар. Решение пришло так же неожиданно, как свалившийся на голову снег... Поехал любопытства ради. Но шикарная качканарская природа меня, любителя путешествий, просто очаровала!..

В Свердловск я возвращался вместе с главным инженером фабрики окатышей В.Я.Дегодей, который обещал выслать мне приглашение на работу. Владимир Яковлевич слово сдержал – и 5 августа 1968 года я был зачислен в штат фабрики начальником смены. Начальником фабрики в то время был Василий Николаевич Перетяка, главным технологом – В.Д.Панасенко. До пускового 1970 года мне пришлось поработать диспетчером на капитальных ремонтах; в дикую морозную зиму 1968-1969 года с бригадами Северного и Западного карьеров руководить очисткой замерзшей аглофабрики, поработать начальником смены и агломератчиком.

В начале 1970 года началась серьезная подготовка к пуску первой очереди фабрики окатышей. В марте на Соколовско-Сарбайский ГОК отправилась группа горновых и агломератчиков во главе с начальником смены Л.М. Бадьяловым для теоретического и практического обучения технологии обжига окатышей, а на Центральный ГОК Кривого Рога для обучения теоретическим основам окомкования и получения практических навыков поехала группа окомковательщиков, которую возглавил я. Почему так далеко? Одна из двух уже работающих фабрик окомкования, Соколовско-Сарбайская, имела барабанные окомкователи; а участок окомкования фабрики окатышей ЦГОКа был укомплектован чашевыми окомкователями диаметром 5,5 м – такими, как качканарские. Будущие специалисты основных профессий фабрики к учебе и практике отнеслись серьезно, были аттестованы и получили соответствующие удостоверения. В мае мы вернулись с двухмесячных курсов.

К этому времени к нам приехали двенадцать выпускниц Губкинского горного техникума по специальности «обогатители». В трудные годы пуска, освоения, становления цеха они показали себя хорошо подготовленными, трудолюбивыми специалистами и освоили ведущие профессии: машинистов экскаваторов и дымососов, операторов обжиговых машин, диспетчеров, машинистов окомкователей. Думаю, вправе я назвать поименно всех этих девчат, которые не испугались самых трудных в истории фабрики 1971-1972 годов. Это Ольга Быковцева, Галина Иванова, Раиса Литвинова, Ольга Маслова, Анна Малахова (она будет награждена медалью «За трудовую доблесть»), Людмила Тон, Мария Мединцева, Галина Кононова (ее работа на фабрике будет отмечена медалью «За трудовое отличие»), Зинаида Колоскова, Любовь Бондарева, Ольга Алпеева, Галина Романова. Все девушки активно занимались

и общественной работой. Машинист эксгаустеров Ольга Алпеева позднее была избрана секретарем комсомольской организации цеха, а оператор обжиговой машины Анна Малахова была выдвинута в депутаты городского Совета. Депутатом горсовета избиралась и еще одна из нашей прекрасной «дюжины» Людмила Тон.

Но вернемся к хронологии событий.

3 апреля состоялось заседание бюро Качканарского горкома партии с участием секретаря обкома Г.В.Колбина. Были принятые жесткие сроки: начать комплексную прокрутку технологического оборудования фабрики окатышей 25 июня. Следовало, что технологии должны переходить на сменный график работы. Стали формировать технологические смены. Троє выпускниц-обогатителей: Ольга Алпеева, Нина Иванова и Ольга Быковцева – изъявили желание работать в моей смене. Вскоре «поделили» обученных на ЦГО-Ке машинистов окомкователей. Я выбрал супругов Совиных и старшим машинистом окомкователей В.А.Полуляхова (как оказалось, будущего заслуженного мастера гиревого спорта, а в то время он был мастером спорта по спортивной ходьбе), который в 1981 году будет награжден медалью «За трудовое отличие». Из горновых и агломератчиков в смену пришли В.А.Греков (в 1976 году он будет награжден орденом Трудового Красного Знамени), В.Литвиненко, А.Чернышов. Распределение кадров проходило гласно в кабинете и.о. начальника цеха В.Д.Панасенко, чтобы было все справедливо и «не перекосило» ни одну из смен. Когда зашел разговор о номинах бригад, многим захотелось цифру 1. Я на нее не претендовал и, будучи слегка северным, выбрал бригаду №4, так как в пору моей работы в Магнитогорске бригада №4 аглофабрики №3, где я работал мастером, была одной из лучших и стабильных. В итоге технологическую смену №1 возглавил Л.Бадьялов, вторую смену – А.Сыров, начальником смены №3 стал Шульц. Перейдя на сменный график, мы занимались прокруткой оборудования, смазкой подшипников роликов конвейеров, уборкой строительного мусора и другими работами по заданию начальника цеха.

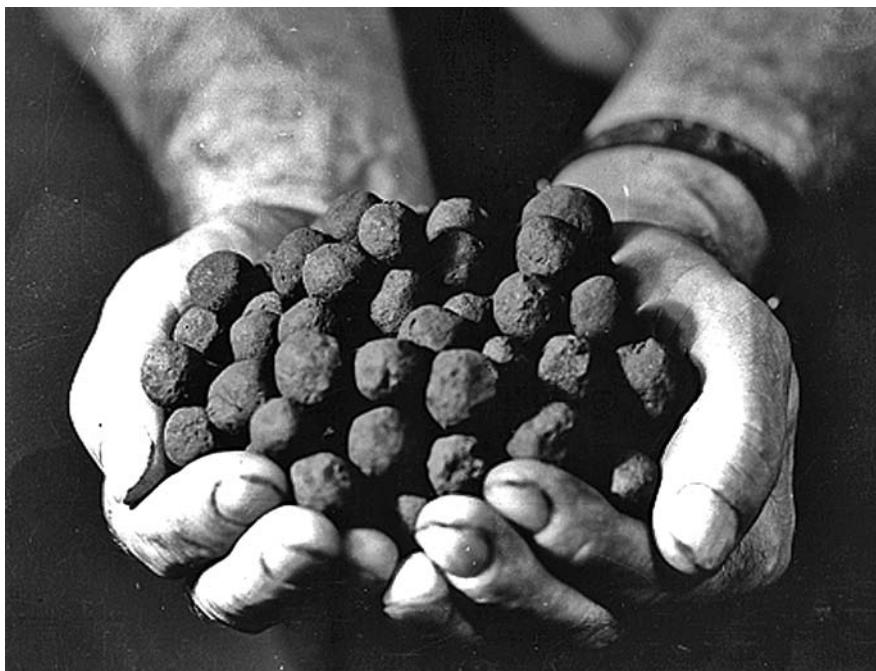
Хотя и медленно, но численность технологов росла. В бригаду пришли супруги Метлевы, Е.П.Шахабутдинова и опытный машинист эксгаустеров и дымососов Н.И.Окунева, которая в 80-е годы станет авторитетным председателем цехового комитета фабрики. По поручению руководства летом 1970 года я начал вести курсы машинистов технологического оборудования для вновь поступивших в цех. Выпуск специалистов состоялся осенью. Настроение людей в смене было приподнятое: ведь всё в то время находилось в движении к новому.

Несмотря на жесткие сроки и решения свыше, строители и монтажники не сумели к концу июня сдать оборудование под комплексную прокрутку. В середине августа в нашей бригаде №4 была опробована под нагрузкой шихтовая цепочка №1 и на окомкователе №14 получены первые сырье окатыши с разгрузкой на пол отметки + 15 м (машинисты окомкователей В.Совин и В.Полуляхов). Был конец смены, и любопытных: что же это такое окатыши? – оказалось много.

Когда на следующий день я пришел на смену, то увидел такую приятную картину. В северной стене корпуса окомкования сделан проём, выдвинут хвостовой барабан 208-го конвейера к проему – и обратным ходом конвейера сбрасываются сырье окатыши, получаемые на окомкователях №12 и №14. Естественно, место падения окатышей огорожено в соответствии с правилами безопасности. Я освободил машинистов окомкователей от других работ, чтобы они всю смену крутили окатыши. Таким образом до самого пуска обжиговой машины №1 на горячем ходу окомковательщики «набивали руку», отрабатывая технологию получения сырьевых окатышей.

Далее обжиговая машина №1 была поставлена на сушку кладки горна. График сушки, разогрева и вывода на режим разработал начальник теплотехнической службы В.А.Краснопевцев. Также был определен порядок смены разожженных горелок. А утром 24 августа в смене №1 выданы первые обожженные окатыши.

Вот они, в руках начальника смены Л.М.Бадьялова. Этот снимок, сделанный корреспондентом, был самым популярным в Качканаре в 1970-1971 годах. Он и сейчас волнует меня, напоминая о том славном времени и о людях, простых, работящих, умеющих преодолевать трудности и радоваться общим победам.

Заполнив охладитель обожженными окатышами примерно на три четверти (около 150 тонн), машина №1 была остановлена на доработку ряда моментов. 5 сентября ее работа была возобновлена. А 8 сентября на Нижнетагильский металлургический комбинат отправился железнодорожный состав с окатышами весом 1100 тонн. 10 сентября этот состав был поставлен на рудный двор доменного цеха, где состоялся митинг. Представители нашего комбината вручили доменщикам паспорт №1 на качканарские окатыши, которые пойдут на плавку в доменную печь №1.

10 сентября 1970 года председатель Госкомиссии по приемке фабрики директор Лисаковского ГОКа Д.А.Шарыгин подписал акт о вводе в эксплуатацию обжиговой машины №1.

11 сентября на площади перед бытовым корпусом фабрики состоялся многолюдный митинг строителей, монтажников, эксплуатационников. Открывая его, первый секретарь Качканарского горкома КПСС Д.И.Гикалов поздравил всех с победой: первая на Урале, третья в стране фабрика окатышей вступила в строй! Управляющий трестом «Качканаррудстрой» Б.М.Тихомирорв передал символический ключ генеральному директору комбината М.Г.Толочко. Поздравил победителей и заведующий отделом строительства Свердловского обкома партии Б.Н.Ельцин. Участники митинга отправили письмо в адрес ЦК КПСС.

Газета «Качканарский рабочий» профессионально освещала основные события, связанные с пуском первой очереди фабрики.

С пуском второй машины был установлен план на четвертый квартал в объеме 100 тысяч тонн окатышей. В октябре коллектив цеха выпусти 22509 тонн, что было вдвое выше плановых показателей месяца, а 20 декабря завершил выполнение государственного плана 1970 года, выдав 103592 тонны окатышей. Идя навстречу ХХІУ съезду КПСС, коллектив цеха решил дополнительно к плану первого квартала 1971 года выдать 4000 тонн окатышей.

Новый, 1971 год мы встретили с хорошим рабочим настроением. Первые месяцы обжиговые машины работали на невысоких нагрузках, тем не менее были видны многие недостатки. Их приходилось устранять, мобилизуя для этого и творческую мысль, и физические усилия коллектива. А текущая работа продолжалась. 13 марта 1971 года в «Качканарском рабочем» вышла заметка **«Слово не расходится с делом»**. *«Успешно работают в предсъездовские дни трудящиеся фабрики окатышей. За 70 дней первого года новой пятилетки они выпустили сверх плана 3973 тонны окатышей. Сейчас коллектив прилагает все усилия, чтобы сдержать данное слово: выпустить в первом квартале 5 тысяч тонн сверхплановой продукции. На фабрике есть свои маяки соревнования. Здесь равняются на смену Ю.И.Старостина, выдавшую в этом году 2121 тонну сверхплановой продукции».*

Даже сейчас, спустя четыре десятилетия, приятно читать эти строки, которые вместе с тем заставляют вспомнить и самый трудный, на мой взгляд, период в истории фабрики окатышей. В канун ХХІУ съезда КПСС, 29 марта, начала выдавать окатыши последняя, четвертая обжиговая машина. Увеличились неплановые простои, увеличилась запыленность; добавились простои из-за нехватки шихты; из-за неудачной схемы были простои на погрузке окатышей в вагоны. А на уборке наших завалов, я думаю, поработали все трудящиеся комбината. Из-за нестабильной работы и частых простоев страдало качество продукции. И закончилось тем, что в июле-августе фабрика план не выполнила.

Неприятно было видеть, как разбегается команда В.Н.Перетяки, которая более трех лет занималась изучением проекта, связями с проектантами, приемкой оборудования в эксплуатацию. Уволились главный механик и его зам, главный энергетик и его зам, начальник сантехслужбы, и.о. начальника цеха окатышей, заместитель начальника фабрики по общим вопросам. Я не называю фамилий, понимая, что люди имели юридическое право подать заявление, отработать две недели – и до свидания! Но бросить фабрику

в самый болезненный период... Моральную сторону оставляю без комментариев. А рабочие говорили так: «Построили крематорий – и разбежались».

Из верхнего эшелона руководителей верен цеху остался только главный инженер В.Я.Дегодя. Начальником цеха после Перетяки был назначен И.Р.Макаровский, который в паре с Дегодей составили очень эффективный tandem. Перешли на участковую структуру управления цехом. Начальником участка окомкования был назначен Н.И.Сабакарь, начальником участка готовой продукции – М.Г.Бабич; участок обжига возглавил В.А.Краснопевцев, человек обязательный, добросовестный, имеющий богатый опыт на освоении качканарской аглофабрики и в качестве начальника теплотехнической службы фабрики окатышей. Меня назначили помощником начальника участка обжига.

У всех была общая цель: добиться стабильной работы фабрики, повысить качество выпускаемой продукции. На это были направлены все дальнейшие преобразования: осуществлена лотковая загрузка окатышей в окатышевозы, исключены из работы восемь конвейеров: нетехнологичный грохот заменен на качающийся укладчик, а операция грохочения сырых окатышей была перенесена на роликовый укладчик. По инициативе В.А.Краснопевцева механические выпуски на коллекторах и пылеулавливающих устройствах обжиговых машин были заменены на гидрозатворы, которые в народе называли «чайниками». Следом от завалов очищалась нулевая отметка корпуса обжига. Работа коллектива была напряженная, творческая, результативная.

Новому руководству цеха надо было найти и надежных руководителей служб. Назначенный руководителем энергослужбы Р.А.Беломестнов надежно и успешно возглавлял ее более 30 лет. То же можно сказать и о начальнике сантехслужбы А.А.Минячеве (будущем восьмикратном чемпионе города по шахматам). А технический совет во главе с главным инженером В.Я.Дегодей стал мозговым центром по выводу фабрики из прорыва.

Вот они на снимке (слева направо): В.С.Зайко, В.Г.Пищальников, Ю.И.Старостин (сидит), Р.А.Беломестнов, И.К.Александров, В.В.Кадошников, А.М.Дюльдин, В.И.Мезенин, Н.С.Сафонов (сидит), В.Я.Дегодя, Л.М.Бадьялов.

Александр Михайлович Дюльдин, прошедший хорошую школу освоения производства на Соколовско-Сарбайском ГОКе, стал начальником нашей фабрики в мае 1972 года. Требовательный и жесткий, он был типичным представителем авторитарного стиля руководства. С начала 1972 года активизировалась работа пар-

тийной организации во главе с Г.Ф.Бахтиным. А фабричные комсомольцы под руководством Ольги Алпеевой настойчиво боролись с расхлябанностью и разгильдяйством, выпуская фотогазеты, «Комсомольский прожектор», «Фильтр», «Спёк», «Окно здоровья».

Очень важно, что 1972-й стал годом перевода обжиговых машин с мазута на природный газ. К первой декаде июля все машины работали на газовом топливе. Начался новый этап освоения технологии обжига, возросла механическая прочность окатышей, снизилось количество мелочи, уменьшилось количество возврата, снизилась запыленность в корпусе обжига и по цепочкам. Плюсов с переходом на газ было много. И главное – снизилась себестоимость нашей продукции. Было прекращено первичное грохочение окатышей перед их загрузкой в охладители, остановлен тракт транспортировки пластинчатыми конвейерами горячего и охлажденного в барабанных охладителях возврата. Ко времени остановки 251-252-го конвейеров завал в галерее был не менее 10 тысяч тонн возврата. Это в истории цеха был самый большой завал, который был ликвидирован последним.

В начале июня 1972 года А.М.Дюльдин получил квартиру и собирался поехать за семьей в г. Рудный, главный инженер В.Я.Дегодя

был в отпуске, и Александр Михайлович сказал, что на время его отсутствия, две-три недели, и.о. начальника цеха назначаюсь я. Для меня это было совершенно неожиданно. Ведь есть начальники участков, технолог – почему я? Долго упирался. Тогда он сказал по секрету, что это предложение М.Г. Толочко. О харизматичности нашего генерального директора я уже был наслышал – пришлось согласиться, хотя радоваться было нечему.

На оперативку в пятницу шел я бодро: цех неделю отработал успешно. Когда дошла до меня очередь, доложил, как положено. Михаил Григорьевич сказал ведущему протокол:

– Запишите: Старостину смонтировать перекачку отсевов из под роликовых укладчиков на обогащение.

Я вполне мирно заметил, что предстоящий объем работы не на неделю, а более. И вдруг – удар двумя кулаками по столу, да так, что стол подпрыгнул сантиметров на пять. Головы всех поникли, а сидящий рядом со мной Б.С.Очкин прошептал, даже прошипел: «Молчи!»

«Кажется, хана тебе, Старостин», – думал я, выходя от генерального. Сразу позвонил в цех, чтобы остались те, кто будет причастен к этой работе. Заказали необходимое количество бригад из «Уралдомнаремонта». В понедельник утром из ПКО принесли мне проект. А как легко снабжение выписало большое количество труб – просто удивили! И работа у нас пошла полным ходом.

В четверг вечером, это накануне оперативной пятницы, из операторской обжиговой машины №1 вижу, как по нулевой отметке один, без сопровождения ходит генеральный и лично проверяет выполнение задания. А при подведении итогов месяца, где-то в середине дня (была суббота) он зашел в кабинет начальника фабрики, поздравил меня с выполнением месячного плана. Тогда закрыли плюсом к плану 2300 тонн, хотя по оперативному учету было значительно больше. Но, помня первую встречу, лишних вопросов я не задавал.

Позднее, когда я работал начальником цеха уже при директоре комбината Н.Я Еремине, то невольно сравнивал двух руководителей. Стиль Толочко жесткий, авторитарный; у Еремина – более демократичный, доверительный. А результат один – эффективный. Думаю, что моя работа устраивала М.Г. Толочко, так как через три месяца я был назначен начальником участка обжига; а позднее, когда директор решил объединить технологию получения сырых окатышей и их обжиг в одном подразделении, то я и возглавил это подразделение, которое сам Толочко назвал участком приготовления и обжига окатышей.

В четвертом квартале 1972 года работа фабрики стала более стабильной. И самое главное – руководство цеха, начальники участков и служб знали, что делать по совершенствованию производства и как это делать. Цех работал с тесном сотрудничестве с наукой. Овладевать новой техникой и технологией помогали ВНИИМТ (М.М.Майзель, В.И.Клейн, В.А.Тверитин, Р.Ф.Кузнецов), «Уралмеханобр» (Г.И.Сладков, И.И.Рагозин, Е.А.Пахомов), Институт metallургии Уральского научного центра Академии Наук СССР (С.В.Шаврин, Л.И.Леонтьев).

Новый, 1973 год встречали с твердой уверенностью, что цех на правильном пути, что все будет хорошо.

Вот так работали мы в самый трудный, пусковой период. Вот так не на бумаге, а на деле защищал я дипломный проект на тему: «Фабрика по производству окатышей». Да, есть белая бумага, есть дипломный проект, где тоже все непросто, но понятно и в итоге – гладко. И есть производство, есть конкретные, порою очень сложные обстоятельства. А еще есть живые люди, без которых никакой проект не может быть претворен в жизнь. И я благодарен этим людям, отдавшим свой труд становлению качканарской фабрики окатышей – первой на Урале и третьей в стране.

А еще я благодарен уральскому снегу, который может вдруг явиться в июне – и круто изменить судьбу человека.

Анатолий Кучин

Родился в 1940 году в многодетной семье колхозника в небольшой деревне Ярославской области. Учился в местной семилетке, затем в техникуме по специальности «Лесное хозяйство». Работать начал в Гаринском районе Свердловской области. После службы в Советской Армии – снова в системе Минсельхоза. Потом работа в райфинотделе и заочная учеба в финансовом вузе. В Качканаре с 1969 года. Работал в ГОКе бухгалтером-ревизором, потом заместителем главного бухгалтера.

Трудовую деятельность завершил в конце 80-х годов в Министерстве финансов Свердловской области.

НА ПРЕДЕЛЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СИЛ

Признавая заслуги М.Г.Толочко перед коллективом комбината, тогдашний его директор В.В.Власихин командировал в Кривой Рог заместителя начальника одного из ведущих отделов управления – поздравить бывшего директора с 50-летием. Спустя 20 дней Власихин снова вызвал того же инженера и велел срочно вылететь на Украину для участия в траурном мероприятии в связи со скоропостижной смертью недавнего юбиляра.

Как восприняли известие о смерти Толочко все те, кто работал вместе с ним, сказать не могу, не знаю, а вот реакцию двоих наблюдал. Говорю о тог-

дашних работниках управления: главном бухгалтере П.Т.Засобе и начальнике отдела снабжения – А.А.Кузнецовой. Они по несколько раз на дню заходили один к другому, чтобы сказать: “Нет, этого не может быть! Не верю”, и услышать в ответ: “И я не верю!” Конечно, разумом они понимали, что Толочко действительно умер, но им не хотелось принять это – так они защищались от беспощадной правды жизни и поддерживали друг друга в постигшем их несчастье. Скажете: слабость? Нет, это были не слабаки-юнцы, а убелённые сединами участники боевых действий: Александр Алексеевич – офицер, командир подразделения фронтовой разведки, прошёл всю Отечественную, а Павел Тимофеевич воевал в 1945 году против Японии, рядовой, пулемётчик. Оба повидали смертей с избытком – и однополчан, и врагов.

Сам я тогда был достаточно молодой и, наблюдая поведение ветеранов, не мог в полной мере понять их глубочайшего огорчения от известия о смерти человека, который ещё недавно был их коллегой. И я по наивности был готов приписать это возрастной слабости. Лишь позднее, сам столкнувшись с подобной ситуацией, понял реакцию старых солдат на печальное известие.

Эти старые солдаты были надёжными членами команды Толочко и вместе с другими под его руководством вели комбинат к высокой цели: окончательному становлению предприятия как единого производственного комплекса и обеспечению его дальнейшего развития. И эта работа была для них смыслом, оправданием их индивидуальных жизней. Такое их духовное единство с лидером сохранилось и после отъезда Толочко на Украину. И вот их ориентира, их звезды – не стало. В тот момент для них “мир опустел”, как образно сказал некогда поэт применительно к себе.

«Варяг»

Наша семья переехала в Качканар, когда он стал уже городом. Я тогда был зачислен в штат недавно образованного горфинотдела и к ГОКу отношения практически не имел. В то время фабрика окатышей была ещё в стадии пуско-наладки. Там было много мусора, просыпей. Время от времени нас, исполкомовских, направляли на вспомогательные работы: уборка мусора, просыпей. В один из таких дней я и увидел впервые директора комбината М.Г.Толочко. Часть оборудования уже работала под нагрузкой. Было шумно, грязно, пыльно. Мы убирали просыпи под неработающим конвейером. Невдалеке был другой, работающий конвейер. От него несло

жаром остывающих окатышей. В конце конвейер ссыпал окатыши в приёмное устройство. Горячая пыль там была так густа, что в двух шагах ничего не разглядишь. Вижу, как вдоль этого конвейера к течке идёт высокий плотный мужчина в тёмном полушибке. Коллеги сказали, что это Толочко, директор. А тот прошёл к течке и скрылся в пыльном полумраке. Минуту-другую спустя он появился снова и так же несуетно удалился. Он был один, без сопровождающих.

Знакомый инженер из управления ГОКа говорил про директора:

– Как приехал с Украины, влез в свой “кожух”, так и ходит, не переодеваясь, словно другой одежды не имеет.

В его словах звучало осуждение. И, видимо, это далеко не личная точка зрения. Новый директор был непонятен для управленицев. А тот на первых порах изучал, “щупал руками” огромное комбинатское хозяйство, людей: чтобы эффективно управлять, надо всё хорошо знать, понимать.

Позже кто-то из “простых” рассказывал мне, что новый директор сразу по приезде вызвал к себе начальника ОРСа и сделал заявку на хороший цветной телевизор. Как рождались подобные разговоры – не знаю, но догадываюсь, что новый директор ни у “верхов”, ни у “низов” симпатий не вызывал.

При очередном посещении бухгалтерии управления ГОКа по делам нашей финансовой службы П.М.Лях, зам. главного бухгалтера, спросил меня:

– Какой у тебя оклад в горфо?

Я ответил. Он хмыкнул и сказал:

– Переходи к нам. У нас оклад в два раза выше, да коэффициент, да премии.

Моё финансовое положение в то время было довольно стеснённым. Я согласовал вопрос моего перехода в ГОК с заведующим городским финансовым отделом и пошёл к А.И.Милушкову – он был главным бухгалтером ГОКа. Тот – ни да, ни нет, хотя оговоренная должность была вакантной. Позже я узнал причину: Адольф Иванович сам “сидел на чемоданах”. Новый директор “посоветовал” ему поменять место работы, и он ждал решения о переводе. Чем не поглянулся главбух директору, не знаю, да и нет смысла в этом разбирааться. И вот, как только мне сказали, что в ГОКе появился новый главбух, Засоба Павел Тимофеевич, я пошёл к нему по своему вопросу. Он решил его в пять минут. Так я стал работником управления ГОКа.

Толочко для ГОКа был “варягом”, назначенцем министра – без согласования со всеми территориальными структурами: партийными, советскими, отраслевыми. Коллектив же управления к тому

времени был полностью сформирован, там были все свои друг для друга.

“Варяг” сделал “рокировку”: сменил главного бухгалтера. Не скажу, случайно или нет его выбор пал на Засобу, но то обстоятельство, что оба первых распорядителя финансовых средств оказались украинцами, породило среди управленцев немало домыслов: мол, “хохлы” будут вести дела в своих интересах. Что же – каждый судит о других по себе. Прежняя настороженность к новому директору грозила перерасти в недоброжелательность.

Непросто складывались отношения и между “хохлами”. Позже Павел Тимофеевич рассказывал мне, что на первых порах у них едва не дошло до полного разрыва. Дело было так. Его вызвал к себе директор. В кабинете уже были начфин и работник одной из субподрядных организаций. Директор сказал, что по его просьбе и под гарантию оплаты наличными рабочие монтажники выполнили очень нужную и срочную работу на комбинате, и велел выдать за счёт фонда материального поощрения обозначенную им сумму. Начфин, мол, не против, если свою подпись в расходном документе поставит главбух. Засоба сказал, что такое действие противозаконное и от него следует воздержаться.

– Тогда что: директор не хозяин своему слову?

Засоба пожал плечами.

– У тебя есть с собой деньги? – спросил директор начфина.

Нужная сумма нашлась. Директор рассчитался с подрядчиком, и все разошлись.

Этот инцидент сильно задел самолюбие Засобы. У него даже была мысль о возврате в Асбест на своё прежнее место работы – тоже крупное и новое горнорудное производство – благо его должность всё ещё оставалась вакантной. Но как человек достаточно умудрённый житейским опытом, он не стал “пороть горячку”. Ему хотелось понять и директора. Он видел, что тот сильный, волевой и ответственный руководитель. Но до прихода на комбинат у него не было опыта работы руководителя предприятия. И год работы на комбинате в паре с Милушкиным, видимо, мало что дал ему для понимания назначения и сути бухгалтерского учёта. Засоба знал, что для некоторых “технарей” работа бухгалтера представляется как некое фокусничество: мол, бухгалтер может всё “сделать”. А ведь тот инцидент не был бы таковым, если бы директор при принятии решения о форме расчёта за работу уведомил бы об этом главбуха заранее. И работа была бы выполнена, и при расчёте никаких эксцессов не возникло бы. Вывод: директор действовал по незнанию, и ему надо помочь.

Коллектив бухгалтерии. Начало 70-х годов

После таких размышлений главбух попросил директора принять его для разговора об их служебных взаимоотношениях. И такой разговор состоялся. Умный директор хорошо понял, высоко оценил и с готовностью принял заботливое великодушие Засобы. Так между ними была заложена основа максимально открытых и доверительных служебных отношений. Да и не только служебных. Конечно же, это было во благо обоим руководителям и комбинату в конечном счёте.

С момента объяснения директор часто советовался со своим главбухом по различным экономическим вопросам, благо Засоба в своём деле был профессионалом высокого класса. Вместе с тем, такие их отношения сделались предметом ревнивой зависти руководителей других экономических служб: планового отдела и отдела труда и зарплаты. Их возглавляли зрелые специалисты-женщины, обе с высшим образованием (у Засобы лишь техникум). Охраняя своё высокообразованное достоинство, эти дамы взаимодействовали с главбухом только через своих заместителей. Засоба платил им тем же.

Управленческая верхушка комбината искала возможности сблизиться в неформальной обстановке с не очень понятным им директором-“варягом”, да заодно и с его ставленником главбухом. Для этого запланировали “выезд на природу”. Засоба под благодивным предлогом, было, отказался, но потом его “уговорил” директор: мол, давай посмотрим, как “они” отдыхают на природе. Как и где проходило мероприятие, я не знаю, но едва ли не вскоре после него вышел приказ директора, которым в управлении комбината и вообще в служебных помещениях запрещались любые меропри-

ятия непроизводственного характера, то есть все те, где “по традиции” допускалось употребление спиртного.

Предрасположенность к спиртному ряда качканарцев если не возникла, то уж наверняка утверждалась и развивалась ещё в ходе строительства города и комбината. Тяжёлые условия труда, в том числе и в силу недостаточно высокой его организации, сложности в бытовых условиях, плохое продовольственное и промтоварное снабжение строителей (о чём многократно говорится в книге М.Х.Вохмянина¹, строителя комбината, Героя Социалистического Труда) – всё вместе влекло людей к спиртному. Как-то на совещании бывший первый секретарь горкома, уже будучи директором радиозавода, рассказывал, что из-за перепроектировок, брака, переделок и других потерь затраты на строительство комбината превысили первоначальные сметные назначения примерно в 2,5 раза. Выдержав паузу, продолжил: “Но если учесть доход государства от реализованной здесь за годы строительства водки, то затраты по возведению комбината будут вполне сопоставимы со сметными”.

В рабочей среде тех времён бытовал термин “ходить на работу”. Из него вытекал и другой перл: “Если я выхожу на работу, плати мне (сумма). А если я ещё и работать буду, то плати мне не менее» (сумма процентов на 20-25% выше первой). И с подобным трудовым ресурсом надо было обеспечивать работу комбината на проектную мощность 33 млн тонн добычи и переработки сырой руды в год!

Человек уходит в хмельной угар от бессодержательной и гнетущей действительности. И всяческими запретами и угрозами наказаний, да и самими наказаниями, психологию человека не изменишь. Путь один: надо создать человеку такие условия жизни, работы, чтобы они были не гнетущими, а привлекательными, имели позитивный смысл. И делать это надо силами этих же самых людей. Наверное, новый директор понимал всё это лучше многих других. Сформулировать задачу – и то уже немало, ибо любое дело начинается с мысли. Итак, надо сделать так, чтобы труд – содержание в жизни человека – был наполнен смыслом, чтобы заработанные таким трудом деньги обеспечивали качественный быт, отдых и всестороннее развитие. С чего же начать? Конечно, с условий труда.

Когда готовилась к пуску фабрика окатышей и на производство набирали рабочих, В.Г.Отрепьев, начальник отдела кадров, рассказывал:

¹ Вохмянин М.Х. Не отнимайте у меня мою Россию. - Качканар, 2012.

– Приходит мужчина оформляться на работу. Мы даём ему направление на фабрику окатышей и посылаем к начальнику цеха. А он через полчаса приходит обратно и подаёт уже подписанное направление. «Да ты ведь и до окатышей-то не успел дойти», – говорят ему. – «А я по дороге встретил двух мужиков, в спецовках, грязные, как черти. «Вы откуда?» – спрашиваю. А они: «С окатышей, работы нет, нас бригада в магазин послала». Пока так говорили, подошёл мой знакомый. Узнал, что у меня направление на окатыши, говорит: «Пойдём к нам на дробление, начальник подпишет». Я и пошёл»... Хоть сети поперёк улиц расставляй, чтобы набрать штат на окатыши, – завершает свой рассказ кадровик.

Что и говорить: тогдашние окатыши для рабочего были далеко не мёд: условия тяжелейшие: пыль, загазованность, сквозняки. Работа оборудования неустойчивая, производительность низкая, заработка тоже.

М. Г. Толочко докладывает секретарю ЦК КПСС В.И. Долгих о перспективах развития предприятия

Начальниками нового цеха тогда побывали и В.Н.Перетяка, и И.Р. Макаровский, и, наконец, А.М.Дюльдин. Последний был под стать директору: настойчивый, ответственный, знающий дело. Года через два после пуска «окатышей» я побывал там по делам службы. И что же увидел? Огромный корпус недавно – так мне показалось – побелен. Приятно поразила ухоженность прицеховой территории: свежая зелень газонов и древесно-кустарниковых насаждений, чётко оформленные пешеходные дорожки и проезжая часть, красивые и удобные в пользовании урны, места отдыха с удобными

скамейками. И нигде не видно мусора ни производственного, ни бытового. Под стать наружному виду была и внутренность корпуса: достаточное освещение, чистота стен, остекления и конструкций. Мокрая пылеподавляющая уборка проводилась в цехе два или три раза в сутки. Во многих местах, в том числе и на переходных площадках, стояли высокие цилиндрические решётки-“корзины”, выложенные наружу дёром с яркой травяной зеленью. Та же чистота и ухоженность, что и снаружи. Людей не видно, хотя оборудование работает. Из зон повышенной температуры и запылённости мощные эксгаустеры отсасывают воздух к электрофильтрам. Цех работает устойчиво и на полную мощность.

Проблемы и их решения

К тому времени комбинат уже регулярно выполнял производственные и так называемые встречные планы по всем технико-экономическим показателям. Как следствие – у коллектива была высокая зарплата. Квартальные премии по итогам всесоюзного соревнования родственных предприятий отрасли были сопоставимы с месячными окладами и ставками. Работать на комбинате было для горожан престижно. Желающие подавали заявления, а общекомбинатская комиссия рассматривала их на своих заседаниях, которые проводились дважды в неделю.

А что же предшествовало этому? Многое, трудное, требующее от руководства знаний, умений, внимания к людям, понимания их.

Так, например, проектное путевое хозяйство сдерживало доставку руды из карьеров на фабрику крупного дробления. Надо бы строить дополнительные пути, но такие капиталовложения не предусмотрены планом: нет ни средств, ни товарных фондов, ни подрядчика. Тупик? Нет! Директор едет в министерство, добивается выделения нужных материалов в приемлемые сроки как бы на капремонты. Между прочим, для экономии времени на преодоление разных бюрократических препонов в высших эшелонах власти директор с собой в командировку брал К.Х.Яппарова, агломератчика, Героя Социалистического Труда. Звезда Героя обеспечивала её обладателю беспрепятственный и внеочередной доступ в бюро пропусков, где он быстренько и оформлял пропуск для Толочко. Подобная тактика использовалась и при хождении по кабинетам. Итак, материалы добыты. Остальное: проект, разметка оси пути на местности и само строительство – осуществлялось силами соответствующих служб комбината и ресурсами субботников, которые организовывались для управленцев едва ли не ежедневно.

Ведётся укладка пути на плотине. Народу много, но дел хватает на всех. Труд в основном ручной. Директор здесь же. Он уже не в «кожухе», а в пальто. Вот дюжий путеец круговым вращением многокилограммового молотка забивает костыли – «пришибает» рельсы к шпалам. Смотреть со стороны – красота: нередко костыль с одного удара по головку входит в шпалу. Теперь такое вряд ли увидишь: все трудоёмкие и тяжёлые работы выполняют с помощью спецтехники. Директор не выдерживает и просит дать молоток ему. Первый размашистый удар приходится по рельсу – молоток высоко отскакивает вверх и в бок. «Молотобоец» уменьшил размах. Ударов за десять костыль, наконец, забит. Смущённый директор возвращает молоток рабочему, выслушивая слова сочувствия и утешения: мол, с непривычки, да и неудобно в пальто...

Пути строились. В дальнейшем их надо было обслуживать – «содержать». А чтобы планировать и осуществлять расходы на содержание объектов, их надо легализовать, учесть в официальном бухгалтерском отчёте. Но строились-то они неофициально! Не знаю, как выходило руководство из такой коллизии, но краем уха слышал от Засобы, что такая проблема была.

Дополнительные пути позволили ускорить оборот «вертушек» (рудовозных поездов). Директор строго контролировал количество думпкаров на линии и требовал, чтобы вся вагонная наличность была в работе. Но ведь и железо изнашивается. Специалисты предупреждали руководителя о запредельном износе элементов колёсных пар, что чревато сходами, поломками вагонов и путевого хозяйства. А директор «гнул» своё: «Мне нужна руда! Комбинат должен работать и давать продукцию. А ваши миллиметры, гребни и прочее оставьте себе: вы специалисты, вот и работайте как положено по вашим инструкциям!» Железная дорога не терпит нарушений установленных для неё правил – пошли массовые сходы вагонов, перекрывались пути в забой к экскаваторам, а также между карьерами и фабриками. Директору пришлось **принять** важность соблюдения требований к технологическим характеристикам колёсных пар.

Новая проблема: повышенный износ вагонов сдерживает доставку руды из карьеров на фабрики. Новых вагонов не добыть даже через министра: они поставляются из Польши. Выход один: ремонт. Срочно изучается опыт других предприятий по ремонту колёсных пар наплавкой. Приобретается оборудование, материалы, обучаются рабочие. Станки для автоматической наплавки устанавливаются в мастерских всех основных цехов и даже в маломальски приспособленных местах.

В те годы проблем различной степени значимости хватало многим цехам. Директорские оперативки и селекторные совещания нередко проходили очень бурно. Руководители цехов и служб старались переложить вину за неурядицы в своих подразделениях на других, корректности в «выступлениях» уже не находилось места. Делового разговора с выработкой позитивных решений не получалось. Директор взрывался: «Не совещание руководителей, а какое-то тырло устроили!.. Вадим Геннадьевич, продолжите оперативку, я не могу...» Оперативки в тот период времени были двойные: утром для всех подразделений, а поздно вечером – для руководителей выбившихся из графика подразделений.

Знакомый инженер из отдела главного механика рассказывал мне о фрагменте такой оперативки. Он был назначен ответственным дежурным по обеспечению ремонта вагонов на станции Качканар в ночную смену. На путях в отстой стояли неисправные вагоны, но вагонников возле них не было – они сидели в дежурке. «В чём дело?» – «Нет запчастей». По журналу ознакомился с неисправностями. У одного вагона недоставало лишь одного валика крепления борта, и он распорядился снять валик с вагона с большими неисправностями, поставить на первый и выдать вагон в работу. Так и было сделано. В это время – а было уже около 10 часов вечера – подъехал директор в сопровождении ряда руководителей цехов и отделов. Дежурный инженер доложил обстановку, в том числе сказал, что ремонты не осуществляются из-за отсутствия запчастей – их должен был поставлять соседний завод по заявке главного механика комбината.

– Радомыльский, – спросил директор главного механика, – когда будут запчасти? Простаивают вагоны, простаивают люди, на ветер летят государственные средства!

Главный механик стал говорить о том, что ему обещал директор завода. Директор прервал его и повторил свой вопрос. Радомыльский не мог ответить прямо...

Подобные расхождения в стиле работы директора и ряда его подчинённых не только не способствовали нормальной работе предприятия и непроизводительно тратили время руководителя и других ИТР, но и негативно сказывались на здоровье тех, кто переживал за общее дело.

Огромные, нечеловеческие нагрузки, физические, имею в виду режим работы: по 16-18 часов в сутки, без выходных, а более того нервные – подрывали здоровье директора. Сдавало сердце. В поликлинику не обращался, вызывал врача на дом. Тот, едва прослушав и замерив давление, выдавал предписание: немедленно на койку!

– и шёл к телефону, чтобы вызвать «скорую». Но Толочко в мало корректной форме отказывался от стационара и требовал лишь «поставить укол и выписать какие-нибудь таблетки». Отлежавшись дома день-другой, ну, от силы три дня, он снова выходил на работу и работал в прежнем режиме.

Изложенное я пересказываю из того, что мне рассказывал мой тогдашний шеф, коллега, товарищ – П.Т.Засоба. Я уже упоминал, что у него с директором сложились хорошие не только служебные, но и товарищеские (но не панибратские) отношения.

Не многие понимали и разделяли тяготы директорской ноши того времени. Нередко можно было слышать от управленицев, что, хохол «выжмет» из нового оборудования всё, «схватит» звезду и уедет. А мы останемся у «разбитого корыта».

К таким личностям, как Толочко, Засоба и подобным среди знающих их нейтральных людей не бывает. Одни – понимают их, поддерживают и вместе с ними стараются добросовестно везти общий житейский воз. Другие – хотя и не проявляют открытой враждебности, но свои служебные постромки не перенапрягут. А вообще-то все люди делятся на две основные категории. Одни живут и своими жизнями служат во благо других людей, а другие делают всё им доступное, чтобы побудить (заставить, вынудить) всех других людей служить им, обслуживать их часто корыстные интересы. Первые знают о вторых и относятся к ним терпимо, как к детям или нездоровым. Вторые очень нерасположены к первым, вплоть до ненависти – за то, что у тех диаметрально противоположный стиль жизни. Все другие виды противоречий (политические, религиозные, этнические и т.д.) есть варианты указанного коренного разделения.

От других мне не раз доводилось слышать, что Толочко бывал груб. Лично я встречался и общался с ним считанное количество раз. Не скрою, и я слышал, как он в присутствии многих ИТР использовал непечатные выражения. Мне даже и такое пересказывали: на оперативке директор захотел выяснить у присутствующих причину довольно вольного, незаинтересованного в отношении к комбинату служебного поведения одной дамы, которая возглавляла то ли какую-то лабораторию, то ли надзорную службу. Присутствующие молчали. Тогда директор сказал: «Ну тогда скажите, наконец, кто её «крышует»? Правда, якобы, употребил более короткое, непечатное слово.

Да, был груб, допускал в высказываниях мат. Но его грубость была не агрессивная, не имела цели именно так унизить другого. Грубость, скорей всего, была его защитой в той очень сложной об-

становке. Защитой не столько себя, сколько многотысячного коллектива, который он возглавлял. Ему со своими единомышленниками приходилось, по сути, держать «круговую оборону».

За работой руководства комбината следили довольно пристально. При любом «шаге в сторону» объект «брался на прицел».

Комбинат устойчиво работал, когда, кажется, в Воронеже стали производиться сепараторы мокрой магнитной сепарации – много производительнее тех, что работали на обогатительной фабрике. Замена сепараторов позволила бы увеличить производительность комбината в целом. Правда, действующие сепараторы не выработали свой ресурс и на их списание нужно разрешение высших инстанций. Правда и то, что поставка новых сепараторов комбинату не запланирована. И ещё одна правда: никто не позволит останавливать цех на замену оборудования. Но на комбинате составляются расчёты, обоснования, выводится конечный экономический эффект. С этими документами директор едет в Москву. Убеждает, доказывает. С ним соглашаются и обеспечивают поддержкой. И вот уже оборудование поступает на комбинат. Директор договаривается с опытными проверенными монтажниками с оплатой работ по аккордному наряду. Монтажники обеспечиваются горячим питанием прямо в цехе. Отдых – тоже в подсобных помещениях цеха. Труд не нормируется. Сроки работ оговорённые, но очень сжатые. И пошло: сепаратор выводится из работы, вырезается, а на его место монтируется новый и после проверки и приёмки немедленно включается в работу. Всё идёт без эксцессов.

Но вот поступает запрос из городского «белого дома»: что это на комбинате за система оплаты, когда зарплата рабочего доходит до 800 и более рублей в месяц? (В то время зарплата в 180 рублей считалась довольно приличной). И приходилось отвечать, объяснять, отчитываться.

В другой раз было так. У комбината была насущная потребность в выполнении некоторых работ с использованием спецтехники. Такая машина была у субподрядной организации, но находилась в ремонте. Вернее, она была уже отремонтирована, но у хозяев нечем было рассчитаться за ремонт – и машину завод не выдавал. Из-за отсутствия этой техники у строителей «летел» график работ. Результат: простои, санкции, убытки. Руководство договаривается: комбинат оплачивает ремонт машины заводу, а строители учтут этот платёж при выставлении счётов комбинату. Едва платёжка комбината на оплату ремонта машины поступила в отделение Госбанка, как там не только не пропустили платёж, но официально лишили главбуха комбината права подписи денежных документов

– на законном основании за нарушение финансовой дисциплины. Формально правильно. А по жизни? И так было не раз.

Об одном щекотливом случае около года назад мне рассказал недавно покинувший этот бренный мир В.Н.Митягин, Герой Социалистического Труда. Государственная надзорная служба по грузоподъёмным механизмам «арестовала» (опломбировала) главный мостовой кран в пролёте приёмных бункеров фабрики крупного дробления. И это было сделано в тот момент, когда в этом механизме была острая потребность то ли для разбутовки дробилки, то ли для ремонта футеровки. Короче говоря, таким образом была остановлена приёмка руды из карьеров и, следовательно, оставлены без сырья все последующие переделы комбината. Что это: случайность или умысел? Особенно с учётом того, что в отделье главного механика была своя крановая служба. Кто скажет? Формально всё верно, законно. Толочко просит вмешаться вышестоящую надзорную организацию. Бесполезно. А ведь массовый и неорганизованный простой – это не только потери времени, продукции, средств, но ещё и разлагающее воздействие на коллектив: безделье плодит.

– Тогда Михаил Григорьевич ко мне: «Придумай что-нибудь». И я запросил у своего руководства мощный самоходный кран – был такой в «Стальконструкции», загнали его в пролёт и выполнили, что было необходимо. Комбинат продолжил работу, – закончил свой рассказ Василий Николаевич.

У подрядных организаций безденежье – хроническая болезнь, и они стараются взять с заказчика по максимуму. В плане капримонтов значилась и теплотрасса, кажется, на КЗРГО (сейчас «Металлист»). Нашёлся подрядчик, но запросил за работу большую сумму. Директор не согласился, но приказал своим подчинённым обследовать трассу на предмет степени повреждённости термозащитной изоляции на трубопроводе. Работа была выполнена, и это позволило ГОКу доказательно вести переговоры с подрядчиком о реальной стоимости ремонта. Деньгами комбината директор не разбрасывался.

В те годы комбинат и город теплом обеспечивала ТЭЦ. Учёт тепла осуществлялся по единственному прибору, который стоял на границе трубопровода ТЭЦ – ГОК и находился в ведении ТЭЦ. Это был не счётчик в нынешнем понимании этого слова с цифровыми показателями, а самопищущее устройство условной регистрации параметров теплоносителя на специальной круговой диаграмме, читать которую могли только специалисты. Вероятнее всего, количество произведённого ТЭЦ тепла определялось расчётным

путём – через объёмы сожжённого топлива (торф или мазут) и их удельной теплотворности. Всё это зыбко и очень приблизительно. В такой обстановке дело распределения тепла между конкретными потребителями – занятие щепетильное и ответственное.

Потребителем тепла от ТЭЦ был ГОК, а в нём – паросиловой цех. Он и «делил» общее количество принятого от ТЭЦ тепла между цехами комбината, городом и всеми остальными городскими предприятиями. Таким образом, покупное тепло, не быв дешёвым, составляло существенную долю в расходах по содержанию цехов при оценке экономических показателей их работы. А это, в конечном счёте, влияло на размеры премиального фонда цехов по внутрикомбинатскому соревнованию. Отсутствие чёткой обоснованной системы в распределении тепла давало повод для нареканий в адрес руководства цеха-распределителя. Главный энергетик как куратор энергоцехов в эти отношения, кажется, не вмешивался. И вот, наконец, директор в приказном порядке поручает ему провести проверку объективности действий паросилового цеха по распределению тепла между всеми потребителями, в особенности потребителями второго порядка – сторонними городскими организациями.

В ходе проверки выяснилось, что крупная городская организация не в полной мере рассчитывается с комбинатом за тепло, а именно: её отдалённый объект не учтён как потребитель в расчётных документах. Причина простая: между руководителями организации и паросилового цеха была заключена бартерная сделка: цех организации – бесплатно комбинатское тепло, а взамен – автомобиль в личное пользование. И такие отношения сохранялись годы.

Ознакомившись с материалами проверки, директор незамедлительно освободил предприимчивого начальника от должности. Другого продолжения это дело не имело, вероятно, потому, что руководитель организации субпотребителя тепла был видным лицом в городских советских и партийных организациях. Они в те времена входили в «касту неприкасаемых».

Был тогда на слуху и другой пример директорского бдения о морально-этическом облике своих подчинённых: участие в публичной драке в городском ресторане для молодого и недавно назначенного на должность начальника крупного цеха обошлось ему переводом в рабочие. Правда, это только по приказу, слесарить бывший начальник не пошёл, но и к руководящим должностям не допускался.

Отношения директора с властями – советскими, партийными и ведомственными – были корректными, но не более. Функция власти

– организация рациональной жизни общества с ориентацией на его благоденствие (процветание) – в лучшем смысле этого слова. Чаще всего, как мы видим, власть подменяет эту благородную функцию правлением, не очень ответственным, мягко говоря, как наёмный пастух, не понимающий ни стадо, ни место и условия, где пасёт. Так править такими людьми, как Толочко, нельзя. Они скорее «пойдут на костёр», чем поступятся своими убеждениями, своим пониманием смысла и цели жизни и своего долга перед обществом.

Очередная награда комбината

Директор не разделял и не противопоставлял комбинат и город. В силу служебного положения он был депутатом городского совета. Мне довелось присутствовать на собрании, где он отчитывался перед горожанами как депутат, это было в школе №6. По тому, как он держался и говорил, чувствовалось, что публичность для него что-то очень второстепенное. Говорил он, естественно, без бумажки, просто, без красавиц, чётко, однозначно. Язык его был более технический, чем ораторский. И говорил он о том, что хорошо знал, что не раз пропустил через разум и сердце: о работе комбината, менее о достижениях и более о задачах, проблемах и перспективах развития; о средствах, которые имеются в распоряжении комбината, о том, как и на что они расходуются: на поддержание и сохранение здоровья работников комбината, на строительство жилья и объектов соцсферы, в том числе в интересах детей.

Особой заботой директора было подсобное хозяйство комбината: расчищались площади под поля. Строились животноводческие помещения, закупался породистый скот, строились коттеджи для работников. Плодородие полей поддерживалось минеральными удобрениями. Что это было действительно так, я знал не столько по рассказам, сколько видел собственными глазами, бывая в подхозе по делам службы. Да, кстати, не обходилось без казусов. Водитель, что перевозил удобрения, один рейс “завернул” в свой огород (посёлок Валериановск). Промаявшись года три – в огороде ничего не родилось – он сгрёб всю огородную землю и вывез в овраг.

Толочко заботился и предвосхищал рост и развитие города, думал об экологической чистоте. Его волей и усилиями в городе была запущена троллейбусная линия. Правда, вскоре после выбытия инициатора этой новации из города дело захирело и совсем умерло.

В советское время широкое хождение имела система приписок и очковтирательства, своеобразная форма взаимовранья или, образнее, воровства у самих себя, у своих детей. Почему-то публичным людям хочется “красиво” выглядеть, когда не получается быть таковыми. И хотя регулярно принимались грозные совместные постановления ЦК КПСС и Совмина по этим вопросам, ничего в этом деле не менялось. Да не могло измениться. Приписки процветали снизу доверху, хотя правильнее наоборот: сверху донизу. Фиктивные документы на невыполненные работы составляли бригадиры, прорабы, начальники всех рангов и уровней. То же со списанием материалов в расход, которого не было. Неуправляемая рукотворная стихия, бедствие! Приписки внутри предприятия, в отношениях между предприятиями. Приписки мелочные и масштабные. Мне не однажды доводилось соприкасаться с этим явлением по долгу службы и не только. Как агрессивны бывали поборники приписок при вскрытии и пресечении их!

Много позже, уже в 90-е годы, один высокопоставленный “областник” в приватной беседе в неформальной обстановке посвятил меня в перипетии действий властей области по “завоеванию” второго ордена Ленина Свердловской областью. Исполненные в мраморе выписки из постановлений Президиума Верховного Совета СССР много лет украшают вестибюль здания бывшего обкома партии, что у фонтана “Каменный цветок”. Было так: в межобластном соревновании у области недоставало нужных для первенства показателей. Поступила команда: “сделать” показатели! Никто не отважился. Тогда мой рассказчик, уверенный, что ничем не рискует, сам в прошлом партийный функционер высокого уровня, а в тот

период руководитель важной и всеохватной областной структуры, “принял удар на себя”: отдал команду на всю область о переделке (пересоставлении) отчётов с подгонкой их под заданные цифры. Да, о риске. Подведомственная сфера рассказчика была подобна “производству” в столовой: попробуй проверь, что и сколько фактически заложено в котёл!

В те поры имел хождение такой анекдот: водитель, возвращаясь из дальней командировки, по пути домой завернул к подружке на ночлег. Утром та посетовала: “Обещал троицу...”, на что партнёр оправдывался: “У всех шоферов две ходки всегда считаются за три”.

Всё сказанное выше – это к тому, что подобное политическое лихо не обошло и Толочко. Я видел своими глазами (мы работали в одной комнате), как бухгалтеры-“производственники” были глубоко подавлены, когда после составления очередного квартального отчёта вдруг поступили новые данные об объёмах выполненных работ – и многотрудный скрупулёзный их труд пошёл насмарку. Руки опускались начинать всё заново. Были слёзы, возмущения, упрёки. Зам главного бухгалтера инициативно пошёл жаловаться директору на маркшейдеров... Позже Павел Тимофеевич пересказал мне, во что посвятил его директор. Так вот, после того, как отчёт уже был составлен и главные показатели по телефону “ушли наверх”, директору позвонил заместитель управляющего трестом “Уралруды”, О.Г.Лесков кажется, и не очень чётко ссылаясь на верхи, потребовал, чтобы в квартальном отчёте объёмные показатели производства были бы в продиктованных им значениях. Директор, не дослушав до конца, послал его ... подальше. Через короткое время новый звонок из треста, уже от управляющего М.М. Горшколепова. Требование то же. Реакция директора – что и на предыдущий звонок. На звонки московских инстанций Толочко реагировал всё так же однозначно. И только когда ему позвонил референт союзного министра Казанца, которого директор знал лично, и сказал, что это указание его шефа, Толочко подчинился. Но! Он не просто принял указание к исполнению, а с маркшейдерской службой удостоверился, что объём приписки вписывается в допустимую погрешность для принятого метода определения объёмов выполнения горнорудных работ и что у комбината имеется потенциальная возможность “закрыть” приписку фактическими объёмами уже в очередном квартале – только тогда он дал команду о переоформлении маркшейдерского замера со всей последующей цепочкой переделок документов.

При поступлении на работу в управление ГОКа мне был назначен минимальный оклад по моей должности. Кстати сказать, и

тогда, и во всём последующем время я старался не увязывать своё отношение к работе с уровнем оплаты своего труда. К своему удивлению и, конечно, удовлетворению после года работы обнаружил, что мой оклад существенно возрос. Система побуждения к добросовестному труду через материальное поощрение работала на комбинате ... чуть не написал "безуказненно". Нет, казусы были. Так, в пору выхода комбината на устойчивую работу, чему, кстати сказать, способствовала проводимая руководством ГОКа политика максимального материального поощрения руководства основных цехов, нередко случалось такое: зарплата начальников указанных цехов оказывалась выше (за счёт премий) зарплаты директора. Это обстоятельство стало предметом обоснованной критики в адрес «трудовиков» (отдел труда и зарплаты), премиальное положение было пересмотрено и справедливость восстановлена.

В памяти – навсегда

В моей памяти Толочки оставил впечатление почтительного удивления. По виду будто бы обыкновенный простой человек. И приключения с ним случались, как с самым обыкновенным. Так, в Москве у него украли шапку. Нет, не на улице, как в вакханальные 90-е, а на вокзале, в туалете. Надо припомнить, что общественные туалеты того времени не имели кабин, как таковых. Напольные унитазы один от другого отделяла низкая, около метра, перегородка. И когда наш директорправлял нужду, лапа соседа сорвала с его головы шапку, взамен нахлобучила ему на лысину свою промазченную и – ходу. А со спущенными штанами разве побежишь догонять негодяя? Только и хватило на: Ай-ай! Моя шапка!..» А шапка была красивая, ондатровая – тогда очень модная.

И в общении он был прост до обыкновенности. Я ходил к нему на приём, когда у нас с рождением двойняшек появилась необходимость в расширении жилья. Написал заявление на имя директора, записался к нему на приём. На приёме директор спросил: «Вам трехкомнатную?» (У нас была двухкомнатная на четверых, а потребность на шестерых). – «Да желательно бы четырёх», – ответил я. На заявлении директор написал: «По возможности удовлетворить». В очередном построенном доме нам была выделена четырёхкомнатная квартира.

Моё первое очное общение с директором произошло так. Мой шеф П.Т.Засоба сказал, что меня вызывает директор, и мы тотчас пошли. При нашем появлении директор вышел из-за стола и поздоровался со мной за руку. Вернувшись за стол, он сказал, что мне

вместе с другим работником надо срочно выехать в командировку в Магнитогорск. Необходимые документы подготовлены, билеты на самолёт заказаны. Машина отвезёт нас в Нижний Тагил, далее очередной электричкой до Свердловска и до аэропорта автобусом. Вылет самолёта во столько-то. На сборы мне давалось едва ли не полчаса. Не вдаваясь в подробности, скажу, что та наша командировка была успешной, задание директора было выполнено.

Была у меня и ещё встреча с Толочко. Незадолго до его отъезда на Украину. Я тогда уже работал главным бухгалтером на КЗРГО (сейчас завод «Металлист»). Из-за серьёзного, на мой взгляд, конфликта с руководством завода (директор, парторг и председатель профкома), с участием городского комитета партийного контроля, я принял решение оставить кабинетную работу и поступить на курсы помощников машинистов тепловоза при учебном комбинате ГОКа. А для лучшего освоения материальной части локомотива на время учёбы на курсах поработать слесарем по ремонту этих тепловозов. С начальником цеха об этом я предварительно договорился.

Кодекс законов о труде того времени не допускал использования ИТР на рабочих должностях, кроме случаев официальной и обоснованной их деквалификации. По этой причине обычная процедура приёма на работу для меня оказалась неприемлемой. Отдел труда подключил к рассмотрению этого вопроса руководство треста «Уралруды». Оттуда поступил запрет на приём меня в ГОК рабочим. Тогда я попросил своего бывшего шефа Засобу П.Т. походитьствовать за меня перед директором.

Не скажу точно, было это в кабинете директора или в другом помещении, но вокруг Толочко было много разного народа, в том числе заместитель директора по экономике А.М.Глотов. Директор на ходу что-то рассматривал, говорил, подписывал. При очередной краткой паузе Засоба передал ему моё заявление о приёме меня на работу слесарем в железнодорожный цех. Глотов напомнил директору о возражении треста, упомянув О.Г.Лескова, в то время заместителя управляющего трестом по экономике. Директор проигнорировал позицию треста непечатным выражением, и уже в мой адрес: «Ну хоть бы мастером!» Засоба за меня пояснил: «Он будет работать за машиниста». На что директор сказал: «Ну, как хотите», ещё раз крепко выругался и подписал моё заявление.

Как руководитель предприятия М.Г.Толочко был максимально возможно самостоятельным и ответственно решительным. В управлении решениях руководствовался здравым смыслом и пользой как для общества, так и для коллектива, которым руково-

водил. Конъюнктурность, личная выгода за чужой счёт, интриги и всё подобное ему были чужды. Это был увереный в себе, открытый для других человек высокого общественного долга. Он работал и жил в полную силу. Если не сказать «на пределе человеческих возможностей». Избрав такой стиль жизни, он был верен ему до конца.

Да, иногда он шёл на риск, на нарушение тогдашних законов, но это было оправдано интересами коллектива, интересами самой жизни. И всю ответственность за последствия таких рисков он брал на себя.

Как некий исполин, он встряхнул не во всём удачно скроенную и не везде надёжно сшитую машину комбината, мастерски перелицевал – и все увидели, что это не только нечто приглядное, но и нарядное, удобное, надёжное, нужное. И люди пользуются им, не задумываясь о том, как всё было. Что же – человеческие побеги не думают о человеческих корнях. И, как показывает жизнь, это отнюдь не во благо первым, а вторым уже нет от этого ущерба: они не упустили своих возможностей и сделали то, что им было предопределено – полно и честно.

Таких людей, как Толочко, Засоба, должно относить (по классификации Конфуция) к благородным мужам очень высокого ранга. Высокого – не по объёму той конкретной материальной сферы, в которой они трудились (уверен, что каждый из них на любой общественно значимой должности остался бы таким же, каким был и в фактической, определённой им жизнью), а по стилю жизни, по самоотдаче, по честности и искренности служения на поприще, определённом творцом.

Говорят: смотри не столько на то, как (от себя я дополнил бы: «и как долго») человек живёт, но и как завершает свой жизненный путь. Засоба не дожил до своего 64-летия нескольких дней и умер на ходу в буквальном смысле этого слова, утром торопясь на «службу» в Совет ветеранов. Хирург В.В.Васильев (тоже недавно ушедший в мир иной) после вскрытия тела Павла Тимофеевича говорил, что тот не успел осознать, что с ним произошло.

Михаил Григорьевич жил в нашем мире 50 лет и 20 дней и тоже умер скоропостижно. Господь не может не быть справедливым к своим творениям.

Оглядываюсь на прожитое, и у меня нет ни желания, ни основания бросить камень в своё прошлое. Нет, я отнюдь не безгрешен, скорее – наоборот. Но годы работы в управлении ГОКа в составе команды Толочко-Засоба считаю для себя наиболее значимыми – для последующей жизни.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ДАТЫ

Михаил ТИТОВЕЦ,
директор городского архива,
член Союза краеведов России

НАШЕЙ ИСТОРИИ СТРОКИ 45 лет назад Качканар обрёл статус города

История Качканара нового времени¹ насчитывает 56 лет. Исторически это короткий срок, а вот с точки зрения жизни человеческой – очень даже солидно. Это три поколения: первостроители, большинству из которых прилично за 70 лет, их дети, составляющие костяк экономически активного населения, и – внуки первостроителей.

Для них время спрессовано, сжато, уплотнено событиями и датами пока, может, не с большим количеством нолей, но очень значимыми для качканарской истории.

Вот и 2013 год имеет такие вехи.

55 лет назад XIII съезд ВЛКСМ объявил Качканар ударной комсомольской стройкой. Или вот ещё одна дата, овеянная комсомольской романтикой. 45 лет назад, **25 октября 1968** года, Указом Президиума Верховного Совета СССР «за большой вклад комсомольцев и молодежи в строительство и развитие комбината и города Качканара, активную работу по воспитанию молодежи» Качканарская городская комсомольская организация награждена орденом Трудового Красного знамени. Этот факт – предмет законной гордости качканарцев, потому что наша комсомольская организация – единственная в Свердловской области орденоносная (и вторая на Урале, первая – Магнитогорская).

Любознательный краевед обратит внимание на хронологическую неувязку: на момент подписания Указа о награждении: городской комсомольской организации еще не было, её первая организационная конференция состоялась 5 ноября 1968 года.

Дело в том, что первые 11 лет своего существования Качканар рос и развивался в статусе рабочего поселка, а последующие 45 лет –

¹ Оговорка эта необходима, так как история горы Качканар и ее исследований насчитывает несколько столетий, а в конце XIX начале XX века близ горы Качканар существовали как минимум два одноименных прииска.

в «сущем сане»: как город областного подчинения. Как видим, опять круглая дата, и далеко не проходная. Вот на ней-то следует остановиться подробней.

Термин «рабочий посёлок» один в один отражает суть и сущность Качканара его первых лет. Это были годы упорного труда. И это был посёлок тружеников – строителей и горняков.

За это время численность населения Качканара сравнялась с районным центром Нижней Туры. Стабильно выдавал продукцию горно-обогатительный комбинат, ради которого всё и затевалось.

На явное несоответствие статуса многие обращали внимание, но особенно образно это сделал известный журналист В. Очертин, назвав Качканар в одной из своих статей «богатырь в распашонке».

Поэтому Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 октября 1968 года о присвоении рабочему поселку Качканар статуса города областного подчинения был воспринят, как должное.

Кажущаяся времененная близость события зачастую играет с людьми злую шутку: его не считают нужным зафиксировать (а зачем, недавно ведь было, и так помним!), а затем оно попросту забываются. Но, слава Богу, если есть очевидцы, и есть вечные беспристрастные свидетели – документы.

Вспоминает самый авторитетный очевидец – первый в истории города «вице-мэр», ныне Почётный гражданин города Качканара **Н.И. Иванов**:

«Я тогда работал инструктором Нижнетуринского горкома КПСС. Вызывает меня первый секретарь горкома **Г.М. Шереметьев**, а в кабинете у него была К.П. Сухенко. Георгий Михайлович и говорит:

– Мы хотим рекомендовать Вас заместителем председателя горисполкома в Качканар.

– Так у меня опыта нет!

– Наберешься!

1 ноября 1968 года состоялась первая сессия Качканарского городского Совета депутатов трудящихся. Состоялась она в недавно построенном Дворце культуры.

Обстановка – торжественно-приподнятая и волнительная одновременно. Клавдию Павловну избрали председателем, меня – заместителем».

В этой должности Николай Иванович проработал более пятнадцати лет.

А теперь полистаем дело № 2 фонда № 3 нашего городского архива («Качканарский городской Совет народных депутатов»).

Этому делу – особые «респект и уважуха», как выражаются тип-нэйджеры. Мы даже заново переплели его по такому случаю. В нём – протокол заседания Качканарского городского Совета депутатов трудающихся самой первой сессии 1-го созыва.

Протоколы – прекрасный исторический источник. Они дают срез проблемы, в них же предлагаются пути решения. В описываемый период ещё не сформировалась практика бравурных рапортов и победных реляций «родной Коммунистической партии, советскому правительству и лично...»

В выступлениях отмечается реальные успехи, но в целом настрой очень критический, потому что болевых точек – великое множество.

Приведем выдержки из выступлений.

Депутат **Т.Ф. Молдованова**, главврач медсанчасти.

«В 1967 году введен неплохой больничный городок. Однако в нем не созданы минимальные условия для больных и для работы медработников. В больнице очень холодно, температура в кабинетах сейчас четыре-шесть градусов, а в палатах – двенадцать-тринадцать. А теплотрасса от ТЭЦ прокладывается очень медленно и, вероятно, не будет подключена к новому году, вместо обещанного к ноябрьским дням»

«Частые перебои с водой ... нет возможности подавать горячую воду».

«Плохо обстоит дело с телефонной связью, иногда больница отключается от города на несколько дней, в том числе и скорая помощь»

«Очень низкая укомплектованность врачебными кадрами – 31%»

«Ни т. Вишневский, ни т. Арбузов (руководство облздравотдела.-М.Т.) в течение 10 лет не побывали в Качканаре. А заочно решать вопрос трудно».

«С 1970 года никакой речи о приросте коечной сети вести мы не можем из-за отсутствия площади».

«Еще хуже обстоит дело с поликлинической службой. Уже сейчас работают в одном кабинете по два врача одновременно, ибо поликлиника рассчитана на 18 врачебных приемов и 400 посещений в сутки, а у нас 33 приема и 800 посещений».

В ближайшей перспективе необходимо: «строительство поликлиники на 600 посещений следует начинать уже в следующем году и в центре города... а существующую поликлинику сделать как филиал для близлежащих районов».

«В 1969 году надо найти место в одном из нижних зданий жилого дома для стоматологической поликлиники. Из-за отсутствия площади мы не имеем возможности установить уже приобретённые стоматологические установки».

«Очень нужна аптека на территории больницы».

«Надо подумать и о строительстве здания для скорой помощи с гаражом».

О проблемах народного образования говорил депутат **В.Ф. Ермolin**. Главная из них – обеспечение перехода к всеобщему среднему образованию, для чего «необходимо создать соответствующую материальную базу и в первую очередь построить школьные здания».

«Необходимо как можно быстрее форсировать строительство восьмилетней школы в I квартале (речь идет о нынешней школе № 5 – М.Т.) приступить к строительству средней школы в 8 микрорайоне (это школа № 6 – М.Т.). Иначе через год-полтора мы не обеспечим обучение детей даже в две смены».

И ещё. «Летом загородные лагеря ГОКа и треста смогли охватить только 700-800 детей, а около 5 тысяч школьников были предоставлены сами себе. В городе нет ни одного стадиона, нет водной спортивной станции и пляжа, нет ни одной сколько-нибудь серьезной детской площадки».

И дальше все выступающие говорят в том же духе.

Депутат **С.И. Питателев** – с заботами о поселке Валериановске («ворота в Качканар») – заасфальтировать центральную улицу, построить магазин, поставить колонки водоснабжения, построить клуб...

Депутат **Е.А. Козлов** – о жилищном строительстве и благоустройстве в целом.

Как видим, очень непростое наследство получала новосозданная городская власть.

Почему так? С одной стороны – объективные причины. Это как у подростков – мышечная масса формируется быстрей, чем жизнеобеспечивающие системы (нервная, кровеносная и др.).

Вот и в Качканаре-«подростке» социальная сфера не поспевала за ростом.

А ещё важнее был фактор субъективный.

Всё же не такой реально была забота о человеке, как это декларировалось в партийно-государственных документах. Государство стремилось в первую очередь взять, а уж дать – как получится. Вот и в нашем случае: давай производство, стране нужен металл – давай руду, концентрат... В доверительных разговорах это признают и первостроители, и отцы-основатели города.

Зачем мы сегодня об этом говорим?

Ну, во-первых, потому что так было, а во-вторых, чтобы читатели осознали, какой титанический труд приложен к тому, чтобы Качканар стал таким, какой он сегодня. В том числе и городской властью, которую мы по поводу и без повода любим костерить, хотя иногда бы следовало сказать спасибо. Конечно, и сегодня проблем хватает, но они – совершенно другого порядка, как говорится, две большие разницы. И тоже решаются.

Депутатский корпус первого созыва – это депутаты Нижнетуринского городского Совета, избранные в своё время по качканарским округам. Их было 95: 54 рабочих и 41 – служащих. Мужчин и женщин – примерно одинаково: 49 и 46. Любопытный факт: 27 депутатов награждены орденами и медалями, что не удивительно: это и фронтовики, и удостоенные высоких наград за строительство города и комбината.

На повестке дня был один вопрос – организационный. Другими словами, депутаты должны были сформировать органы городской власти, что и успешно сделали. Назовём первый состав исполнительного комитета.

Как уже говорилось, председателем исполкома была избрана **К.П. Сухенко**, заместителем – **Н.И. Иванов**. Секретарем избрали **Шатунову А.Н.** (завуч школы № 4). Членами исполкома стали:

- **Гикалов Д.И.**, первый секретарь ГК КПСС;
- **Гаркачев В.В.**, председатель объединенного постройкома;
- **Козлов Е.А.**, управляющий трестом «Качканаррудстрой»;
- **Молдованова Т.Ф.**, главврач Качканарской больницы;
- **Попов И.Н.**, председатель исполкома поселкового Совета, наверное, более известный качканарцам, как первый начальник милиции;
- **Юмин К.С.**, директор школы № 3;
- **Терентьев Д.А.**, секретарь парткома треста «Качканаррудстрой»;
- **Шатунов В.М.**, машинист экскаватора рудника.

Были сформированы отделы исполкома (некоторые отделы администрации – их прямые преемники, даже названия сохранились и существуют до сих пор:

- отдел народного образования (заведующий Юмин К.С.);
- отдел здравоохранения (заведующая – Попова Э.О., врач, акушер-гинеколог Качканарской больницы);
- отдел культуры (Панова Р.П., учитель начальных классов школы №3);
- отдел социального обеспечения;
- отдел торговли (Баймаков Е.Ф., юрист-консультант ЖКО Качканарского ГОКа);
- финансовый отдел (Кожемякова М.В., главный бухгалтер ГорФО);
- отдел архитектуры (реально отдел начал работать с 1971 года, причина – кадровая: специальность архитектора была «дефицитной»);
- отдел милиции (Лебедев Р.П.);
- общий отдел (Белетцева А.К., секретарь поселкового Совета);
- плановая комиссия (Попов И.Н.);
- управление коммунального хозяйства (Григорьев Ю.А., инженер группы технологического отдела оборудования Качканарского).

Все упоминавшиеся в статье – в высшей степени достойные люди, а некоторые – личности легендарные для Качканара, достойные стать героями книг.² Шестеро из них – в когорте почётных граждан. Это Д.И.Гикалов, К.П.Сухенко, Н.И.Иванов, В.В.Гаркачёв, Р.П.Лебедев, Т.Ф.Молдованова.

Даты. Иногда говорят: «сухие даты». Нет, они – не сухие. За ними – судьбы человеческие, пот и кровь людей, в том числе близких нам. Это вехи нашей общей биографии. Это – нашей истории строки.

² Собственно, так и есть. См. Пудваль А. Вызываю огонь на себя (Клавдия Павловна). Свердловск, 1982; Лебедев Р.П. «Не запятнать честь мундира». Екатеринбург, 2005 г.

Галина КРАСНОПЕВЦЕВА

Руководитель литературного объединения «Лукоморье», член Союза журналистов России, Почетный гражданин Качканара.

«ЧУВСТВ И МЫСЛЕЙ ТРЕПЕТНЫЙ ПОСЕВ»

*К 45-летию литературного объединения «Лукоморье»
при газете «Качканарский рабочий».*

Это было много лет назад. Почти одновременно одно за другим пришли два письма.

«Здравствуйте, уважаемая редакция! Хотелось бы на страницах газеты прочитать о литературном клубе «Лукоморье». Когда он создан, кто его участники, есть ли в клубе женщины, каковы планы? Думаю, узнать об этом будет интересно многим качканарцам. Надо знакомить читателей с тем, как люди проводят драгоценное свободное время», – писала Надежда Николаевна Кожевникова.

«Читаю литературную страницу и удивляюсь: неужели все эти стихи пишут наши простые качканарцы? Неужели все фамилии авторов – подлинные?» – спрашивал Савелий, который не назвал своей фамилии, ни подлинной и ни вымышленной.

Тогда, в 1988 году, мы дали в газете краткий ответ, который занял всю «лукоморскую» страницу. А сегодня я с удовольствием возвращаюсь к этой теме. Повод – прекрасный: в 2013 году исполняется 45 лет «Качканарскому рабочему» и литературному объ-

единению. Начать же справедливо будет с той поры, когда еще не было ни газеты, ни литобъединения – была лишь тайга и молодые романтики.

Они были первыми,

кто начал этот «трепетный посев» и назвал качканарскую землю Страной поэзии. Их героический труд прорастал первыми домами и первыми улицами рабочего поселка. Их мысли и чувства тоже давали свои всходы: над тайгой звучали их песни и стихи.

*Комсомольскую путевку
Гордо я в руках держу.
С комсомольскою путевкой
Я в большую жизнь вхожу.
Не в такую жизнь, где блага
Преподносятся как дар,
А в такую, где отвага,
Где борьба за Качканар.*

Это стихотворение написал первостроитель **Николай Мелехин**, который в дальнейшем свяжет свою жизнь с газетой.

В тайге рождались стихи и песни. В них вливались перестук топоров и перезвон пил, буйный цвет черемух и чистота лесных ключей, и журчание ручья, к которому ходили за водой. В домах гудели печи – дрова то потрескивали, то шипели. Порой сердито урчали «Шкоды» – большие и надежные машины, которые возили на стройку грузы, доставляли хлеб из Нижней Туры. Качканар жил, Качканар работал, Качканар пел.

Днем песни звучали на стройке, а по вечерам в клубе. В клуб шли в большим желанием. Шли, чтобы отдохнуть после работы, принять участие в интересном диспуте, просто поговорить по душам, посоветоваться с директором клуба Мирой Михайловной Мальцевой, послушать качканарского музыканта Николая Ведерникова.

Однажды в клубе «Строитель» состоялась удивительная встреча с песней. Зрительный зал был переполнен. Лирические песни, одна лучше другой, сменялись задушевной беседой, зачарованная тишина – бурными аплодисментами: гостем качканарцев был свердловский композитор Евгений Родыгин. Он рассказывал о своем творчестве, обстоятельно отвечал на многочисленные вопросы, выполнял заявки.

– А можно еще одну заявочку, вернее, просьбу? – раздался чей-то звонкий голос. – Не напишете ли вы песню про нашу лежневку?

Композитор задумался, помолчал с минуту, потом сказал:

– Я не против. Но боюсь, что быстро у меня не получится. Ведь я пока даже не знаю, что такое ваша лежневка. Надо пожить здесь, посмотреть, а я, к сожалению, не могу остаться даже на час-другой. Должен спешить: меня ждут в Нижней Туре...

Очень жаль, конечно, но качканарцы не обиделись: они понимали занятость композитора и были благодарны ему за встречу, за песни. Они понимали: горожанин Родыгин мог вообще не знать, что такое лежневка. Но они верили: пройдет совсем немного времени – и в Качканаре тоже будет асфальт, как в Свердловске или Москве. Будет асфальт, но лежневка навсегда останется в сердцах. Эта дорога из бревен и досок, проложенная в лесу, была кратчайшим путем на завод стройматериалов, на промбазу. По лежневке ходили на работу. Здесь, на скамейках-беседках, назначали свидания. Многих эта дорога вывела в большую жизнь. Как же не сложить о ней песню!..

Так думали **Лида и Николай Ведерниковых**, возвращаясь домой из «Строителя». А вскоре мысль о песне целиком захватила их. Идет Лида с работы и сама не поймет: то ли в голове, то ли в сердце рождаются стихи о лежневке. Собирается за Маринкой в садик, а стихи уже готовы. Подождет Маринка: надо записать эти простые, немудреные слова, чтобы не забылись. Лида берет карандаш и бумагу, торопливо пишет:

*По лежневке, по лежневке
Вечерочком при огнях
На работу, на бетонный,
Провожаешь ты меня.*

Она идет в детсад, осторожно обходит осенние лужи, в которых уже плавают желтые листья. А в душе поет весна:

*Расцветет весной рябина,
Зашумит в ручьях вода,
Вот на этой на беседке
Помечтаем мы тогда.*

Одевая Маринку, она видит молодых пап и мам, весело воркующих со своими малышами, и думает о том, как много парней и девчачат нашли в Качканаре свое рабочее место и личное счастье.

*Ах, лежневка, ты, лежневка,
Нам дороже всех дорог!
Вот на этой на лежневке
Родилась у нас любовь.*

О чем еще нужно написать? Конечно, о том, что качканарцы никогда не забудут лежневку. И Лида написала. А Николай сочинил музыку.

Они напевали негромко, сначала вдвоем, и особенно не афишировали песню. Только песня не нуждается в афише. Словно звонкий ручеек весной, словно солнечный луч, она пробивала дорогу к людям и согревала их сердца. А на демонстрации Первого мая «Лежневку» пел уже весь Качканар. Она звучала в каждой семье, в молодежных компаниях, на клубной сцене. Она уже не принадлежала Коле и Лиде – песня жила самостоятельно.

И жил Качканар. Каждый день в тайге поднимались новые дома, рождались новые стихи и песни. Это были будни и праздники комсомольской стройки.

5 мая 1959 года вышел первый номер газеты **«На стройке Качканара»**. Вот он и сейчас передо мной, этот «качканарский листок», как назвал его в своем стихотворении свердловский поэт Борис Марьев. Этот «листок» делали сами качканарцы, ставшие рабочими корреспондентами. И не удивительно, что на первой странице первого номера многотиражки появилось вот такое стихотворение Л.Чебышевой.

ПРИЗВАНИЕ

*Рабкора нету в штатном расписанье.
Рабкор – не должность, а его призванье
Рабкору не нужны ни деньги, ни успех.*

*Рабкор – простой рабочий человек.
 Он в проходной снимает номерок,
 Встает, как все, он утром за станок.
 Он поезд в дальний рейс ведет,
 Руду и уголь на-гора дает.
 Он людям словом честным помогает
 Убрать с дороги все, что им мешает.
 Рабкор берется за перо.
 И, может, не совсем умело,
 Но пишет искренне и смело.
 И бьет наотмашь, точно, метко
 Рабкорова короткая заметка.*

Писали заметки, писали стихи, отражающие радости, тревоги и заботы строителей. Эдуард Мулица, Николай Поляков, Т.Новгородцева, Н.Ткаченко, Т.Воронова, Вадим Сальник, Евгений Борисюк, Вера Сусь, Евгения Хайдарова, Александра Кирпа, Анатолий Глазунов – немало было их, горевших желанием рассказать поэтическим словом «о времени и о себе». О буднях великой стройки, о рабочей гордости, о природе и, конечно же, о любви. И было вполне естественным появление в газете «Литературных страниц», на которых мы встречаем юморески и рассказы Тамары Чемерухиной, стихи Анатолия Ларионова и Владимира Крикуненко, рассказы Юрия Медведева, очерки и стихи Александра Бебикова, произведения других авторов.

Летопись города юности, начатую многотиражкой строителей, продолжил

«Качканарский рабочий»,

рожденный в апреле 1968 года. Это был знаменательный год. Осенью рабочий поселок Качканар приобрел статус города. Той же осенью комсомольская организация Качканара была награждена орденом Трудового Красного Знамени – за строительство города и горно-обогатительного комбината. А **30 октября** в редакции «Качканарского рабочего» состоялось первое, организационное занятие литературного объединения.

Первые шаги оно делало с Юрием Павловичем Медведевым – сотрудником газеты, человеком творческим. Наверное, с его легкой руки да с вдохновенья, помноженного на романтику первых качканарских стихотворцев, вот уже пятый десяток лет живет в «Качканарском рабочем» наша творческая семья. Разными путями и в разном возрасте приходят к нам новые авторы. И все же общего,

похожего у них гораздо больше: волнение, нерешительность и сомнения, творческие муки...

Об этом хорошо рассказала **Людмила Власовских**. Ее своеобразная исповедь «**О творчестве и о себе**» печаталась на «лукоморских» страницах в 2002 году.

«*Ах, Пушкин, Пушкин!.. С тебя-то все и началось... В ту пору, когда ты жил, здесь у нас была дремучая тайга. Никаких поэтов тут и в помине не было. А вот поди ж ты – для такой напасти, как стихотворчество, видно, нет преград ни в пространстве, ни во времени.*

Так начинает Людмила. И потом доверительно рассказывает своему кумиру о стихах, которые пришли к ней «еще в несмышеном детстве», о попытке найти дорогу в «Кушвинский рабочий», о Качканаре и «длинном общаговском коридоре», где было много комнат с молодыми семьями. И о Тоне Бурлаковой.

«*Ей-то первой и показала я свою заветную тетрадь. Антонина прочла и стала убеждательно вступать в литературное объединение при редакции газеты «Качканарский рабочий». Тогда оно было еще безымянным, Я же, памятуя свою первую газетную эпопею в Кушве, никак не соглашалась. Казалось, второго провала я не переживу. Антонина все-таки настояла и чуть ли не за руку привела меня в редакцию...*

На дверях кабинета было написано: «Ответственный секретарь». Господи! У меня ноги со страху подкашивались и выпучивались глаза под очками. В кабинет я вошла как парализованная (это я сейчас бойкая стала).

За столом сидела молоденькая, миниатюрная, вся в светлых кудряшках женщина, с лучезарной, располагающей к себе улыбкой. Я ожидала увидеть маститую даму с тяжелым и грозным взглядом. Ну и где?.. Она, оказывается, совсем не страшная. Подошла ко мне, приветливо заговорила. А прочитав мои стихи, сказала, что они у меня хорошие и что она рада познакомиться с новым автором. Я, конечно, вся размякла от похвал, и поджилки мои трястись перестали. Так познакомилась я с руководителем литературного объединения **Галиной Петровной Краснопевцевой**.

Домой из редакции я летела на крыльях пегаса. Сочиняла потом вдохновенно и много и притащила все это на мое первое литературное собрание. От волнения я никого толком не разглядела, а только

слушала, слушала... И по мере того, что я слышала, у меня напрочь пропало желание прочитать то, что я насочиняла. Вот так, Александр Сергеевич! Тут шла серьезная литературная учеба. И на первом же занятии я узнала много такого, о чем не дала себе труда уз-нать, прежде чем браться за перо.

А когда начался публичный разбор чьих-то стихов (всем раздали тексты), и как стали все высказываться, да чуть ли не к каждому слову с претензией – я и подумала: «Это я хорошо попала! Похожу-ка сюда с годик – может, потом и сочиню что-то путное». Хотя в «Качканарке» сразу же появилась первая подборка моих стихов, но строгость краснопевцевского взгляда и ее жесткую правку я потом тоже узнала... Мне пришлось многому учиться в литературном объединении».

А через много лет **Владислав Карманович** в свойственной ему шутливой манере напишет так:

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

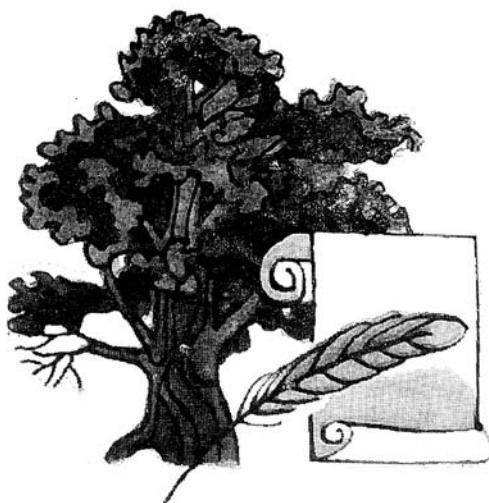
Вы этого, наверное, не помните,
Как в маленькой редакционной комнате
(Был зимний вечер, полусвет)
Читал поэму Вам назад я много лет.
Смотрели вдаль в окно куда-то Вы,
Хотя все стекла были матовы
(Их расписал старателльный мороз) –
И стало жалко мне себя до слез.
Зачем я мучаюсь напрасно:
Ведь все заранее уж ясно,
И скажет мне сейчас руководитель:
«Вы изdevаться надо мною прекратите!
Где твои мысли, чувства, страсть?
С коня поэзии скорей ты слазь!»
Замолк. Решил, что хватит унижения.
И ждал разгромного решения.
А Вы сказали: «Есть и на уши лапша,
Но чувствуется иногда душа;
И ямб с хореем путаете что-то,
И есть затянутости и длинноты.
Как можно меньше лишних слов!
Забудьте рифмы про любовь-морковь,
И от глагольных рифм избавиться старайтесь...
Есть кое-что у вас. Дерзайте!»
С тех пор прошло уж много дней –

Я в окружении талантливых людей;
Я Вам премного благодарен,
Что объяснили мне: мол, не совсем бездарен.

Учились, общались, творили. Шли годы, постепенно обновлялся наш коллектив. Одни, считая, что «переболели лирикой», покинули литобъединение. На смену им пришли новые, молодые. Ну, а те, чья душа всегда молода, и по сей день верны этому творческому братству. Молодые, как известно, взрослеют, поступают учиться, выбирают главное дело своей жизни и, случается, уезжают из Качканара. По этой причине в 70-е годы ушли из литобъединения Ирина Туруева, ставшая профессиональной журналисткой, Елена Щепанковская, избравшая учительскую стезю, и другие. В 80-е годы мы проводили в пединститут выпускницу школы №2 Светлану Возисову. Любовь Рыбкина, начинавшая стихами, в 1985 году стала корреспондентом нашей газеты. А творческая работа в литобъединении продолжалась. И настал однажды день, когда мы дружно сказали:

Здравствуй, «Лукоморье»!

Сказали это литературному объединению, которому не подобает жить без имени. Долго думали: как назвать наш творческий союз? Объявили конкурс. И одно из занятий стало именинным. Каждый не только предлагал свое название, но и должен был защитить, отстоять его. «Истоки», «Родник», «Руда», «Икар», «Вдохновение», «Дебют» – предложений поступило немало. Бурно спорили, доказывали, размышляли...

Остановились на «Лукоморье». Почему? Да потому, что от этого слова «Русью пахнет». Это слово неотрывно от Пушкина – светоча русской литературы. А еще мы вспомнили песню О.Иванова и А.Поперечного, которую исполнял белорусский ансамбль «Сябры». Называется она

У ЛУКОМОРЬЯ

Зеленый луч и море,
И синь, и глубина –
Всё это Лукоморье,
Родная сторона.
Всё это то, что свято
И чем душа жива,
Из дивной сказки взяты
Заветные слова.

А там, у Лукоморья,
Зелёный дуб шумит,
А там, у Лукоморья,
Учёный Кот не спит.
Там чудеса таятся,
От бед меня храня,
Там всё как в добродушной сказке,
Что с детства помню я.

Порой девятым валом
Несла меня судьба,
Но, где бы ни бывал я.
А приходил сюда.
И утихала горечь,
И пела мне струна.
Родное Лукоморье,
Святая сторона.

Не о нас ли эта песня?.. А прочитав стихотворение Леонида Мартынова, убедились, что Лукоморье – это «дивная страна», которую в жизни ищет каждый, как свою мечту, как идеал. А потому все дружно сказали: «Здравствуй, «Лукоморье!» И стало это имя для нас символом неуспокоенности, постоянных творческих поисков.

Наши самодеятельные поэты и прозаики много читали и писали, были доброжелательны друг к другу и в то же время взыскательны и строги. Для многих начинающих мудрым советчиком и учителем был **Иван Сергеевич Грачев**.

«Это мой строгий критик и литературный батька, – пишет о нем **Людмила Власовских**. – Помню, находились мы с ним в одно время в больнице. Он после операции, очень больной. Лежал на кушетке в коридоре переполненного отделения интенсивной терапии. Лежал тихий и печальный, но с тем же горящим взглядом и жаждой жизни.

Иван Сергеевич попросил дать ему мою тетрадь со стихами. Читал ее, делал пометки карандашом, а потом выдал мне свою рецензию. Его острый ум, не помутненный тяжелым недугом, подметил все огнихи в моих стихах. Многое пришлось полностью править. Надо сказать, что он не щадил моего больного самолюбия и все мои корявости выставил на вид, да еще и приписал в конце: «Если бы нарвать той самой крапивы, о которой ты пишешь, да надрать тебе задницу за твою лень – вот тогда, может быть, поработав над собой, ты написала бы прекрасные стихи».

А еще в творческой работе помогла нам

дружба с писателями,

которая была особенно тесной и плодотворной в 1970-80-е годы.

Для Свердловской писательской организации Качканар был олицетворением Урала:

«В судьбе Качканара легко прослеживаются судьбы городов-новостроек Урала и Сибири, с их насыщенной историей, молодой энергией, яркими человеческими характерами, манящими перспективами, а также с их специфическими судьбами, заботами, житейскими, производственными и социальными проблемами, – писал в те годы журнал «Урал». – В жизни Качканара особенно наглядно прослеживаются динамика нашей жизни, ее тенденции, ее противоречия. Вот почему на страницах нашего журнала относительно часто появляются материалы о Качканаре и качканарцах».

Не случайно именно наш город стал для писателей источником вдохновения: здесь они искали темы и героев своих произведений.

В те годы был заключен договор о творческом содружестве между журналом «Урал» и городом юности. Одним из пунктов этого договора было шефство писателей над литературным объединением. Тогда почти на каждом нашем занятии присутствовал «живой» писатель. Встречи проходили очень интересно, живое общение с литераторами было прекрасной учебой.

В дни празднования 20-летия Качканара одно из уютных помещений Дворца культуры стало «Литературной гостиной». Наши гостями были свердловские поэты Лев Сорокин и Николай Мережников, прозаики Эльза Бадьева и Анатолий Пудваль, сатирик Феликс Вибе. Признанные мастера слова, заранее познакомившись с произведениями наших авторов, сделали обстоятельный анализ их творчества, беспристрастный и в то же время доброжелательный. Критика и добрые советы, как и чашечка кофе, обжигали и согревали. И прибавляли творческих сил.

А насколько интересными были встречи не праздничные! Что ни встреча, то и новое открытие: шла серьезная, регулярная учеба. Писатели провели цикл бесед о литературном труде. Говорили об образной природе искусства, о литературе как исследовании жизни; о поэзии как сплаве мысли и чувства; о пейзаже и портрете в прозе и поэзии. Начинающие стихотворцы узнали, чем отличаются поэт-гражданин и поэт-созерцатель, язык живой и язык мертвый. О штампах и стереотипах, о живописи языка и о многом другом поведали нам сотрудник журнала «Урал» Евгений Зашихин, главный редактор Валентин Лукьянин, преподаватель Уральского госуниверситета Леонид Быков и другие.

Регулярными в те годы были и проводимые писательской организацией семинары молодых литераторов – областные и кустовые.

«Руководителям *литобъединения* всегда приглашали принять в них участие, – вспоминает **Людмила Власовских**. – И Галина Петровна обязательно брала кого-нибудь из нас в Свердловск или Нижний Тагил. На семинарах работали секции поэзии и прозы, где по косточкам разбирали начинающих поэтов и прозаиков (вот уж учеба, так учеба!). Оказаться слушателем таких семинаров – величайшее счастье. Если же ты не просто слушатель, а попал в число авторов, чьи произведения обсуждаются, – тут уж всех твоих эмоций не описать! Нет, меня не обсуждали. А вот **Александру Бебикову** пришлось почувствовать весь огонь публичной критики, строгой и справедливой, беспристрастной и доброжелательной, когда на семинаре молодых литераторов в Нижнем Тагиле обсуждалась его повесть «Матвейка».

Да, прекрасная это была пора! Многолетняя дружба с уральскими писателями – святые страницы нашей биографии».

Еще одной важной страницей в биографии «Лукоморья» является дружба с **клубом любителей уральской книги**. Создание этого клуба было тоже одним из пунктов творческого договора с журналом «Урал». Клуб любителей уральской книги, возглавляемый Эльвирой Умновой, открылся в 1980 году при профсоюзной библиотеке горно-обогатительного комбината, которая располагается во Дворце культуры.

Евгений Зашихин
на встрече в «Лукоморье»

На открытие клуба (*на снимке*), которое проходило во Дворце, приехали главный редактор журнала «Урал» Валентин Лукьянин, его заместитель Юний Горбунов, редактор отдела очерка и публицистики Анатолий Пудваль, ответственный секретарь журнала Стефан Захаров. Они привезли с собой писателя Павла Кадочигова – автора книги «Все радости жизни» о слепом адвокате из Сухого Лога Александре Максимовиче Камаеве. Этот герой книги и его жена Раиса Петровна были в центре внимания: им и автору было задано много вопросов, обсуждение книги получилось живым и трогательным.

Клуб книголюбов и литературное объединение встречались часто. Нашиими гостями были уральские прозаики и поэты Борис Рябинин и Борис Путилов, Юрий Конецкий и Любовь Ладейщикова, Венедикт Станцев и Владимир Сибирев, Игорь Шакинко и Сергей Бетев, сибирский писатель Константин Лагунов, чей роман «Больно берег крут» был отмечен как лучшее из опубликованных в «Урале» произведений о рабочем классе; были у нас также московские поэты Людмила Новикова и Анатолий Преловский... Может, кого-то и забыла.

Но хочется рассказать об одном интересном начинании тех лет. Редакция журнала «Урал» доверила качканарским читателям определять лучшего автора года. Год исчислялся с мая до мая. Качканарцы знакомились со всем, что было опубликовано за это время в «Урале», и называли лучшего. И появилась в журнале рубрика **«Лауреат Качканара»** (какая честь!). И в очередной день рождения Качканара этот лауреат в сопровождении «уральцев» приезжал на наш праздник. Было интересное общение с книголюбами, а город юности награждал лауреата. В разные годы Качканар назвал своими лауреатами Нину Горланову, Анатолия Пудвала, Людмилу Перцевую, Татьяну Чекасину и других. *«Первый раз в жизни слыша-*

ла столько добрых, теплых слов. Какой же это стимул к дальнейшей работе! Как это обязывает!» – написала Людмила Перцевая, оставляя свой автограф после встречи в Качканаре.

Интересно и насыщенно проходило наше творческое время. И приближался 1988-й – год 30-летия журнала «Урал».

*«Свое существование город и журнал начали почти одновременно. И нам интересно следить, как растет и развивается наш ровесник. А главное, конечно, это люди и проблемы молодого города», – сказала в интервью нашей газете **Валентина Артюшина**, заведующая отделом прозы журнала «Урал». Она с радостью отметила, что в Качканаре она уже не в первый раз, была на праздновании 25-летия города, на заседании клуба книголюбов, присутствовала при вручении премии авторам, которых качканарцы назвали своими лауреатами. В.Артюшина пожелала успехов Качканару, который в 1987-м отметил свое 30-летие.*

Круглую дату «Урала» качканарцы тоже отметили. Во Дворце культуры был общий городской праздник. А в библиотеке треста «Качканаррудстрой» с коллективом редакции журнала встретились «лукоморцы». Встреча была праздничной и в то же время деловой.

Вот так мы жили-поживали, ума наживали. Потом наступили 90-е годы – и многое изменилось: в жизни, в стране, в умах и душах людей. Наверное, многое трудностей и проблем стало и перед Свердловским отделением Союза писателей. Может быть, поэтому как-то постепенно сошли на нет наши связи с писателями, к которым мы так привыкли. Да они и не обязаны все время нянчиться с нами. И отправились мы

в свободное плавание,

стараясь не сбиться с выбранного курса. Много читали, продолжали литературную учебу, писали стихи и прозу. В «Лукоморье» по-прежнему было немало гостей, правда, не таких именитых, но очень интересных. Расскажу о некоторых.

Вот **Владимир Завгороднев**. Казалось бы, технарь, горный инженер, до мозга костей преданный производству – но насколько тонкая его душа, как он любит поэзию! Первая встреча с ним продолжалась три часа. Шел разговор о слове и трепетном к нему отношении; о книге, которая, по мнению Бориса Пастернака, «кусок горячей, дымящей совести и больше ничего»; о поэзии и прикосновении к тайнам прекрасного. И, конечно, о жизни, об умении жить в ладу с собой, о том, что эмоциональная пустота является причиной многих трагедий, и о том, что стихами можно уставшую душу лечить, а также об умении «беречь наш дар бесценный – речь». Вла-

димир Иванович знает наизусть тысячи стихов. Он прочитал нам те, которые совпадают с его мироощущением, рассказал о непростых и трагических судьбах многих поэтов, ответил на вопросы «лукоморцев».

Вот **Валентина Смирнова**, учитель школы имени К.Н.Новикова. Прирожденный математик, она является автором поэтического сборника «Цветные дожди». Мы были рады познакомиться с Валентиной Павловной и ее сборником, первый раздел которого посвящен, конечно же, школе.

*Школы не бывает без открытый!
В ней взрослеют, учатся, мечтают,
Строят, ищут, пробуют, находят,
И открытый здесь на всех хватает!*

Немало открытий и в самих стихах. Оказывается, «школа – это детство; детство – это краски: синие, зеленые, голубые, красные. Озорник-художник разбросал их всюду – средь снегов январских распустилось чудо!» А школьные годы – это чудесные корабли из детства, которым «дальше надо плыть и плыть, оставляя парусам надежду на то, что бурю можно победить!»

Проникновенные строки посвящены школьному звонку, каникулам, выпускному балу, вечерам встреч, ученикам и учителям.

Идут учебный год за годом, школе четыре десятка лет. И столько же цветных дождей «слились в ребячий шум веселый». Эти дожди «были светлыми, как детство». Были «яркие дожди, дожди отваги и восторга». «А цвета синего дожди дарили веру и надежду», Зеленый дождь «давал уверенность и силы. И даже черные дожди за эти годы были, были».

*Бывали всякие дожди.
Дарили грусть и озаренье.
Учили мудрости они
И приносили вдохновенье.
Учили щедрости они,
Упорным быть и не сдаваться.
И эти пестрые дожди –
Твоей большой души богатство.*

Валентину Павловну представил «Лукоморью» ее коллега, учитель истории **Михаил Иванович Титовец**. Теплая встреча с ними согрела наши души, сделала их богаче.

А вот эта встреча перенесла нас в 1968 год, который был во многом знаменателен для нашего города, устремленного в будущее. И в том же году за тысячи верст от Качканара, в глубинах Тихого океана, погиб наш земляк **Володя Соколов**, служивший на подводной лодке «К-129». Гибель этой подлодки 30 лет была покрыта тайной, и лишь теперь родные погибших тогда моряков знают часть правды о трагедии в Тихом океане.

Узнали о ней и «лукоморцы». Мы встретились в октябре, в дни, когда вся страна следила за тем, как с холодного дна морского поднимали атомоход «Курск». А потому эта встреча началась с минуты молчания и низкого поклона всем погибшим на «Курске» и на подлодке «К-129». Нашей гостьей в тот вечер была **Ольга Васильевна Рубе** – сестра погибшего в 1968-м подводника Владимира Соколова. «Лукоморцы» познакомились с биографией этого простого валериановского парня, награжденного посмертно орденом «За мужество». А Ольга Васильевна в тот вечер встретилась с подводником **Василием Белевцевым**; он тоже из Валериановска и уже давно из гостя «Лукоморья» стал его преданным другом (на снимке).

И уж коли я заговорила о военнослужащих, то надо сказать и о ветеранах Великой Отечественной войны.

Интересный человек **Виталий Васильевич Смирнов**. Прошедший дорогами войны, отдавший много лет Качканарскому гор-

но-обогатительному комбинату, он уже в пенсионном возрасте написал несколько книг-воспоминаний о своих земляках и однополчанах. На первой встрече в «Лукоморье» мы познакомились с его книгами «Истоки», «Под гусеницами танка» и с книгой «Ипта-повцы», рассказывающей об истребительном противотанковом артиллерийском полке. С тех пор ветеран буквально прикипел к «Качканарскому рабочему», проторил тропинку в редакцию, куда и по сей день приходит за советом и литературной помощью. Активный, неуемный это человек.

«*Сердце неуёмное моё*» – есть такая стихотворная строка у другого ветерана **Вениамина Константиновича Балуева**. Рифмованных строк у него немало.

*Предназначение поэта –
Будить замшелые сердца,
Добавить жизни красок, света,
Пусты без признанья, без венца,
Пусты для себя, для вдохновенья,
Для озарения души –
Пиши до самого забвенья,
Коль хочется тебе – пиши!*

И он писал, и однажды наша «лукоморская» страница озарилась его стихами, чистыми, трогательными, искренними.

Добрую память о себе оставил в «Лукоморье» и **Николай Михайлович Семенов**. «*Не понаслышике знаю о войне*», – говорит он в одном стихотворении. И это – главная тема его творчества. Николай Михайлович обращается к потомкам:

*Отгромела война в сорок пятом,
Мы простились с любимым полком,
Но солдатские подвиги свято
Для потомков своих бережем.
Память чтим голубыми огнями:
Память павших нельзя погасить.
Мы исполнили долг перед вами,
Дорогие потомки Руси!*

О своей жизни, о своей малой и большой Родине Николай Михайлович писал и прозой. Небольшие зарисовки выходили в нашей газете под рубрикой «Страницы из дневника». Что касается стихов, то он мечтал:

*Собрать бы последние силы,
Склониться над белым листом
И так написать о России,
Как пишут о самом святом.*

О ветеране войны **Степане Ивановиче Питателеве** рассказ будет впереди, поскольку он не гость наш, а старейший «лукоморец» – и по возрасту, и по творческой биографии.

На одном из занятий нашей гостьей, после длительного перерыва, была **Галина Дмитриевна Вертунова**. Молодым «лукоморцам» приятно было узнать, что она ветеран литературного объединения. Еще в 70-е годы прошлого века она плодотворно занималась поэтическим творчеством. Всю свою жизнь она посвятила медицине, самой святой ее области – акушерству. Стихи Галины Дмитриевны – о том, что ее тревожит, волнует, радует.

Хорошо известен в Качканаре **Иван Михайлович Соболев**. Горняк и горнолыжник, романтик и мечтатель, звездочет и дельтапланерист, человек с окрыленной душой, он давно знает дорогу в «Лукоморье», хотя не является его постоянным членом.

На одном из занятий он рассказал нам о богатстве земли качканарской и о том, как на горе Долгой советские пионеры и комсомольцы создавали парк «Прометей». Иван Михайлович очень любит поэзию и музыку и бывает на всех наших творческих мероприятиях.

Еще один наш друг – **Тамара Фоминична Белова**. Она уникальна тем, что много лет по крупицам собирает материалы о своих предках, восстанавливая генеалогическое древо. Результатом ее упорных поисков, поездок в Забайкалье, на родину предков, явилось богато иллюстрированное многотомное издание, с которым мы познакомились на одном из занятий «Лукоморья». А потом в газете появилась ее зарисовка о Байкале. Путевых заметок у Беловой множество.

Теперь расскажу о поэте **Александре Василевском**. В январе 2002 года он был гостем нашего города. И «лукоморцы» тоже оказались у него в гостях.

Встреча состоялась в актовом зале КЦО «Урал», где собирались качканарские студенты Уральского университета. Аудитория – не случайна: уже в течение восьми лет УрГУ прочно был прописан на качканарской земле. Но в университете не только учат и учатся, там еще пишут стихи и делают это умело. Вот, например, преподаватель истории Александр Василевский, который способен написать и кандидатскую диссертацию, и прекрасные стихи.

Его новую книгу «Лукоморье» открыло раньше. 25 декабря 2001 года, на последнем в уходящем году занятии литературного объединения, мы читали «*Устен Бодлера*» – и восторгались автором, который «летает, упервшись лбом в свое счастливое отчаяние, потому что поэт иначе жить не может: он истребляет себя, оставаясь в языке, в воздухе, в семантике вообще». А в январе, приглашенные в КЦО «Урал», мы были рады увидеть поэта живьем, слушать стихи в авторском исполнении и ответы Александра на вопросы молодежной аудитории. В тот вечер мы получили автограф Васильевского: «Литературному объединению «Лукоморье» от блудного поэта, родившегося в этом городе». Видимо, не случайно назвал он с себя блудным поэтом. Александр молод и пока еще блудит в этом огромном и сложном мире, где и мудреному-то легко заблудиться. Блудит, натыкаясь на стены зла, непонимания, отчаяния. Натыкается – и упорно преодолевает препятствия. Впереди у него еще длинная дорога. Мы пожелали Александру успехов и счастья на пути в большую науку и в большую литературу.

Для нас же большая литература как путеводная звезда. Она зовет и вдохновляет и рождает у моих «лукоморцев» новые мысли и чувства, которые трепетным посевом ложатся на газетную полосу и прорастают добрыми всходами в сердцах наших читателей.

Вдохновляю нас и

творческие коллективы

Качканара, о которых тоже следует рассказать.

В мае 2002 года состоялось совместное занятие «Лукоморья» и самодеятельного **молодежного театра «Эдельвейс»**, посвященное 45-летию Качканара. Гостями двух творческих коллективов, собравшихся в редакции «Качканарского рабочего», были первостроители. Их тепло приветствовали Медной горы Хозяйка и Данила-мастер. Они поклонились Качканару, который хранит так много богатств: и земных, и духовных. А в этот вечер для них открылись новые сокровища: поэтические, музыкальные, театральные. В стихах, песнях, сценках, в воспоминаниях первостроителей прошла вся история города юности – от первых палаток до наших дней.

«Эдельвейс» – это детище **Станиславы Казимировны Ульяновой**, которая более двадцати лет кропотливо работала с молодыми исполнителями, приобщая их к высокому искусству. Мы не раз бывали на спектаклях этого театра, которые проходили на сцене Дворца культуры, в молодежном клубе, в актовом зале радиотехникума. Мы плотно общались с этим коллективом, когда они гото-

вили к постановке одноактную комедию «Таракан», написанную нашим молодым «лукоморцем» Дмитрием Спикиным, и потом с удовольствие посмотрели этот спектакль.

Сейчас, к сожалению, уже нет в живых ни трагически погибшего Димы, ни Станиславы Казимировны – ветерана труда, человека большой души, поборника высокой культуры, Почетного гражданина Качканара. Мы скорбим и помним.

Со встречи в «Лукоморье» началась наша дружба еще с одним неутомимым подвижником **Татьяной Вениаминовной Циганковой** и ее певческими и этнографическими коллективами.

На занятиях литобъединения мы познакомились с яркой, интересной по оформлению и содержанию книгой **«Фольклорное наследие Среднего Урала»**. Книга эта – результат неустанного поиска, который в течение многих лет вели детские фольклорные ансамбли «Купавушки» и «Солнышко» Дома детского творчества, Во время экспедиций в поселки и деревни Свердловской и Пермской областей ребята записывали старинные песни, игры, гадания, частушки, колядки и другие произведения устного народного творчества, воспоминания местных жителей о традиционных праздниках, преданиях, легендах, обрядах. Воспитанники Циганковой любят народную песню, каждое слово в которой несет положительный заряд, заставляет мыслить, переживать, сочувствовать, думать сердцем и душой. Фольклорные ансамбли Татьяны Вениаминовны – участники концертов, смотров, фестивалей детского и юношеского творчества, обладатели многих дипломов и грамот. С интересом слушали «лукоморцы» Татьяну Вениаминовну, бережно листали ее нарядную книгу, желали неутомимому автору успехов в дальнейших поисках и, конечно же, восхищались голосами небольшой группы певиц из ансамбля «Журавушка», исполнивших несколько народных песен.

С «Журавушкой» у «Лукоморья» особые, трогательные и нежные отношения. Сколько совместных мероприятий провели мы на скромной сцене клуба народного творчества «Берегиня», радуя зрителей стихами и песнями, яркими сценариями!

У хора «Журавушка» есть даже свой гимн, текст которого написала Клавдия Рублева из «Лукоморья», а музыку Татьяна Циганкова. А припев там такой:

*Пойте, пойте, «журавушки»,
Судари да сударушки,
Славьте землю уральскую
Да судьбу качканарскую!*

А вот еще один необычный, но тоже творческий коллектив. В июле 2009 года на последнее перед летними каникулами занятие в «Лукоморье» пришли **представители церкви**: иерей Геннадий Чечулин—настоятель храма во имя иконы Божией матери «Взыскание погибших», руководитель и духовник воскресной школы; Сергей Александрович Широков – помощник настоятеля храма, директор воскресной школы, теолог-богослов с высшим педагогическим образованием; Георгий Александрович Суслов – помощник настоятеля храма, преподаватель огласительных бесед для окрещаемых и священного Писания, теолог-богослов с высшим педагогическим образованием; Валентина Александровна Панова – помощник настоятеля храма, миссионер по работе с сектами; она, закончившая катехизаторские курсы, проводит духовные беседы в службе спасения, военкомате, милиции, поликлинике и других организациях города, ведет просветительскую работу с населением через городские газеты и телефон доверия; Наталья Сергеевна Белоусова – педагог воскресной школы; она, получившая образование на катехизаторских курсах, проводит уроки добра для учащихся начальных классов в школах города.

«*Духовное в поэзии. Поэзия в духовной литературе*» – такова была тема этой творческой встречи. Гости послушали наши стихи, ответили на многочисленные вопросы «лукоморцев». Интересная, содержательная беседа продолжалась три часа, а вопросы все ссыпались и сыпались, словно прокладывая тропинку к последующим встречам. Отец Геннадий с благодарностью принял от «Лукоморья» картину, написанную Еленой Ерошкиной.

А осенью, после каникул, мы были приглашены за **круглый стол в Храме** прихода во имя иконы Божией матери «Взыскание погибших». Круглый стол был посвящен проблемам семейных от-

ношений. Интересной и содержательной получилась эта встреча. Она началась чтением стихов, продолжилась обсуждением выступлений и дискуссией, а закончилась тоже стихами.

Куда нас еще приглашают? Да за сорок пять лет где мы только не были! В первые годы часто бывали в трудовых коллективах строительного треста и горно-обогатительного комбината. Ветераны приглашали нас 8 Марта и в День Советской Армии. Мы выступали во Дворце культуры и в детских дворовых клубах. Нашиими слушателями были и работники милиции. Знают «Лукоморье» и в клубе ветеранов поселка Валериановска.

А однажды в День пожилого человека мы побывали **в доме престарелых**, где состоялась творческая встреча с Ниной Ивановной Рождественской, чьи проникновенные стихи растрогали эту небольшую, очень внимательную аудиторию.

Но особенно тесной в последние годы стала наша

дружба со школами,

которая одинаково интересна и полезна для нас и для детей. И счастливы те ребята, у которых есть неравнодушный учитель.

В школе №2 есть удивительный человек. Это **Лидия Дмитриевна Черняева**. Она руководит школьным музеем, изучает с ребятами историю родного края, очень любит литературу и учит детей искусству слова, хотя не является учителем литературы. Уже много лет под ее руководством плодотворно работает в этой школе **«Серебряное перышко»** – творческий коллектив, объединивший учеников разных возрастов. Они собираются в школьном музее, куда хорошо знаем дорогу и мы. Немало интересных встреч состоялось у нас в этой небольшой классной комнате. Мы говорили о первостроителях и нашем славном Качканаре, о ветеранах войны, о назначении и призвании человека и, конечно, о поэзии. Читали стихи.

Одна из встреч была посвящена Диме Спикину – выпускнику школы №2, талантливому «лукоморцу», рано и трагически ушедшему из жизни.

У «Серебряного перышка» уже немало поэтических сборников. Стихи этих ребят появлялись и на литературной странице «Качканарского рабочего».

Школа имени К.Н.Новикова – тоже наш давний друг. Еще в те времена, когда она была просто школой №4, ребята живо интересовались творчеством Бориса Рябинина. И однажды (это было в середине 70-х) мы с группой учащихся побывали в гостях у этого уральского писателя, познакомились с его семьей, с его «собаченциями» (живыми и в многочисленной коллекции); ребята с инте-

ресом слушали рассказ «собачьего писателя», как называл себя Борис Степанович. Яркое впечатление у учащихся школы №4 оставила в те годы встреча с поэтессой из Свердловска Любовью Ладейщиковой.

А с нашим стихотворцем и баснописцем Виталием Кундеревичем ребята крепко дружили. И однажды в школьном музее прошла творческая встреча с этим автором из «Лукоморья».

В этом же музее пять лет назад мы торжественно и празднично отметили 40-летие «Лукоморья». Наши гостями в тот день были поэты из Нижней Туры и Лесного. Активное участие в этом празднике приняли учащиеся школы под руководством **Ларисы Станиславовны Сергеевой**. Воспитанники этой учительницы приняли также активное участие, когда в школьном музее в 2012 году проходила наша творческая встреча, посвященная 55-летию Качканара.

А лицей №6, как участник проекта «Уральский меридиан», давно и плодотворно работает над темой «Качканар литературный». Вместе с учителем русского языка и литературы **Натальей Леонидовной Ермолиной** ребята изучают творчество местных поэтов и прозаиков. Им, как говорится, сам бог велел этим заниматься и, видимо, благословил, потому что делают они это хорошо и вдохновенно. А начинали с того, что вместе с учительницей пришли в гости к «Лукоморью». Занятие понравилось, и ребята назвали его уроком поэзии. Потом были встречи в школе с нашими авторами, чьи биографии и творчество изучают ребята. Были и коллективные встречи. А однажды нас пригласили на презентацию кабинета литературы. Мы пришли – и ахнули: со всех стен классной комнаты на нас смотрело родное «Лукоморье»!

Прошло какое-то время – и кабинет Натальи Леонидовны стал еще краше, а наши встречи в школе, где используются современные методы обучения, – еще удивительней. Вот, например, итоговая в учебном году медиасессия «Качканар литературный». Засвятился большой экран – и пошли исторические кадры, начиная от первых палаток в уральской тайге:

*Мы вспомним, как все начиналось,
Все было впервые и вновь,
Как в городе зарождалась
К литературе любовь.*

От первых стихов на качканарской земле до «Лукоморья» – фильм показал все, что узнали ребята, работая над этой темой.

А еще у них есть фильм «Содружество муз» – о взаимодействии жанров искусства, о произведениях качканарских авторов, представленных в творчестве самодеятельных коллективов города. Молодцы ребята, настоящие творцы! Их творчество мы воспринимали не только виртуально, но и могли потрогать, полистать, восхититься, потому что есть в этой школе литературный альманах (рукописный-рукопечатный), который называется очень просто: «Творчество учащихся». Творите, ребята, и дальше, и успехов вам!

В больших друзьях у нас и еще один детский коллектив, о котором кстати будет рассказать.

Школа в Старой Ляле. Чем интересна она для нас? И почему эту школу заинтересовало «Лукоморье»? Да потому, что именно в эту школу в 1949 году пришел в шестой класс Толя Иванов, мальчик из поселка Черничного. А в 1955 году за парту села первоклассница Клава Рублева, девочка из поселка Парча. Оба они из нашего творческого объединения, о котором знают в этой школе и уже не первый год хранят и читают поэтический сборник Клавдии Рублевой «Бабье лето» и книгу воспоминаний Анатолия Иванова «Жизнь наша такая». Ребята хотели познакомиться с этими авторами. Да и мы искали встречи со школьниками и учителями, с которыми были знакомы лишь по переписке да телефонным звонкам.

И вот в один из октябрьских дней мы отправились в Старую Лялю. Гостей здесь ждали. Приветливо встретила нас учительница русского языка и литературы **Вера Алексеевна Куделина**. Ее кабинет превратился в литературную гостиную «У Лукоморья», где собирались школьники, учителя, жители поселка. Мы рассказали о Качканаре, о нашем творческом объединении. «Лукоморцы» говорили о своем творчестве, отвечали на вопросы ребят. Старшекласс-

ники читали стихи Клавдии Рублевой, звучали отрывки из книги Анатолия Иванова. Вот они, А.Иванов и К.Рублева (крайняя справа) вместе с Верой Куделиной

«Время пролетело незаметно. Было очень интересно. Ученики нашей школы смогли прикоснуться к прекрасному литературному творчеству, – пишет ученик 9 класса Александр Цуканов – Встреча с бывшими учениками нашей школы произвела на меня большое впечатление. Я был поражён тем, что простые по своей профессии люди умеют так красиво и доступно писать прозу и поэзию. Проанализировав книги наших земляков, мы убедились, что центральное место в их творчестве занимает тема памяти. И я взялся исследовать данную тему».

«Тема памяти как источник творческого вдохновения в творчестве наших земляков Клавдии Рублевой и Анатолия Иванова», – так назвал свою исследовательскую работу Александр Цуканов.

А жизнь идет. И продолжается наша дружба с учениками из Старой Ляли и школьниками Качканара. Продолжает творить «Лукоморье», и выходят в свет

наши книги,

этот «чувств и мыслей трепетный посев». Первым всходом на нашей литературной ниве была книга **«Растревоженные ветры» Ивана Грачева.**

«Сборник издаю не ради славы, а просто кое-что надо зафиксировать из своей жизни», – говорит он в предисловии. В книге собраны стихи, написанные во времена хрущевской оттепели, брежневского застоя, постсоветского краха. В них нет пафоса и публицистики промелькнувших эпох. В них – эмоциональные мотивы и интонации, характерные для этого автора. В сборнике три раздела: «Солдатская тетрадь», «В лицах России», «Агония».

Все стихи «Солдатской тетради» написаны в секретном тогда ракетном гарнизоне Капъяр (Капустин Яр – село на берегу Ахтубы, рукава Волги, в 60 километрах от Сталинграда) – центральном артиллерийском испытательном полигоне резерва главного командования, где Иван проходил солдатскую службу в 1954-1957 годах. «В лицах России» – стихи о Козьме Минине и Суворове, о русской поэзии. «Агония» – это раздумья автора о Родине, о жизни.

Я начала рассказ с Ивана Грачева, чьи «Растревоженные ветры», вышли в 1995 году. Дальше буду рассказывать об авторах в алфавитном порядке.

Людмила Андреева – автор трех поэтических сборников.

«Жемчужные россыпи». Картины уральской природы, лица родных и друзей, радости и огорчения, восторг и уныние, смятение и чистая любовь, светлая надежда и святая вера – самые

разные чувства жемчугами рассыпаны на страницах этой книги. Здесь мысли о Родине, раздумья о судьбах страны и смысле жизни. И, конечно, о Качканаре.

«Осенние мелодии». Осень в этом сборнике «пестрая и жгучая», «рыжая и голопятая, в красном сарафанчике, конопатая, осень буйная и шуршащая, кареглазая и пьянящая. Яркой, богатой палитрой рисует автор это время года и зачарованно слушает музыку осени. Россия и Качканар, любовь и верные друзья, семья, дети и внуки, радости и тревоги – все впитали в себя «Осенние мелодии» Людмилы Андреевой. «Позади мои апрели – в дверь стучатся сентябрь», – отмечает она. И уже звучит «осенняя рапсодия прощальная». «Я прощаюсь с бабьим летом, уезжая в зимнюю метель», – с легкой грустью говорит автор.

«Признание» – это признание автора в любви родным и друзьям, Качканару, Уралу, Родине. В любви, которая взаимна.

*Уходит время. Я за ним бегу.
Поля пшеничные сменяла на тайгу.
Я счастлива, что принял Качканар,
Где я жила, где расцветал мой дар.
Ему призналась первая в любви,
Он крылья дал, сказал: «Лети, лети!»
И я парю над песенной тайгой.
Счастливая признаньем и судьбой.*

Елена Баженова

*Она жила в поэзию влюбленная
И сокровенное лишь доверяла ей,
Жила красиво, в жизнь устремленная –
И вдруг не справилась с трагедией своей, –*

сказала о ней Людмила Андреева. А почему Лена не справилась? Потому что, как она признавалась, «в спирали времени тугой витки упруги и близки».

«В спирали времени» – так называется сборник стихов Елены Баженовой, который издали мы после ее добровольного ухода из жизни. Помним, скорбим, сожалеем!

Алексей Башкиров

Сборник его стихов **«На крыльях любви»** вышел в год 70-летия автора. Каждая страница книги проникнута любовью к род-

ной земле и природе, к матери и единственной в мире женщине, к простым людям и Качканару и, конечно же, к поэтическому слову. Всем своим творчеством автор призывает читателя жить в ладу с природой и самим собой.

«На грани веков» – второй сборник Алексея Башкирова.

*Вставала в небесную просинь
Истории новая веха,
Сгорала последняя осень
Двадцатого нашего века.
Мы, словно друзья, расставались,
Забытое что-то всплывало,
И думы мои просыпались,
И сердце не все принимало.
В холодном огне необъятном
Весь путь отражался без тени,
Куда уж не ступишь обратно
И уж ничего не изменишь.*

Так начинается стихотворение «Истории свежая веха». Автор, словно с другом, прощается с двадцатым веком, «куда уж не ступишь обратно». Но минувший век навсегда остался в памяти сердца и в небольшой поэтической книжице, ярко отразившей этапы большого пути, пройденного автором вместе со страной и эпохой.

Людмила Власовских – автор сборника «Грозы чеченской канонада».

«Чеченская канонада» – одна из локальных войн нашего многострадального Отечества – не миновала и семью Власовских, чьи сыновья Александр и Максим служили на Кавказе. Эта война жгучей молнией прошла сквозь материнское сердце, а грозовые тучи пролились обильным дождем и потекли трогательными, волнующими строками. Стихи и очерки Людмилы Власовских, ее раздумья над сыновними письмами, а также записки Александра из его «Солдатской тетради» вошли в этот сборник. Написанные в разное время, они выстроились в книге не в хронологическом, а более в смысловом порядке и составили единый сюжет. Вот одно из стихотворений.

*ПРОВОДИЛА СОЛДАТА
Проводила солдата.
Шла и слепла от слез.
В неизвестность куда-то
Его поезд увез.*

Потянулись денечки
В наказание мне.
На какой же ты точке
В этой мерзкой войне?
На каком полигоне
Ты воюешь теперь?
По тебе душа стонет,
Как израненный зверь.
Ну зачем ты, сыночек,
Рапорт сам написал,
Ожиданьем тревожным
Так меня наказал?

Галина Занина

«**Пока слова летят**» – первая ступенька заветной поэтической лестницы, на которую этот автор поднялся в 2000 году. А слова рождались вновь и летели, а домашний сверчок пел и пел ей все новые песни. «Песни твои запишу, сверчок; слово к слову – потек ручеек. И Галина Занина делает уверенный шаг на вторую ступеньку – в 2001 году выходит ее сборник **«Песни сверчка»**.

Третий сборник Галина назвала **«Последний забег»**. Открывает его стихотворение «Ступеньки». Высокая и длинная, прекрасная и трудная эта лестница, на которой где-то очень высоко стоят Пушкин и Блок. И все же есть на ней ступеньки и для наших скромных поэтов, которые смотрят и стремятся вверх.

Людмила Зубарева

Не вычерпала жизнь меня до дна,
Душа глубоким родником осталась.

Так говорит о себе эта женщина, которая уже несколько лет прикована к инвалидной коляске, но мужественно сражается со своим недугом и не теряет бодрости духа.

На занятия «Лукоморья» Людмила приносила не только стихи, но и придуманные ею шутливые сценки с песнями и даже плясками, которые сама и исполняла, будучи «артисткой с детства». Мы видели, что даже сидеть ей трудно. Но когда начинала петь, она преображалась, словно с песнями и шутками забывала про боль. Свои чувства к семье, любимому и терпеливому мужу, к заводу, какому отдала свои трудовые годы, и к Качканару Людмила Федоровна выражала в стихах, лучшие из которых составили сборник **«Мои стихи»**.

Анатолий Иванов

Он родился и вырос на берегах реки Светлой, в поселке Черничном. Как и у большинства местной молодежи, в жизни Иванова появился Качканар, ударная комсомольская стройка, где он от простого рабочего вырос до руководителя производства.

Анатолий Степанович – автор двух книг. **«Жизнь наша такая»** (2009) – это воспоминания ветерана труда о своей жизни: детстве, учебе в школе и ремесленном училище, службе в армии, работе на заводе ЖБИ. Большая часть воспоминаний посвящена малой родине – поселку Черничному. В книге **«На житейских перекрестках»** (2010) Анатолий Степанович пишет о легендарных людях Качканара, качканарском заводе ЖБИ, событиях истории нашего родного города. А завершают эту книгу написанные А.Ивановым стихи для детей.

Татьяна Конышева

Разносторонний и очень плодовитый автор, которому одинаково подвластны и проза, и стихи. В Качканаре она прожила недолго, но оставила о себе добрую память и несколько поэтических сборников.

«Всегда мне в жизни не хватало то света, то тепла, то друга», – вздыхает Татьяна в одном из стихотворений. Неустанный поиск света, смысла жизни, понимания друзей и близких, родниковой чистоты чувств и правды слова – характерная черта ее первого сборника **«Берегиня»**, в котором четыре тетради: Весенняя, Летняя, Осенняя и Зимняя.

Два других сборника – **«Первые метели»** и **«Спасибо говорю я февралю»**

*Я слышала, что города как люди:
У каждого характер свой и норов.
Я эту тему обсуждать не буду,
Поскольку влюблена в ваш светлый город.
Куранты бьют. Я расправляю крылья,
Парю средь звезд над Качканар-городом.
И в мире нынче нет меня счастливей,
Все потому, что вы, друзья, со мною.*

Это строки посвящены Качканару и «Лукоморью». Они из последнего сборника **«Я расправляю крылья»**, который Татьяна подарила нам, покидая наш город.

Виталий Кундеревич

«Родился в городе Макеевке Донецкой области. В детстве пережил ужасы фашистской оккупации. Увлекаюсь историей, литературой и живописью. По характеру вспыльчив, но быстро отходчив. Упрям. Но упрямство помогает мне добиться задуманного. К справедливой критике отношусь с пониманием; критику и вдохновение считаю неразделимыми».

Так писал Виталий Константинович в предисловии к своему поэтическому сборнику **«Мои стихи – моя жизнь»**, изданному в 2002 году. Впечатления военного детства, уральская природа, люди, раздумья о прошлом, настоящем и будущем – вот основные темы его творчества. Активно работал Кундеревич и в жанре басни.

Сегодня Виталия Константиновича уже нет с нами, но живут его вдохновенные строки, звучат ставшие песнями его стихи, положенные на музыку Николаем Веденниковым и Анатолием Березиным.

Александра Пастухова

*Из далеких суровых лет,
Дней, проживших под крышей одною,
Сохранился тропинки след –
Память сердца жива со мною.*

Таков эпиграф к сборнику стихов **«Уральский город мой»**. Это Нижний Тагил, где в 1940 году на металлургическом заводе (НТМЗ) начался трудовой путь Александры Герасимовны. В своих стихах она рассказывает о трудностях и лишениях военного времени, о героизме скромных тружеников тыла, которые ковали победу над фашистами.

Различные эпизоды и жизненные ситуации, от смешных до трагических, описаны Александрой Герасимовной в прозе, в небольшом сборнике зарисовок **«Случается всякое»**. Чуткая к языку, к слову, веселая по натуре, она нередко проделывала лингвистические упражнения. Часть их вошла в сборник **«Аллитерация»**.

Мы помним Александру Герасимовну энергичной и бодрой, умеющей заразить своим жизнелюбием молодых собратьев по перу.

Степан Питателев

Ветеран Великой Отечественной войны Степан Иванович Питателев – один из самых старых и давних членов «Лукоморья». Давно уж пальцы этого неравнодушного человека «тянутся к перу, перо

– к бумаге». Давно ведет он разговор по душам с чистым листом бумаги, доверяя ему свои мысли и чувства, сомнения и тревоги. Давно мечтал он о сборнике своих стихов. И вот сбылась мечта ветерана: в его руках солнечная книжка, на обложке которой спелые колосья.

Автор сборника – человек от земли, в ней его корни и вдохновение.

*Я видел, как зреют поля,
Как ярко сверкают зарницы.
Еще не проснулась земля,
А в поле уж шепчет пшеница, –*

говорит он о себе и ведет далее откровенный, искренний разговор с читателем. Книга так и называется – «*Разговор по душам*». Издана она в 2004 году, а в последующие годы вышли еще три сборника с таким же названием, но с новыми стихами. Книги проникнуты искренним желанием автора рассказать о природе и любви, о родном крае и его людях, о сегодняшних проблемах и, конечно, о войне.

Нина Рождественская

Поэзия – не ее профессия. Рожденная на тверской земле, горный инженер по образованию, к поэтическому творчеству всерьез она обратилась поздно, уже в пенсионном возрасте. Взялась за перо – и богатая женская душа вылилась на бумагу трогательными, живительными капельками.

«*Это – капельки души*» – так называется сборник ее стихов, который пережил уже два издания: в 2006-м и дополненное – в 2008 году.

Душа этого втора обладает удивительным свойством – умением слышать земную музыку, чувствовать боль и радости людей. А потому каждая строчкаозвучна чьей-то душе, кого-то тревожит и греет.

В 2012 году вышел новый сборник Нины Рождественской «*Раскрытая тетрадь*».

*Раскрытая тетрадь,
Рифмованные строки,
Все хочется сказать
В отпущеные сроки...*

И она говорит – искренне, откровенно, доверительно – о жизни, людях, о своем творчестве.

*Моя последняя строка,
Не замутненная печалью,
Она не сказана пока
И скрыта за душевной далью.*

Где-то там, в душевной дали, кроются и копятся новые «капельки», чтобы, со временем созрев, стать большим потоком, спокойным и светлым или тревожно бурлящим.

Клавдия Рублева

Ее первый и пока единственный сборник стихов «*Бабье лето*» открывается разделом «Исповедь». Искренне, как на исповеди, рассказывает Клавдия Петровна о своих предках, о себе – от зари детства до взросления и мужания. А дальше лирические строки о природе (раздел «Времена года») и любви («На причале чужом», «*Бабье лето*»), о нашем городе («Расцветай, Качканар!»), тревожные раздумья о жизни в разделе «Безвременье» и размышления о поэтическом творчестве («И пишет сердце»).

*Я смотрю в тебя, Осень,
Сквозь прозрачные окна.
Без тебя, моя Осень,
Будет так одиноко...
Так бы я любовалась
Красотой твоей дивной,
Да немного осталось
До метелюшки зимней...
Не покинь меня, Осень!
Я люблю тебя, Осень!*

Да продлятся бабье лето и золотая творческая осень Клавдии Рублевой, многие стихи которой стали песнями!

Вадим Сальник

Он прибыл на стройку по комсомольской путевке. Был плотником и землекопом, работал в отделе технического снабжения, учился в строительном техникуме, вел комсомольскую работу, писал в местную газету. На страницах газеты появились и его первые стихи.

*Помним мы начало, помним месяц май.
Первыми шагнули в необжитый край.
Верили и знали: нет пути назад,
В дикой глухомани будет комбинат!*

Многие стихи Вадима стали песнями. С песнями жил и трудился, как все поколение первостроителей города юности. После смерти Вадима его друзья издали сборник, назвали просто – *«Стихи и песни Вадима Сальника»*.

Дмитрий Спикин

«Сгоревшая звезда» – так называется одно из стихотворений, давшее название сборнику этого юного поэта, который сам сгорел, как звезда, осветив небосвод Качканара и *«Лукоморья»*.

Его стихи – это лирические зарисовки о природе и любви, раздумья о вечных вопросах жизни и смерти; это рифмованные исповеди: в них тревога и боль поколения, к которому принадлежал Дима. Ответы на мучившие его вопросы он искал в своей душе, в отечественной истории и литературе, у друзей. Сквозь тьму неизвестия и сомнений Дима всю свою недолгую жизнь пробивался к свету, стремился понять людей и обстоятельства. И очень хотел, чтобы его понимали.

*Раздаю по кусочкам сердце
Всем желающим, и не только...
Разливаю по каплям душу –
Подставляйте стаканы, люди!*

Талант Дмитрия Спикина был многогранен. Он писал не только стихи и басни, а также повести, обращался и к драматургии. Его одноактная комедия *«Таракан»*, поставленная молодежным театром *«Эдельвейс»*, очень тепло была принята зрителями.

Светлана Суторихина

О себе говорит так: *«Детство мое было легкое и счастливое. Увлекаюсь литературой и Библией. По характеру сентиментальна и плаクисва. Хочу мира и добра для всех, чтобы жили без болезней и тревог. Любовь для меня – это жизнь и все при ней»*.

Литературное творчество Светланы начинала стихами, потом увлеклась прозой и написала немало сказок для детей, которые составили сборник *«Оранжевый король»*.

Надежда Трушкова

«Дорогой читатель! Ты открываешь книгу моих стихов «Березовый сок», а значит, знакомишься со мной, моими чувствами и тем миром, в котором я живу», – написала она в предисловии к сборнику.

Ее мир – это уральская природа, Качканар и горно-обогатительный комбинат, это горные лыжи и коньки, это книги и наше «Лукоморье». Легкая на подъем, легкая в общении, Надежда имеет много друзей (первый ее сборник назывался «Моим друзьям»), часто бывает в детских коллективах, умеет разговаривать с любой аудиторией. Активная, инициативная, с молодой душой – такова наша Надежда.

Я лечу по лыжне –
Разбегайтесь, деревья!
Я лечу по лыжне –
Расступайтесь, снега!
Солнце в руки идет,
И мороз щеки жжет –
Ну, а мне нипочем:
Ко мне юность пришла!

Вот так воспринимает свой возраст пенсионерка Трушкова.

Многие стихи Надежды Трушковой: о природе, любви, о Качканаре – стали песнями.

«Расцветай, Качканар!»

Так называется коллективный сборник, посвященный 50-летнему юбилею города.

Эту небольшую книгу можно назвать поэтической биографией Качканара. От первых палаток и первых улиц в тайге до высотных домов современного благоустроенного города, от первых взрывов в карьерах до могучего дыханья комбината – «о времени и о себе» рассказали три десятка качканарских поэтов. Презентация этого сборника прошла в городской библиотеке.

Вышедшее следом второе издание было дополнено фотографиями авторов. А открывали книгу наши славные друзья-литераторы: Федор Селянин, Борис Марьев, Лев Сорокин, Николай Мережников, Венедикт Станцев, Владимир Сибирев. Они воспевали романтику и героизм созидающего труда.

Качканарский восход, качканарский восход
Над тайгою жар-птицей гигантской встает!

*Расправляет два огненно-пестрых крыла.
Кто сказал, что жар-птица лишь в сказках была?
Видишь, сварки на стройке кострами искрят?
Это перья жар-птицы в руках у ребят! –*

писал Лев Сорокин в стихотворении «Качканарский восход».

Был романтический восход Качканара, потом его героический рассвет. Возмужали наши первостроители, и через полвека Татьяна Семакина написала стихотворение «Свет далекой юности», которым и открывалось первое издание нашего коллективного сборника. А завершается он песнями. Сейчас «лукоморских» стихов, положенных на музыку, уже больше сотни.

Но вернемся к **Татьяне Семакиной**.

Своего сборника у нее пока нет, хотя ее поэтических строк хватит не на одну книгу

*Я пишу о своих земляках,
Мне они интересней великих.
Их простые и скромные лики
Тоже могут остаться в веках, –*

заявляет Таня и пишет проникновенные строки о качканарцах. И главными ее героями стали действительно героические мальчики,

погибшие в Афганистане и Чечне. Татьяна дружит с их семьями, с комитетом солдатских матерей, городским Советом ветеранов, активно участвует в мероприятиях, которые проводят эти организации. Немало у Татьяны и стихов о природе, творчестве и о русском слове, к которому она относится очень бережно, чувствуя его величие и силу. Сразу скажу, что Татьяна Семакина – «лукоморский» культорг и главный сценарист всех наших массовых мероприятий.

Нет пока книги и у **Надежды Шулеповой**, чьи стихи украсили наш коллективный сборник. Темы ее многогранны, поэтический язык образный, немало в ее творчестве и духовных стихов. Давно пробует себя Надежда и в прозе. Убедительны и искренни ее бытовые зарисовки и рассказы о людях.

Однаково успешно творит в стихах и прозе и **Людмила Рейзе**.

Своеобразно воспринимают мир и показывают его в своих стихах **Елена Ерошкина** и **Светлана Волегова**.

От земли и деревни, от русского фольклора идет творчество **Лидии Нечаевой**.

А **Владислав Карманович** силен в жанре басни. Оригинальны и его поэтические зарисовки о природе и любви, очень трогательная его патриотическая лирика.

Еще один наш стихотворец и баснописец – **Александр Хоршавин**. Он пришел в «Лукоморье» позднее других, принес с собой уже немалый поэтический опыт, критическое отношение к себе и к творчеству друзей.

С большим литературным багажом тоже недавно пришла к нам **Нина Савельева**.

Скромная, деликатная в жизни, в стихах она смелый и уверенный автор, тонкий знаток природы и человеческих чувств и глубокий философ.

«А сколько было у нас поэтов-пилигримов, появившихся на «лукоморском» дубе как новая листва и улетевших с ветром странствий вслед за осенью, – пишет **Людмила Власовских**. – Помню **Ольгу Морозову**. От нее тогда у нас пошел термин «бабская лирика». Морской весенний ветер принес **Володю Стрелкова**. Его соленая, морская, навеянная легким бризом лирика, воспевающая любовь, дружбу, хождения по морям, вспыхнула для нас, уральских горцев, маленьким, но ярким маяком. Вскоре к «лукоморскому» берегу прибило еще одну поэтическую душу – **Сергея Ключевского**. Как оказалось, он прекрасный компьютерщик, но литературу любит не меньше, чем математику. У него уже были поэтический сборник «Лира», фантастическая повесть «Кузнец», сказка «Четыре туза», «Венок сонетов» и размышиле-

ния «Абстрактные игры». Солидный автор, а по виду и не скажешь. Простой мальчишка, открытый для общения, и в то же время – себе на уме. Еще один **Сергей**, по фамилии **Михайлов**. Стихи у него замечательные. Писал он их (нет, печатал) на замечательной бумаге, приносил в редакцию в замечательной дорогой папке, сам всегда при костюме и галстуке. Сам читал свои стихи, играл на гитаре, пел и вообще... А вот **Юля Абрамова**. Талантливая школьница, она уехала потом в «губернию». Когда Юлька читала свои стихи, у меня было томление в груди и мурашки по коже. А **Катюша Николаева** сама писала немного, но была очень внимательным слушателем».

Виктор Помогайло, Геннадий Кошев, Алексей Чиркин, Николай Сорокин, Нина Макарова, Светлана Карпенко, Людмила Мельничук, Владимир Ильин, Лия Фролова, Наталья Азарова, Нина Герасименко, Евдокия Грачева – сложно перечислить всех, кто когда-либо прикоснулся к нашему литературному объединению. А вот об этих нельзя не сказать.

Сергей Спехов

Появившись в Качканаре, он сразу нашел дорогу в редакцию. При первой встрече Сергей показался мне очень юным, совсем мальчишкой. Помню, сидели мы с ним на скамейке под окнами «Качканарского рабочего» и листали тетрадь с его стихами, которую он стеснялся мне показывать.

А вскоре Сергей стал одним из активных членов литобъединения, удивив нас своей прозой. Он писал фантастические повести о звездных мирах, рассказы и повести о жизни земной. Его повесть **«Признание в любви»** печаталась с продолжением в нескольких номерах «Качканарского рабочего», а в наш компьютерный век была тепло принята виртуальными читателями и, как одно из лучших произведений, опубликована в коллективном сборнике «Современная сотовая проза».

Ныне наш Сергей Спехов (он же Коръякин) – директор типографии «Скиф» и наш неизменный издаатель.

Юрий Медведев

Это он первым заявил: «В Качканаре есть страна Поэзия!» Это он впервые объединил в творческий кружок самодеятельных поэтов и прозаиков города юности.

В этом городе он прошел путь от машиниста экскаватора и рабочего корреспондента до признанного журналиста и редактора, руководителя первичной организации Союза журналистов СССР. Читатели газет «На стройке Качканара» и «Качканарский рабо-

чий» помнят рассказы Медведева, его очерки о людях, проблемные корреспонденции и статьи.

Поколению фронтовиков, детям войны, вдовам, солдатским матерям, труженикам военного тыла посвящен его сборник **«Огнем опаленные»**. А в 1999 году вышла коллективная литературно-публицистическая книга **«Качканар»**. Одним из ее авторов был Юрий Павлович, он же составитель и руководитель редакционной коллегии.

Галина Краснопевцева

Иван Грачев сказал: «Сборник издаю не ради славы, а просто кое-что надо зафиксировать из своей жизни». Я издаю сборники, потому что тоже хочу кое-что зафиксировать из жизни моих герояев. Когда-то меня не будет, но то, что «зафиксировано», останется. И, может быть, «племя, младое, незнакомое» узнает кое-что о нашем поколении, нашем времени, нашем Качканаре.

Я люблю Качканар и преклоняюсь перед его первостроителями, перед их душевной красотой и силой. Не потому ли Качканар зовут городом юности, что юность – слово женского рода? Не потому ли, что девушки и женщины, стоящие у его истоков, подарили ему свою нежность, свои самые светлые мечты? Подумала так – и о них, женщинах и девушках, рассказала в своем первом сборнике очерков **«У истоков Качканара»**, который вышел в 1998 году.

Горжусь, что на журналистских дорогах повстречалась с людьми разных судеб и характеров, и счастлива, что могла рассказать о них читателям в книгах **«Дорогие мои земляки»** (издана к 50-летию Качканара, в 2007 году) и **«Прикасаясь к прошлому»** (2009)

Сборник 2010 года я назвала **«Победители»**. Это очерки о фронтовиках и тружениках тыла, о детях войны – о тех, кого мы по праву зовем победителями. А завершают книгу очерки о людях, победивших тайгу и построивших на уральской земле светлый город юности и могучий горно-обогатительный комбинат. А также о тех, кто сумел победить свои недуги, кто живет с верой в человека, в его высокие возможности.

Последнюю книгу, которая вышла в год 55-летия Качканара, я назвала просто: **«В городе юности»**. Она о том, как с брезентовых палаток начинался наш город, как небольшая речка Выя стала качканарским «морем», она о людях разных профессий, о сегодняшнем дне Качканара.

Я низко кланяюсь моим героям – красивым в своей простоте и величии!

Выходят в свет наши книги, и каждая из них рождает новые

творческие встречи

с читателями, которые будят в авторах трепетные мысли и чувства, вдохновляют на новые строки. Немало и других тематических встреч. Расскажу о некоторых.

В редакцию газеты «Качканарский рабочий», на очередное занятие «Лукоморья», пришли герои книги «Расцветай, Качканар!», которая пронизана светом далекой юности первостроителей. Этот свет «горит над проспектами в бесконечности дней... Стали песнями спетыми судьбы многих людей». Так заканчивается стихотворение Татьяны Семакиной «Свет далекой юности», открывающее сборник. И дальше идут ее стихи, посвященные землякам, чьи судьбы стали яркими песнями.

В гости к нам пришли Нина Федоровна Литвиненко – комендант палаточного городка; Лидия Павловна Бебкова – первая девушка-мастер на ударной комсомольской стройке; Вячеслав Васильевич Ефанов – руководитель народного цирка «Арена юности». Встреча с этими людьми вернула нас на 50 лет назад, в то славное время, когда наша страна побеждала военную разруху и жила духом созидания.

Много нового и интересного узнали в этот вечер учащиеся школы №6 – юные друзья «Лукоморья». Они открыли для себя другую эпоху и других людей, прекрасных и загадочных, во многом для них непонятных.

В арткафе Дворца культуры состоялась встреча, посвященная песенному сборнику Людмилы Андреевой «Ромашковое лето». Это был удивительный концерт, где читались стихи, звучали песни и вдохновенно пела скрипка. Продолжилась эта встреча на танцевальной площадке в зеленой зоне.

А на горе Любви у «Лукоморья» была однажды незабываема встреча с золотой Осенью, согретая лучами солнца, стихами, песнями, играми. В тот же день в осенний лес пришли младшие школьники, которым мы рассказали о Качканаре и спели несколько «лукоморских» песен.

На улице Набережной, 8, где живут Ведерникovy (певица Лидия и композитор-аккордеонист Николай) у нас проходит много музыкальных встреч и репетиций.

В клубе «Ветеран» поселка Валериановска было тоже немало встреч. Вместе с творческим коллективом, который «не стареет душой», мы праздновали Дни Победы, Дни поселка. Здесь проходила презентация книг Галины Краснопевцевой «Прикасаясь к прошлому» и «Победители», где есть очерки и о валериановцах. Вместе с жителями поселка мы дважды чествовали ветерана войны

Степана Ивановича Питателева: по поводу его юбилея и в связи с 40-летием его поэтического творчества.

В клубе «Лабиринт» интересно проходили Пушкинские вечера, творческая встреча с бардом Юрием Старостиным, встречи с первостроителями и ветеранами войны. «Письма, обожженные войной» – так назывался вечер, в основу которого легли письма погибшего на фронте отца Ады Кокшаровой. Она же была организатором вечера «Возраст цвета серебра». В «Лабиринте» мы вместе с хором «Молодка» отмечали юбилей Людмилы Власовских и многие календарные праздники. А Татьяна Семакина в «Лабиринте» вела занятия с детским поэтическим клубом «Волшебное перо».

«Берегиня», клуб народного творчества, – тоже наша постоянная сцена, где мы провели много общих праздников с хором «Журавушка»: «Татьянин день», «Осенины», «Песни 60-х годов», День поэзии («Звезда плenительного счастья»), спектакль про Рождество Христово, постановка по сказке «Кабы я была царица», «Цветочный бал» и другие.

В клубе «Семейный очаг», где хозяйка наша Ада Кокшарова, проводится много мероприятий по патриотическому воспитанию младших школьников, для которых устраивается также немало развлечений.

В городской библиотеке, где состоялась презентация нашего первого сборника, проходит немало познавательных мероприятий. Одно из них – «В содружестве муз», где встретились поэзия и музыка: «лукоморцы» читали стихи о разных музыкальных инструментах, звучали многие инструменты и классическая музыка. Интересно здесь прошли также презентация книги Людмилы Андреевой «Признание» и, конечно же, торжественное и очень трогательное мероприятие, посвященное присвоению библиотеке имени Федора Селянина.

Профсоюзная библиотека Качканарского ГОКа – верный друг «Лукоморья». При непосредственном участии заведующей библиотекой **Тамары Викторовны Вертилецкой** здесь, во Дворце культуры, еще в давние времена проходили наши совместные встречи с клубом книголюбов. А что можно назвать из времен недавних? В читальном зале библиотеки прошли творческий вечер Надежды Трушковой «Песнь о родном крае», творческая встреча с Ниной Рождественской «Счастье – это жизнь». «Две судьбы – две светлых повести» – так была названа презентация вышедших одновременно поэтических сборников Людмилы Андреевой – «Жемчужные россыпи» и Клавдии Рублевой – «Бабье лето».

Здесь же, в читальном зале, были представлены читателям и мои сборники очерков о качканарцах. «Страницы жизни в судьбе Родины» – это книжно-иллюстративная выставка, приуроченная к читательской конференции по книгам Анатолия Иванова «Такая наша жизнь» и «На житейских перекрестках». Все наши книги не задерживаются на полках, впрочем, как и другая литература о родном крае, какой в библиотеке немало.

Интересной была встреча, посвященная Федору Селянину и награждению наших поэтов. Дело в том, что горно-металлургический профсоюз России (ГМПР) проводит поэтический конкурс имени Селянина. Федор Тимофеевич стоял у истоков Качканара, потом многие годы отдал Свердловскому обкому профсоюзов. В конкурсе его имени участвуют не знаменитые поэты, а простые люди разных профессий. Участвовали и наши «лукоморцы». Галина Шамина стала призером 2010 года. В 2011 году мы представляли на конкурс восемь человек, и все они: Людмила Андреева, Алексей Башкиров, Людмила Власовских, Владислав Карманович, Нина Рождественская, Клавдия Рублева, Надежда Трушкова и Александр Хорошавин – получили высокую оценку. Их стихи и имена вместе с другими самодеятельными авторами России вошли в коллективный поэтический сборник **«Крепче стали рабочее слово»**. Издан сборник ЗАО «Металлургиздат» по заказу Центрального совета горно-металлургического профсоюза России по инициативе Фонда «Сплав» (это Фонд милосердия и духовного возрождения горняков и металлургов). Еще один, более ранний коллективный сборник, где также имеются стихи качканарских авторов, называется **«Наследство разбуженных гор»**.

А однажды в читальном зале библиотеки собрался профсоюзный актив комбината, и нас пригласили выступить. Мы рассказали им о литературном объединении и о дружбе с профсоюзной библиотекой, «лукоморцы» читали свои стихи.

Интересно, с большой выдумкой проходят в библиотеке и фольклорные праздники, такие, например, как «У самовара», «Масленица» и другие. А осенние поэтические вечера в библиотеке получили название «Качканарская осень». Так назвали мы позднее и наш областной поэтический фестиваль. Уже много лет

фестивали поэзии

проходят в разных городах Свердловской области.

«Струны осени» – так называется традиционный фестиваль, который проходит в Тавде. Поэты и барды города Режа известны своей «Хрустальной капелью». Центральная библиотека Кушвы ежегодно проводит поэтический марафон «Душа Благодати».

Вот «Июльские росы». Не один раз побывали мы на этом фестивале у наших соседей, поэтов Нижней Туры, чей поэтический клуб «Гельвеция» во главе с Надеждой Селиной – дружный, инициативный, с творческой искрой коллектив. К примеру, фестиваль 2009 года был посвящен 210-летию А.С.Пушкина и 255-летию Нижней Туры. Кроме нас, участниками этого поэтического праздника были поэты Алапаевска, Верхотурья, Красноуральска, Кушвы, Лесного, Новоуральска, Режа. А в июле 2012 года объявленной темой была «Любовь к родному краю», но прозвучали очень разные стихи и песни. «Июльские росы» – это давняя традиция нижнетуринцев. А еще мы побывали у них на фестивалях «Зимняя мозаика» и «Осенняя акварель».

А вот «Самойловские встречи». Этот фестиваль поэзии и авторской песни состоялся в августе 2012 года на алапаевской земле. Он проходил в селе Нижняя Синячиха и посвящался 90-летию Ивана Даниловича Самойлова – основателя Нижнесинячихинского музея-заповедника под открытым небом. Этот музей деревян-

ного зодчества известен далеко за пределами России. Встреча 18 августа была первой и проходила как составная часть большого фольклорного праздника «Яблочный спас», посвященного памяти Ивана Даниловича. Встретились поэты и барды Алапаевска и Алапаевского района, Артемовского и Булашана, Тавды и Туринска, Березовского и Режа, Нижненей Туры и Лесного, Новоуральска и Качканара, Ирбита и Екатеринбурга и даже города Урая Тюменской области – около семи десятков человек.

По тесовым тротуарам мы прошли в глубокую старину, восхищаясь мастерством уральских умельцев, которые простым топором да долотом создавали неповторимую деревянную красоту.

Поэтический фестиваль проходил на берегу реки Синячихи, которая «впадает плавно в гладь пруда». Первым выступал Ирбит – яркий творческий коллектив с сильными голосами и талантливыми поэтами. Вслед за этим старинным уральским городом выступал наш юный Качканар. «Лукоморье» представляли Нина Воронкова, Ада Кокшарова, Клавдия Рублева, Нина Савельева, Александр Хорошавин, Надежда Шулепова, Лидия и Николай Ведерниковые. Читали и пели, а завершили свое выступление песней «Расцветай, Качканар!» Принимали нас тепло. Впрочем, теплая и добрая, веселая и творческая атмосфера согревала гостеприимную Синячиху до глубокого вечера. Первый фестиваль на алапаевской земле удался. Думается, у него большое будущее.

Наш фестиваль – «Качканарская осень».

«Качканарская осень»! Качканарская осень –
Это легкий туман и небесная просинь,
Это шорох листвы, это дождь на рассвете,
Это птички прощальные песни о лете.
И, как птицы, слетаются в осень поэты.
Души их добрым солнцем осенним согреты.
Пусть услышит сердечное многоголосье
Качканарская осень, «Качканарская осень»!

В сентябре 2010 года к нам слетелись поэты и барды Алапаевска и Алапаевского района, поселка Баранчинского, Верхней Туры, Красноуральска, Кушвы, Лесного, Серова, Нижней Туры. Фестиваль проходил в большом зале Дворца культуры.

Стихотворцев тепло приветствовал глава Качканарского городского округа **Сергей Набоких**. В его кратком слове прозвучали и такие строки:

*Салют осенней палитры –
 Вам, ваятели строф!
 Качканар принимает
 Фестиваль городов.
 Вас, обласканных музой.
 Славить прозой нельзя,
 Вот поэтому в рифму
 Постарался и я...*

Да и как же тут без рифмы, если Сергей Михайлович – качканарец!

Не обошелся без рифмы и **Геннадий Трушников**, поздравивший наш фестиваль от «Качканарского рабочего». Не один десяток лет «лукоморцы» чувствуют заботу и внимание Геннадия Васильевича. Выступая со сцены Дворца культуры, он сказал о поэтах так:

*Есть люди, которым рифма –
 Как воздуха глоток;
 Которых не сбить с ритма
 Нанизывающихся строк;
 Которым и жизнь пресна
 Без ямба и анапеста...
 Но поднялись бы в небо мы,
 Если б таких людей не было?*

Качканарцы были рады услышать «сердечное многоголосье» наших поэтических гостей. А им очень понравились и наш прием, и чистый, по-осеннему красивый наш город, и Дворец культуры, где проходил фестиваль. А еще их приятно удивило то, что даже руководители в Качканаре говорят стихами.

Стихи всех участников фестиваля мы объединили в один сборник **«Качканарская осень-2010»**.

И пришел сентябрь 2012 года. Опять красивый осенний день, гостеприимный Дворец культуры. Мы принимали поэтов и бардов из Андриановичей, Алапаевска и Алапаевского района, поселка Баранчинского, Верхотурья, Верхней Туры, Ирбита, Красноуральска, Кушвы, Лесного, Лобвы, Нижней Туры, Режа, Серова, Туринска. Приятно было слышать восторги тех, кто в Качканаре впервые. «Какое счастье – каждый день видеть эту гору и этот пруд!» – завидуя нам, говорили прирожденные романтики. «Вот это вернисаж! Вот это выставка! – восклицали другие по поводу расписанной детьми нашей «китайской стены» – А в нашем городе совсем иная настенная

«живопись»!» Многим понравились тополя и «непривычная» улица Свердлова, которая «идет по кругу». И абсолютно все обратили внимание на чистоту нашего города и красоту его рельефа.

Некоторые смогли продолжить знакомство с городом в фойе Дворца культуры, где все еще действовала выставка, посвященная 55-летию Качканара.

Здесь же, в фойе, гости увидели «лукоморские» альбомы. Это большие, можно даже сказать, огромные «фолианты», отражающие жизнь и творчество нашей литературной семьи. В фотоснимках, стихах и газетных заметках представлены основные события каждого года: занятия литобъединения, творческие встречи в школах, библиотеках, юбилейные даты «лукоморцев» и прочее. Здесь же, перемежая фотоинформации, представлены все наши литературные страницы. Многие гости с интересом листали наши альбомы, восхищаясь их аккуратностью и красотой, а также терпением и кропотливостью тех, кто ведет эту творческую летопись. Участникам фестиваля мы представили лишь два последних альбома – так сказать, для краткого обзора и поверхностного знакомства. А если влюбленные в слово любознательные потомки захотят покопаться «в хронологической пыли», они много еще найдут в редакции «Качканарского рабочего» и подробнее узнают о «Лукоморье»: увидят наши «прожитые сроки, чувств и мыслей трепетный посев, как рождались собственные строки на газетной нашей полосе».

Но вот начинается наш фестиваль – и зрительный зал замирает от трепетных мыслей и чувств, от сердечного многолοсья, которое льется со сцены. И вновь приветствует поэтов глава нашего города **Сергей Набоких**, который не может обойтись без рифмованных строк:

*Осень дарит красок буйство!
Нам о чувствах расскажи,
Качканар – радушья остров,
Фестиваль – мольберт души!*

И директор городского архива **Михаил Титовец**, чистейшей воды прозаик и неутомимый краевед, приглашенный на фестиваль – заговорил стихами:

*Среди поэтов гость случайный,
Я нахожусь сейчас в отчаянье:
Как пару строчек срифмовать?
Таланта нет и не занять,
Чтобы поздравить вас, гостей
Со всех сторон и волостей,
И пожелать удачных рифм,
Идущих из душевных фибр,
А к ним – восторженных оваций
И гонорарных публикаций.
И пусть осенний Качканар
Несет вам вдохновенья дар!*

Его стихам мы тоже не удивились: ведь наш город Юности, рожденный как Страна поэзии, продолжает таковым оставаться. Не удивились, наверное, и гости. Их больше удивило и порадовало, что в качестве подарка все поэты и барды получили изданный нами коллективный поэтический сборник **«Качканарская осень»-2010**. А нам было приятно узнать, что издание такого сборника случилось якобы впервые за многолетнюю историю фестивального движения. Так это или не так – не имеет значения. Просто мы по-другому не могли: случилось событие – надо его «зарегистрировать». Ведь у нас есть «Лукоморье», которое пишет свою историю. И есть Михаил Титовец, историк по образованию, неравнодушный человек и неутомимый искатель, который по крупицам собирает и бережно хранит все, что связано с Качканаром, с его предысторией, его настоящим и будущим. Это ему, Михаилу Ивановичу, город

обязан тем, что в год 55-летия Качканара появился литературно-художественный альманах «Качканарские грани», первый номер которого тоже стал подарком для каждого участника фестиваля. Поэтическая грань альманаха представлена стихами «лукоморцев». Мечтаем издавать альманах ежегодно, ко дню рождения Качканара.

Заканчивая разговор о фестивалях, хочется привести песню, которую исполняет под гитару автор – алапаевский бард **Илья Деев**.

ФЕСТИВАЛЬ

*Беспокойный, наверно, народ
Эти странные люди-поэты.
Пригласят их – и мчатся по свету:
Встреча их долгожданная ждет.*

Припев:

*Фестиваль нас позвал,
Зазвучал поэтической рифмой,
И собравшийся зал
Повторяет гитарные ритмы.
Фестиваль, фестиваль –
Это встреча, сердцами согрета.
Пусть живет фестиваль
И рождает поэтов,
Пусть рождает певцов и поэтов!*

*Кто не помнит стихов наизусть –
Не беда: пусть листает страницы,
Только чтоб восхищенье на лицах –
Не унылая, серая грусть.*

*Фестиваль – это просто любовь,
Совершенно в другом измеренье,
Пролетает в едином мгновенье,
Чтоб собрать к себе преданных вновь.*

Да, «эти странные люди-поэты» действительно живут «совершенно в другом измеренье». А потому даже сейчас, когда в жизни столько жестокости, крови, обмана и подкупа, даже сейчас в океане низменных страстей есть немало островков – спасительных, целительных своей высокой духовностью. И большинство таких островков – в нашей российской провинции, где живет небогатый народ «и рождает поэтов», тоже не избалованных богатством.

И как тут не вспомнить нашего кумира Александра Пушкина, который двести лет назад (в 1814 году), обращаясь «К другу стихотворцу», писал:

*Не так, любезный друг, писатели богаты;
Судьбой им не даны ни мраморны палаты,
Ни чистым золотом набиты сундуки:
Лачужка под землей, высоки чердаки –
Вот пышны их дворцы, великолепны залы.*

У них другое измеренье, другое мерило человеческих ценностей. И это особенно остро осознаешь, бывая на фестивалях в провинциальных городах или принимая этих «странных людей» в своем провинциальном городе. Они щедро раздают богатство – широту и чистоту своей души. И ты чувствуешь, как в твоей душе прорастает благодатными всходами их «чувств и мыслей трепетный посев».

Так пусть бушующая стихия не погубит наши островки с говорящими названиями: «Дар» и «Муза», «Лира» и «Поиск», «Вдохновение» и «ЛИС» (Любители Изящной Словесности), «Родники Синегорья», и «Гепльвеция», «Исток» и «Цветы добра», «Перо пегаса» и «Здравствуй!» и иные творческие объединения. Пусть живут и здравствуют все! И наше «Лукоморье», чей фестиваль «Качканарская осень» уже занял несколько живописных страниц в нашем летописном альбоме. А впереди еще много чистых страниц, которые предстоит заполнить.

Завершить мои юбилейные «чувства и мысли» хотелось бы стихотворением нашего **Алексея Башкирова**

«ЛУКОМОРЬЕ»

*Бродит осень по уральским взгорьям,
Празднично плывет через лесок.
Не минует наше «Лукоморье»
И заглянет в гости на часок.
Да взмахнет цветастым сарафаном –
Нынче, кстати, юбилейный год –
И присядет к нам за самоваром,
Разговор душевный поведет.
Вспомним вместе прожитые сроки,
Чувств и мыслей трепетный посев,
Как рождались собственные строки
На газетной нашей полосе.
Любящие здесь стихи и прозу
Город строили и творчески росли,
К Качканару, людям и березам
Бережно любовь свою несли.
В «Лукоморье» духом не стареют,
Ветеранов скука не берет,
Юные стремительно взрослеют
И в большой готовятся полет.
Пусть и впредь летят земные птицы
Светлых дум и творческих идей,
«Лукоморья» нашего страницы
Греют пусты и радуют людей.
Пусть подарит осень вдохновенье,
Чуть прибавит радости в судьбе
И оставит нам стихотворенье
Как святую память о себе.*

Пусть подарит осень вдохновенье! И зима, и весна, и лето пусть вдохновляют моих «лукоморцев»! Да не оскудеют их души! Да не затупится их поэтическое перо!

ПОЭЗИЯ

Вера ГАЛЕЕВА

Вера Николаевна родилась в 1958 году в городе Краснотурьинске Свердловской области в семье строителей, которые в 1962 году переехали в Качканар.

Здесь Вера окончила среднюю школу №2, а после окончания Свердловского педагогического института вернулась в родную школу учителем русского языка и литературы. «Мое хобби чудесным образом совпало с профессией, – говорит она. – Люблю литературу и стремлюсь приобщить к ней моих учеников».

Я – В ПОЛЕТЕ!

Школа – большая сильная птица,
Птенцы ее – ученики.
Школе осенней ночью не спится:
Как там ее выпускники?
Какие они покоряют вершины?
Какие дали подвластны им?
Какие доступны для них глубины?
Молятся нынче богам каким?
Школе тревожно – она вздыхает,
Хочется ей защитить их от бед.
Осень пожаром листвы полыхает
И не дает ответ...

* * *

Бродяга-ветер на прогулку вышел,
Постучал в окошко, прошуршал по крыше.
У осинки тонкой растрепал прическу,
Пробегая мимо, приобнял березку.
Озорным мальчишкой пробежал по лужам,
Закружиł по свету листьев океан,
Жемчуга дождинок разбросал к тому же
Ветер-непоседа, ветер-хулиган.

* * *

Стою у окна, смотрю в небо ночное,
А в небе луна, и сияние такое,
Что хочется плакать, а может, смеяться,
И нет уже сил от окна оторваться.
Снег мухами белыми в небе кружится,
Ковром белоснежным на землю ложится.
Котенком пушистым поземка играет,
Снежком серебристым мой дом заметает.

* * *

Перестала верить в чудеса,
Научилась преодолевать невзгоды.
И мечтой не улетаю в небеса
Что же сделали со мною мои годы?
Отрезвили, научили,
Мир открытый подарили.
Только мечется душа:
Ты сильна и хороша.
Отряхнись же и очнись,
В мир волшебный возвратись.
Душу настежь распахни,
Свежим ветром окати.
Светом мысли наполняй,
В мир прекрасный выбегай.
Руки к солнцу протяни,
Свежей силы набери!
Злым пророчествам не верь,
В мир большой открай ты дверь.

* * *

Я спешу на урок,
Мне с дороги не сбиться.
Вспоминаю опять
Ваши умные лица.
Представляю, как тему
Вам лучше представить.
Ну, а вас, мои милые,
Думать заставить.
Как сказать вам,
Что все в этом мире не ново,
Повторится мгновение
Снова и снова.
Доказать вам,
Что каждый из вас –

Уникален,
Но условия жизни –
Не идеальны.
Ждут любого из нас
В этом мире лишенья.
И в задачах у жизни
Нет простого решенья.
Но, за парты вам сесть
Предлагая привычно,
Обещаю опять,
Что все будет отлично.
Так и будет. И вам
Надо в это поверить.
И навстречу добру
Распахнуть свои двери.
Корабли своей жизни
Смело к звездам направить.
Не бояться ошибок –
Их можно исправить.
Пусть стоят перед вами
Высокие цели...
Мы поможем, поверьте,
Вы все – наши дети.

* * *

Я в мечтах представляю
Себя сильною птицей.
Белым лебедем в небе,
Журавлем и ... синицей.
Да, синицей я тоже
Себя представляю.
И достоинств своих
Этим не умаляю.
Я – в полете. И солнце
Мне светит навстречу.
И осенним теплом
Укрывает мне плечи.
Пусть и ливень в лицо...
Нет, грозы мне не надо.
Тихий вечер осенний
Мне станет отрадой.
В золотом я сияний
Хочу раствориться.
Я – осенний листочек,
Что в небе кружится.

Татьяна ЖЕЛТЫШЕВА

Татьяна Михайловна родилась в 1955 году в деревне Юркан Пермской области в многодетной семье сельского учителя. Отлично окончила восьмилетнюю школу. С 1972 года в Качканаре, где рано начала работать: была няней в детском саду, официанткой в рабочей столовой, почетальоном. Училась в вечерней школе. Заочно закончила Свердловское культпросветучилище и более двадцати лет проработала в библиотеках Качканара. Любящая жена, мать, бабушка. Член литературного объединения «Лукоморье» при газете «Качканарский рабочий».

Глаза зимы

Вся природа славит Бога
И снежинки в том числе,
Белоснежную дорогу
И узоры на стекле.
В парке выросли сугробы,
Радуется детвора.
В новогодний праздник чтобы –
Городок лепить пора.
Я ловить снежинки буду,
На ладошку посажу: –
Посмотри, какое чудо
Я в руках своих держу!
Но весна не за горами –
И растает белый снег,
Чтобы талыми водами
Напоить траву и хлеб.
Посмотри на это чудо,
Подержи его в руках!
У зимы глаза повсюду –
То снежинки в облаках...

Хрустальный лес

Сказочно-хрустальный лес
 От земли и до небес
 Свои ветви протянул,
 Видно, до весны уснул.
 Радуется ребятня:
 Тут лыжня, и там лыжня,
 И сугробы хороши –
 Радуются от души.
 А вокруг хрустальный лес
 От земли и до небес.

Просыпайтесь, березы!

В небе синь, облака,
 Тихо шепчут березы:
 Не проснулись пока.
 Лишь весенние грэзы
 Душу мне бередят,
 Свет, тепло обещая.
 Ветки в лужи глядят.
 Скоро-скоро растает
 Рыхлый снег – и проснется
 Вся трава на лугу.
 Солнце мне улыбнется,
 Я навстречу бегу...
 И в объятья твои
 Упаду, как хмельная.
 За улыбку твою
 Мне не надо и рая...
 В небе синь, облака.
 Просыпайтесь, березы!..
 Лишь прольются пока
 Мои сладкие слезы.

В лесу

Иногда на душе словно ветер и дождь,
Будто камень прирос, не отколется.
Я по лесу пройдусь. Сыро там? Ну и что ж?
В тишине и в печали помолимся.
Ветки тихо шумят, куст сирени размок.
Муравьишки бегут в свои домики.
Под ногами хлюп-хлюп. Ну а вот и грибок!
Ах, красавцы стоят, словно гномики.
На опушке в кустах сладко ежик уснул.
Бедолага свернулся и съежился.
Вот уж ветер свинцовые тучки раздул...
Я не трону колючего ежика.
Подрастайте, грибы; высыпайтесь, ежи;
Муравьишки, спасайтесь от дождика.
Мои грустные дни, как же вы хороши!
Вот и радость в душе. Здравствуй, Боженька!

Рыдает природа

То ли это туман, то ли дым от завода,
То ли наши грехи заслонили весь свет...
Безнадежно и горько рыдает природа –
Покаяния ждет твоего, человек!

Галина ЗАНИНА

Галина Петровна родилась в 1948 году в поселке Федино Исовского района Свердловской области. Окончила Исовский геологоразведочный техникум. Не раз ей приходилось начинать все с нуля. Двадцать лет жила и работала в Таджикистане. Все эти годы читала стихи, участвовала в олимпиадах, фестивалях народного творчества. За победу на одном из них награждена Почетным знаком ВЦСПС. Потом был Качканар: радиозавод, Качканарский ГОК. Потом город нефтяников Когалым и поэтический клуб «Вдохновение», давший новый толчок к творчеству. И снова Урал, Качканар. Галина Петровна – автор трех поэтических сборников: «Пока слова летят», «Песни сверчка», «Последний забег».

Геолог мой

Дверь открыла – и онемела:
 На черном лице – ожерелье зубов,
 Огромный рюкзак на остатках тела...
 – Здравствуй, милый! –
 И больше нет слов.
 Сначала ванна: вымочить надо.
 Грязь отмылась – белей не стал.
 Пара часов – как подарку рада!
 К пиву форель из мешка достал.
 Царская рыба сочится жиром,
 Ночи не спал – ловил да солил,
 Чтобы приезд увенчался пиром...
 Только под утро сон нас сморил.

Жемчуг капели

Луну на небе
 дымкой занавесили.
 Последний день зимы
 уходит в прошлое.
 Весна по крышам

знаки нам развесила,
Капели жемчуг
увлечен сосулек роскошью.
Растает снег,
новорожденным птенчиком
Земля предстанет,
трогательно-влажная.
Весна-девчонка,
угловаты плечики,
Рассыплет зелень
на поля с грачами важными.
Сама взрослея,
наливаясь соками,
Весна украсит землю,
души вычистит,
В сердца людей,
стрекочущих сороками,
Амур-шалун
из лука стрелы выпустит.
Бывает, в цель...

В лесу

За вершины берез
Зацепилось светило.
Как ты за год подрос!
Сколько деток, мой милый!
Как встречаешь меня,
Замерев от восторга,
Лишь пичуга одна
Строчку спела – и смолкла.
Как торжественен строй
Из парада лесного!
Я дышу тишиной.
«Здравствуй!» – больше нет слова.
А ответом – листва
Чуть шуршит, опадая.
Звук, родившись едва,
Сразу в воздухе тает.
Твой осенний наряд...
И под песню фагота
Принимаю парад
Много лет, год за годом.

Короткое замыкание

Нет любви – и в сердце пусто,
 Небо – блекло, ветер – зол,
 На столе твоем не густо,
 Серы платья, тусклый взор..
 Только маленькая искра
 Пролетит между людей –
 Разносолы гостю быстро,
 Блузка – лебедя белей.
 Тишину квартиры сонной
 Тихий смех разбудит вновь,
 Свет за рамою оконной...
 Вдруг из искры – да любовь?

Последний забег

Ты умер на лыжне,
 А не в тепле постели
 Послал привет весне,
 Все пережив метели.
 Ты умер на бегу
 Под ярким солнцем марта.
 Жил долгом – не в долгу,
 Добро творил с азартом.
 Честнейший человек,
 Трудяга. Бог в награду
 Последний путь – забег
 На лыжах. Слез не надо.
 Прекраснейший финал
 Достойной жизни. Свечи
 Поставим в храм. Позвал
 Его Творец. До встречи.

Верить в чудо

Наша жизнь ожиданий полна.
 Ждем зарплаты, ждем встречи с родными,
 Ждем, когда наступит весна...
 Годы мчатся, как кони шальные.
 Вчера солнце светило в окно –
 Завтра выпадет снег, завьюжит.
 Детство! Как это было давно,
 А вдали уже старость кружит.

Так идет все своим чередом,
Но нас греют воспоминанья.
Дорожи сегодняшним днем,
Даже если сегодня – страданья.
Потому что завтра, поверь,
Будут радость, и смех, и счастье...
Так держи незапертой дверь
Для друзей, что согреют в ненастье.
Наша жизнь ожиданий полна...
Нужно верить, что чудо будет!
Может, завтра мимо окна
Пролетит
и к тебе завернуть не забудет.

Ищу

Не покидай меня, мой смех –
Так страшно, милый!
Я долго веселила всех,
Хватало силы.
Да вдруг погнулся механизм
И сбылся с ритма –
То в коммунизм, то в остракизм
Бросает рифму.
Иду на ощупь в ночь, в метель –
Торю дорогу.
Бегу бессмысленных потерь –
И так их много.
О смех, как чистый ручеек,
Омой мне душу от тревог!
Я с завистью смотрю на тех
Раскрепощенных,
С кем постоянно рядом смех –
Детей, влюбленных...
В его объятьях так легко
Всегда мне было;
Листом кленовым унесло,
Но – не забыла.
И гонит, гонит от меня
Его ненастье.
Ищу во тьме, при свете дня –
В нем мое счастье.
И только изредка привал –
Где я, и смех, и чувств накал.

Елена КОСТРОВА

Поэт, музыкант, автор-исполнитель. Родилась в 1987 году в Качканаре. В Качканаре же окончила школу имени К.Н.Новикова и музыкальную школу. Затем музыкальное училище имени П.И.Чайковского в Екатеринбурге, теоретико-композиционное отделение. В настоящее время – студентка факультета искусств университета профсоюзов в городе Санкт-Петербурге.

Елена живёт творчеством: с детства пишет стихи и музыку. Занималась в КСП «Четверг». Лауреат многочисленных фестивалей, в том числе самого престижного – Грушинского.

К солнцу прикоснусь

Расскажи мне на ночь сказку,
Подари мне на день солнце,
И любовь моя прольётся,
Как вода, в ладонь твою,
Моей нежности и ласке
Часть души твоей найдётся,
И тогда в ответ забьётся
Моё сердце – твоему.

Я тебе открою небо,
Я звезду тебе достану,
Тайный знак тебе оставлю
Белым снегом на скале,
Я найду свободный берег,
Я ручною птицей стану
И в который раз растаю
И воскресну на земле.

Нарисуй мне дождь небесный,
Отпусти мне ветер южный,

Жди, зови и чутко слушай,
Я найду когда-нибудь
Свои крылья, свои песни,
Одолею страх ненужный,
И, моим крылам послушный,
Ветер мне укажет путь.

Разожги мне в небе пламя,
Пламя жадного заката.
Может быть, моя расплата
За тебя – сгореть живой.
Что угодно! Но не дай мне
Стать в чужой колоде картой,
На чужом локте заплатой,
На чужом плече сумой.

Что ни думай, неизбежно
Без тебя я просто вера,
Без надежды, без удела,
Без бунтующей мечты.
И острей кинжала режет
Мысль: «А вдруг я не успею
Подобрать ключи от двери,
За которой веришь ты?..»

Но сияет твоё солнце,
И летает южный ветер.
Я в глазах морского цвета
Снова птицей отзовусь,
И тревога разобьется,
Ведь найти дорогу в лето
Мне легко: я на рассвете
Просто к солнцу прикоснусь.

Научи меня говорить

Научи меня говорить.
Я один на один с бумагой,
И не надо большой отваги,
Чтобы что-то творить,
А меня прошивает страх
До психического припадка,

И случаются неполадки
В перспективных стихах.

Научи меня говорить.
Я один на один с толпою.
Как же выгодно быть слепою -
Видеть смазанный блик.
Слова жаждут десятки душ,
А слова зацепляют связки -
Вместо доброй красивой сказки
Получается чушь!

Вот проблема из всех проблем!
Кто-то спрятал моё спасенье,
И приходится со смиреньем
Ожидать перемен.
Только сердце не хочет ждать,
Переполненное любовью.
Я один на один с тобою
Ничего не могу сказать...

Прикосновение

Что со мною происходит?
Наказание? Спасенье?
От желанья тело сводит
Знать твоё прикосновенье.

Гамму масок примеряю
От тихони до паяца.
Я себя предупреждаю
Не касаться, не касаться.

Птицей в небо сердце взмыло,
Струны рвутся, мысли вьются.
Господи, даруй мне силы
Не коснуться, не коснуться.

От рассвета до заката
Ты как песня в душу льёшься.
Я жалею, что меня ты
Не коснёшься, не коснёшься.

Жизнь растратить за мгновенье
Ощутить родные пальцы,
Чтоб твоим прикосновеньем
Наслаждаться, наслаждаться.

Остаюсь с тобою

Солнечными ручьями,
Белым небесным снегом,
Утренними глазами,
Бешеным ветра бегом,
Верной звездою дальней,
Нежностью дождевою,
Памятью мирозданья
Я остаюсь с тобою.

В лунном свете

Я сливаюсь с лунным светом,
Я иду по лунной пыли
Вопреки твоим заветам
Не бросать в огонь портреты
Тех, что раньше рядом были.

Я вхожу в чужие двери,
Спотыкаясь о пороги.
Я тебе уже не верю.
Я не знаю чувства меры
В своём вымученном слоге.

Я тоске своей подвластна
Становиться светотенью.
Я несчастна, я бесстрастна,
Я рисую ежечасно
Оказаться без движенья.

Где Любовь моя слепая
Стала частью лика смерти,
Там мой первый снег растаял.
Я веду игру без правил,
Растворяясь в лунном свете.

Обещай

Обещай, что смеяться не будешь,
Обещай, что меня не осудишь,
Обещай, что найдёшь и дождёшься,
Обещай, что уйдёшь и вернёшься,
Обещай сохранить мою тайну,
Обещай, обещай, обещай мне,
Можешь даже не сдерживать слова,
Обещай просто быть,
Ревновать и любить,
Обещай – это проще простого.

Будь со мною смеющимся богом,
Будь далёкой и пыльной дорогой,
Будь колючей терновою веткой,
Будь тяжёлою запертой клеткой,
Будь со мной откровенным, широким,
Будь со мной беспощадным, жестоким,
Обмани изо щрённо и тонко,
Отвернись и предай,
Со всей силы ударь,
Назови меня глупой девчонкой!

Но не смей забывать обещаний,
Целовать мне ладонь на прощанье,
Приручать меня мягко и нежно,
Околдовывать новой надеждой,
Доверять моим диким безумствам,
Утопать в волосах моих русых,
Просто жертвовать каждым мгновеньем,
Чтобы верить и ждать,
Чтоб скучать и мечтать,
Чтоб всегда быть моим вдохновеньем.

Семен МАТОЧКИН

Родился в 1947 году в Башкирии. В 1965 году окончил среднюю школу в селе Аскино. Работал трактористом на опытном заводе, служил в армии, был на ответственных должностях в Аскинском районе, учился во Всесоюзном юридическом заочном институте. Качканарцам Семён Васильевич запомнился директором хлебозавода, руководителем неравнодушным, творческим. С 1983 года – директор хлебомакаронного комбината в Свердловске, главный инженер и руководитель объединения «Свердхлеб». Заслуженный работник пищевой индустрии России, кандидат экономических наук.

Автор двух поэтических сборников и книги биографических записок. Его стихи положены на музыку известными уральскими композиторами. А среди исполнителей – Сергей Захаров, Иван Пермяков, Валерий Топорков.

Синяя птица

Помнишь поле ржаное от леса до леса?
Посредине дорожка бежит в васильках.
Мы с тобою вдвоем. Я тебя, как невесту,
Приподняв, бережливо несу на руках.
То как дети бежим, ветерок обгоняя,
Хохоча беззаботно, просторы дразня.
Небо смотрит на нас, васильки отражая,
Обнимая теплом и тебя, и меня.
Так оно высоко. И от неба не скрыться.
И, наверное, многое видит ясней.
Васильковая стежка, как Синяя птица,
Поднимается, будто на крыльях полей.
А нам непонятно за волнами хлеба,
За этой раздольной земной красотой,
Что Синяя птица – подарок от неба –
Уже подняла нас в полет за мечтой.

Весеннее

Я зашел на крыльцо. Дверь закрылась за мной,
 Ветерком чуть заметным подуло.
 Чем-то очень знакомым... Наверно, весной
 Неожиданно вдруг напахнуло.
 А чем пахнет весна? Вкусом талой воды,
 Испареньем проталин на горке,
 Ветерком этим теплым, совсем молодым,
 Иль остожьем, на солнце прогорклом.
 Вот такой получился душистый букет –
 От парного навоза до меда.
 Это снова принес долгожданный рассвет
 Аромат пробужденья природы.

Осеннее

Раннее солнце взорвало рассвет,
 Вырвалось в небо лучами.
 Между деревьями матовый свет
 Вдруг заискрился цветами.
 Желтые листья дремавших берез
 Падают в жухлые травы.
 Искоркой синею робкий мороз
 Лужицу сверху подправил.
 В зеркальце маленьком неба кусок
 Выткался лоскутом синим
 Только проснувшийся ранний лесок
 Стал необычно красивым.
 Иней на ветках завис бахромой,
 Пылью алмазов играя.
 Именно здесь напахнула зимой
 Эта пора золотая.

Возраст

Проходит время – и мутнеет лик
 Святых: Любви, Надежды, даже Веры.
 А я вообще-то вовсе не старик,
 Лишь просто перешел в пенсионеры.
 Увидел вдруг сплошную седину

И на лице заметную усталость.
Нет, в зеркало я больше не взгляну:
Там призраком моим маячит старость.
Морщины под глазами. Седина –
Прошедшей жизни вольный отпечаток.
Душа, как прежде, юностью полна,
И ей чихать на внешний недостаток.
И будет жизнь, как прежде, хороша;
Встречать рассвет, как прежде, будем смело,
Пока твоя цветущая душа
Не влюбится в стареющее тело.

Не успеваю

Испугался весны я нежданно,
Запечалилась вдруг голова.
Был вчера еще снег на полянах,
А сегодня буйнит трава.
А чего испугался? Не знаю.
Разобраться бы в этом суметь.
Что-то, может, я не догоняю
Или просто боюсь не успеть.
Вот черемух кусты величаво
Развернулись фонтаном цветов,
А я все еще в зимней оправе
Не успел сделать это и то.
Может, времени стало мне мало,
Не хватает мне ночи и дня.
Не хочу, чтобы ты убежало,
Безнадежно оставив меня.
Как-то мне бы сменить поскорее
Моих действий замедленный ход.
Может, просто я быстро старею?
Или это фатальный исход?

Основа души

Весенний рассвет через ветки берез
Как радость рожденную, первую,
День новый с восходом на землю принес,
Наполненный светлою верою,

Что не встретится зло,
Будет в мире светло,
Растворится во мгле зависть серая.
В верность давних друзей,
В свет добра на земле
Я, как в Господа, верю и верую.

Мечта моя где-то на Млечном пути,
Средь звезд в одиноком свечении.
Дорогу к ней, знаю, поможет найти
Надежда – мое озарение.

В жизни много дано,
И пройти суждено
Путь свой именно так, не иначе.
Если солнце встает
И надежда живет –
Значит, будет успех и удача.

Надежда и вера из азбучных слов
Тогда оживут для признания,
Когда в нашем сердце родится любовь.
Это жизнь, и мечта, и призвание.

Пока жив человек,
В свой отсчитанный век,
Измеряя судьбу своей мерою –
Должен всем дорожить
И восторженно жить
С любовью, надеждой и верою.

Степан ПИТАТЕЛЕВ

Ветеран Великой Отечественной войны, ветеран труда Степан Иванович Питателев – старейший член литературного объединения «Лукоморье» при газете «Качканарский рабочий». Он родился в 1919 году. С образованием пять классов сельской школы, с поэтической душой, этот человек уже пятый десяток лет ведет разговор по душам с чистым листом бумаги, доверяя ему свои мысли и чувства, сомнения и тревоги. «Разговор по душам» – так называются четыре его поэтических сборника.. Простые, далекие от совершенства стихи проникнуты искренним желанием автора рассказать о природе и любви, о родном крае и его людях, о войне и поколении победителей, о священной памяти.

Я – россиянин

Я из России, из русской деревни,
Где русские люди веками живут.
И люди крутые, и край этот древний,
Здесь сталь и железо веками куют.
Здесь снежные горы и реки шальные,
По пояс в долинах юятся снега.
Здесь рано рассветы встают голубые,
И скалы вдоль речек хранят берега.
Стоят молчаливые горы столетья,
И вечный хребет опоясал Урал.
Здесь гордый народ, пережив лихолетья,
Руду добывает и плавит металл.

Березка

Для меня березка – часть России.
Есть она, и будет, и была.
Вот березку росы оросили,
И стоит она белым-бела.
Ты, моя березонька, поведай

Эту быль подснежникам весны,
 Как ждала меня, ждала с Победой
 Сорок с лишним месяцев с войны...
 Сколько раз осколки били каску,
 Но живым я вышел из огня.
 Верил я не в присказку, не в сказку,
 А в березку, ждавшую меня.
 Снова у родного перекрестка
 Я стою, взволнованный, с утра.
 Вот она, заветная березка,
 Теплый образ света и добра.

Первый трактор

Я помню с юности деревню
 И тот ночной переполох,
 Когда малец и старец древний
 Бежали быстро, кто как мог.
 Бежали мужики и бабы,
 Бежали я и мой отец,
 Бежали любопытства ради
 Взглянуть на чудо из чудес.
 А там, на Богословском тракте,
 Грохочет и гудит земля:
 Идет колесный новый трактор –
 Такое позабыть нельзя.
 И грохот гулко раздается,
 Аж в окнах стекла дребезжат.
 Народ, как на пожар, несется,
 От страха все почти дрожат.
 Уж ночь к концу, и звезды тают,
 И брезжит розовый рассвет,
 А бабий гвалт не утихает,
 Как будто дома дела нет.
 Крики и споры разгорались,
 Уж появились «знатоки»,
 К холодной стали прикасались
 Рукой дрожащей мужики.
 И тракторист дрожит... от храпа:
 С дороги аппетитно спит,
 Уверен: конь его от страха
 Не вздрогнет и не убежит...

А после не одну неделю
Все вспоминали мужики,
Как ночью прыгали с постели,
Забыв штаны и башмаки.

Она умела ждать

Мы с ней встречались, как друзья,
Встречались, как соседи,
А уж в сердцах любовь росла –
Нас грели чувства эти.
И были верны мы друг другу
В те юные наши годы.
Но вдруг наступила разлука,
Когда началася война.
Мы долго в разлуке страдали,
Гремела над миром война,
О встрече с любимой мечтали,
Она меня верно ждала.
И вот застучали колеса,
И мчусь я по рельсам домой,
И вот слышу вновь милый голос,
И рад, что вернулся живой.

Тишина

Ночь глухая стоит за окном.
Звуки полночи сердцем услышишь,
Ее словно несет ветерком.
Зачарованный тишию стоишь.
Звук доносится сквозь пелену,
Растревожилось сердце в груди,
Словно где-то задели струну.
Ты ее не спугни -- погоди.
Тишина, тишина, тишина.
Этой ночью я рядом с тобой.
Я любуюсь тобой. И луна
Освещает нам путь золотой.
Мне легко и тревожно с тобой.
Тихо шепчет ночная волна.
Не томи. Свою душу открай.
Нам поможет в любви тишина.

Наш клуб

Вижу я гроздья озябших рябин,
Вижу я свет незакрытых гардин,
Слышу я: песни доносит баян –
Это наш клуб «Ветеран».
Нас не страшат ни мороз, ни буран –
Все направляемся в клуб «Ветеран»,
Здесь собираемся песни попеть,
Чтобы душой не стареть.
Пусть наши годы с метелью летят –
Дни не пугают, года не страшат,
Преодолеем метель и пургу –
В клуб непременно приду.

Память

Уходит память в глубь веков,
Все дальше День Победы –
Не станет скоро стариков,
Что бились для победы.
А сколько преданных людей
Ушло из этой жизни,
Так не увидев светлых дней
В родной своей Отчизне.
Уж кончился двадцатый век,
Но память остается.
А что получит человек?
Удачи ли дождется?

Владимир ПЛЕСОВСКИХ

Плесовских Владимир Александрович родился в 1946 году в деревне Русаково Тюменской области. Окончил физико-математический факультет педагогического института. Работал учителем физики в школах, а после приезда в Качканар (1975 г.) – в профтехучилище №87. Большую часть трудовой жизни в Качканаре посвятил радиозаводу. В настоящее время на пенсии.

Март

Как хорошо после февральской стужи
Увидеть неба ласковую синь,
Чумазых воробьев, купающихся в луже,
И ветра южного вдохнуть желанную теплынь.
В лесу еще снега по пояс глубинаю,
И наст в тени мостом до полудня стоит,
Но яркий солнца луч вдруг опахнет сосною,
И верба о весне весь мир оповестит.

Вечер

Дотлевают угли облаков,
Сумрак пахнет дымом от печи...
«Наколи еще на завтра дров!» –
От дверей вдогонку мать кричит.
Под безжалостным тяжелым колуном
Быстро тает толстых чурок рать.
Ворох колотых, душистых, звонких дров
Тянет силу молодую показать.
В дальних окнах зажигаются огни,
Разгорается вечерняя звезда.
В клубе музыки чуть слышимый магнит
Так и манит, и зовет меня туда!

Там Ильинский и Орлова на стене,
 И Чапай ведет последний бой.
 И хоть школьное задание висит на мне,
 Но никак не сладить мне с собой!
 Поздно по морозу я бегу домой,
 Догоняя от луны косую тень.
 Завтра утром рано мне вставать,
 Завтра в школу, завтра – новый день.

Сенокос

Так-так-так, тук-тук-тук,
 Перезвон, перестук.
 Молотком по заждавшимся косам
 Отзвучал телеграф, новость прямо из рук:
 Наступила пора сенокоса.
 Вздрогнут буйные травы,
 Лягут в пышный рядок,
 Отступая широким прокосом.
 Ничего, что косарь по колено промок,
 Зато косится легче по росам.
 Солнце тени загнало под кроны берез –
 И росы будто и не бывало.
 Травы сохнут, и острое жало косы
 Притупилось, нагрелось, устало.
 Но уже голубеет дымок костерка,
 И смородинный чай аромат источает.
 Лягу в тень и забудусь, смотря в облака –
 И, мне кажется, счастья полней не бывает!
 А июльское солнце все печет и печет,
 Не трава уж, а сено шумит под граблями,
 И лошадка копну, упираясь, везет
 На поляну, где в стог сено мечут вилами.
 Вот прошел еще день сенокосной страды
 С пряным запахом сена и соленого пота.
 Тихо едем домой. И ромашек ряды
 Провожают с нелегкой крестьянской работы.

Свидание с родиной

Все поля да луга, кромки низкого леса.
Полусонный Вагай заплутал в тальниках.
Здравствуй, родина!
Я к тебе ненадолго приехал
Подышать чистым воздухом,
Подержать твои травы в руках.
Этих трав аромат в сенокосную пору
Мне все снится и будит средь длинной ночи.
Засыпаю – и вновь отчий край, Русаково...
«Собирайся в дорогу!» – мое сердце стучит.
Этот родины зов – порождение детства,
Что вело нас, босых, по горячей пыли
С земляничных полян до заветного места,
В опрокинутом небе там кувшинки цвели.
Вспоминаю Вагай: мост и мельничный омут,
Перед ним перекат с пескарями на дне:
Звонкий гомон детей, убежавших из дома
Искупаться в реке, понырять в глубине.
Гладь воды затянуло сплошным покрывалом
Водных трав – и река свой замедлила бег.
Уж не скажешь, что рыбы, как прежде, навалом...
Почему? Да причиной всему человек.
Не ласкают уж взгляд травяные дорожки –
Колеи да ухабы, мусор в ближних кустах.
Оглянись, человек, и подумай немножко:
Что останется внукам, кроме денег в руках?
Снова лента дороги под колеса ложится...
Увожу на Урал свою горькую грусть.
Знаю: родина снова мне ночью приснится,
И, конечно, я к ней на свиданье вернусь.

Валентина СМИРНОВА

Валентина Павловна родилась в 1953 году в городе Первоуральске Свердловской области. Детство и юность прошли в Костромской области. Выпускница Галического педагогического училища, она сразу стала преподавать математику и черчение в сельской школе и училась заочно в Костромском педагогическом институте им. Некрасова. В Качканаре живет с 1978 года, работает в школе имени К.Н.Новикова. Очень любит дело, которому служит, о котором сложила немало стихов. Дважды была призером творческого конкурса «Границы таланта».

Белые палатки

В старом парке, среди сосен,
Пусть еще не вековых,
Белый парус трех палаток,
Трех бессменных часовых.
Здесь рождался этот город,
Город юности моей!
Мне казался белый парус
Краше всяких кораблей.

В старом парке, среди сосен,
Можно тихо побродить,
В час рассветный можно травы,
В росах спящие, будить.
Теплой ночью можно звезды
Над палатками считать.
Здесь мой город начинался,
Здесь всегда ему стоять.

Ну а если так случится,
Что уехать нужно мне,

Я монетку свою брошу
К белокаменной волне.
Белый парус мне поможет
Продержаться вдалеке
Город юности приснится
Мне в красивом ярком сне!

Три белые палатки,
Свидетели живые.
Три белые палатки,
Вы как сторожевые,
Хочу при встрече с вами
Рукою вас коснуться,
Хочу пообещать вам
Всегда сюда вернуться!

Как больно!

Как больно! Горькая слеза
Дрожит на слипшихся ресницах.
Наверно, сон мне просто снится,
И прочь прогнать его нельзя.
Как больно, что чужой молвой
Не остановлен рок суровый
И яд твой выпить до конца
Должна я снова, снова, снова!
Как больно, что твоя свеча
Не светит мне во тьме кромешной.
Наверно, я считаюсь грешной
И жить стараюсь сгоряча.
Как больно, что чужая боль
Тебя не тронет: ты как камень.
Идешь куда-то напролом,
Не глядя, что же под ногами!
Как больно! Сожжены мосты
Мои; твои – в прекрасном виде.
Как больно ты меня обидел
И не признал своей вины.
Как больно! Грустные глаза!
И мир в таких печальных красках.
Могло бы быть все так прекрасно –
Найди ты нужные слова.

Память

Ах! Память, память! Лишь тебе одной
Подвластны мысли, речи и обиды
Всех тех, кому любить и ненавидеть
Судьбой короткой больше не дано.

Ах, память, память! На твоих листах
Отмечены все праздники и будни
Всех тех, кто был, всех тех, кто есть и будет
И снова возвратится в никуда.

Ах! Память, память! Хорошо, что ты
Нам оставляешь чудные мгновенья
Погоревать о тех, кто в час сомненья
Нам посыпает свет из темноты.

Когда не будет нас...

Когда не будет нас, останется трава,
И дождь, и снег, и белые метели,
И две души, которые хотели,
Чтоб жили долго мы, уж если не всегда.
Нам трудный путь достался под звездой,
Хотя его мы сотворили сами
В минуты горькие – обидными словами,
В мгновенья тяжкие – безумной головой.
Кто знает, сколько нам отведено
Гостить на этом неразумном свете.
Пусть нас счастливей будут наши дети –
Прошу у Бога только одного!
Когда не будет нас, останется печаль
В двух душах – продолженье нашем...
Не с серой краской пусть хранится чаша,
А светлым бликом отразится даль.

Не проходите мимо окон школы!

Не проходите мимо окон школы!
Зайдите, ну хотя бы на пять минут.
Вас встретят гулко те же коридоры,
Звонки в честь вас отгрохают салют!

Не проходите мимо окон школы!
Зайдите в класс, где парты в три ряда.
Коснитесь той, которая казалась
Вам самою любимою тогда.

Вы с ней делили радости открытий,
Щекою мокрой прикасались к ней...
Сейчас сквозь краску проступают будто
Чудные метки давних школьных дней.

Не проходите мимо окон школы!
Она живет надеждой и мечтой,
Что для детишек, ваших внуков
Она вновь будет нужной и родной!

Помоги!

Огромная планета!
Твой равномерен шаг...
Нам жалуют, что свыше
То пряник, то кулак.
Но пряников так мало,
Все больше кулаки.
Огромная планета,
Нам выжить помоги!

Дай сил, в комок ужавшись,
Не превратиться в пыль,
От злобы не зачахнуть,
Не прорости в ковыль,
Чтоб по ветру не стлаться,
Гнилой воды не пить,
Дай выстоять, сдержаться
И человеком быть!

Сергей СПИРИДОНОВ

Сергей Валерьевич родился в 1955 году в селе Нижняя Синячиха Алапаевского района Свердловской области. В Качканаре живет с 1960 года. Здесь окончил школу. В профтехучилище получил профессию помощника машиниста электровоза, а после службы в армии работал в локомотивном депо Качканарского ГОКа. В 90-х годах несколько лет занимался предпринимательством, а в 1996-м вернулся на комбинат и оттуда ушел на пенсию.

Золото сентября

Великолепьем золота сентябрьского объят,
Мир завершает чудный праздник сказочного лета.
Божественная красота приковывает взгляд,
Когда он плещется в лучах волшебного рассвета.
Как эскадрон гусар, в округе деревца стоят –
Листва под солнцем засияла, словно эполеты.
И кажется: местами всполохи костров горят –
Рябины яркие мазки, осенних дней приметы.
От дуновенья ветерка листочки вниз летят;
Они, кружась в ажурном танце, провожают лето.
И в сердце грусть встает порою с восхищеньем в ряд,
И хочется, чтобы блаженство не кончалось это!

Снежинки

Снежинки, словно ангелы, кружатся,
Заполонив собою небосвод,
И белым кружевом вокруг ложатся,
Несспешно завершая хоровод.
Свой танец поднебесный оставляя,
Затихнув в ожиданье непогод,
Когда в метель, друг друга обгоняя,
С беспечностью покинут свой оплот.

С ветрами в неизвестность улетая,
Не ведая в тот миг иных забот,
Снежинки, серебристых птичек стая,
Взметнутся вихрем в сказочный полет!

Сердца грусть

Без грусти в сердце не проходит дня
По той прекрасной, нежной и желанной,
Что Богом создана лишь для меня
И Господом самим же мне не данной.
Возможно, потому, что я грешил,
Грешил бездумно и порою слепо,
Утратить веру в счастье поспешил –
Теперь ищу, хоть это и нелепо.
Судьба не много шансов раздает –
Уж вряд ли буду назван я любимым.
Но сердце фатализм не признает
И от любви не хочет быть гонимым.

Любовь уходит

О как томительны минуты,
Но от тебя все нет звонка –
Сомненья давят, словно путы,
Но связь с тобою так тонка...
Я не пойму, что происходит.
Быть может, гаснет чувств заря?
Но почему любовь уходит,
Нам ничего не говоря?
Надежда сердце оставляет,
Сгорая пламенем свечи;
Разлука крылья расправляет,
Как демон в сумрачной ночи!

Философский камень

Сокровищницу знаний ищет человек,
Желает жизни смысл и истину познать.
Он философский камень не один уж век
Пытается найти, понять и разгадать.
Но словно колдовскими чарами закрыт

К таинственному камню столь нелегкий путь,
И в философских джунглях он, как клад, зарыт –
В тумане мыслей скрыта истинная суть.
И сущность камня, как звезды паденья след,
Незримо из умов стремится ускользнуть.
И память пролетевших как мгновенье лет
Пророчит, что не все под силу нам вернуть.
Уносит по ветру и самый мощный звук,
И жгучие пески безжизненных пустынь.
Теряет смысл без стрел великолепный лук,
И рвется вновь познанья нить, как старый линь.
Вся истина от нас, как звезды днем, сокрыта
И вряд ли будет нам когда-нибудь дана.
Лишь пред Создателем вся книга тайн раскрыта,
И мирозданья суть ему лишь вся видна!

Юрий СТАРОСТИН

Юрий Иванович родился в 1938 году в пос. Теплая Гора Пермской области в семье служащего. С 1968 года – на Качканарском ГОКе, где прошел путь от начальника смены до начальника фабрики окатышей. Ветеран труда, награжден медалью «За трудовое отличие», тремя медалями ВДНХ. Побывал в 43 странах мира, прошел многие горные маршруты от Карпат до Сахалина, более десяти раз сплавлялся по рекам. Профессионально катается на горных лыжах. Играет на гитаре, любит старинные русские романсы, авторскую песню, пишет музыку на стихи свои и поэтов «Лукоморья». Выпустил два сборника песен и стихов.

О главном

Рука в руке, твоя в моей –
И все как надо.
Идем по утренней заре
В день листопада.
И шорох листьев музыкой звучит –
Как это славно!
И сердце с сердцем говорит
О самом главном.
Душа моя с твоей душой
Соприкоснулись,
И чувства яркие волной
Вмиг всколыхнулись,
Искра ладони обожгла,
В груди пылало.
Любовь нас здесь подстерегла –
Семьи начало.

О гармонии

Любовь не любит суету,
 Да, это верно:
 Ведь та задушит красоту –
 Как это скверно!
 Поэт полюбит тишину
 Среди природы –
 Стихов большую глубину
 Даруют годы.
 Гармония нам всем нужна,
 Особенно поэтам,
 Так пусть войдет во все дома
 Особым светом.
 В них пониманье, в них покой,
 Там все порядочно;
 Для нас, читатель дорогой,
 Там все загадочно.
 Прожить свой гармонично век,
 Без всякого сомнения,
 Мечтает каждый человек
 Без исключения.
 Создай гармонию вокруг
 С людьми и Богом –
 И будет мир, поверь, мой друг,
 Не столь убогим.

Красавица Амгу

Есть приморская речка Амгу,
 Рассказать вам о ней я смогу.
 Водопадов на ней целый клан,
 Самый грозный из них – Шихан.

Припев.

Бабым летом на речке Амгу
 Красотища, друзья, я не лгу.
 На Амгу побываем с тобой,
 Одарит нас Амгу красотой.

Камни-идолы, как на постах
 Обжились на ее берегах,
 А в ущельях красотки-реки
 Духи царствуют, всем вопреки.

Повидать водопадов каскад
Любопытный турист всегда рад.
Чтоб удачливым был турпоход,
Вы найдите к тем духам подход.

Горнолыжный вальс

Я лечу над сугробами снежными,
Пихты трогают лапками нежными,
Небо гладит руками лучистыми,
Осыпает снежинками чистыми.
Кедры смотрят мне вслед, удивляются,
Как игриво, легко получаются
Повороты, прыжки, дуги плавные.
Чудный отдых зимой – это главное!

Препев.

Я по склону лечу,
Повороты кручу,
Я лечу, я кручу
Снежный вальс горнолыжный,
Ветра вальс, вихря вальс,
Снежный вальс горнолыжный.

Стайки стройных берез, как невесты,
Белозубой улыбкой приветствуют
Нас, летящих со снежной вершины,
Провожают до самой долины.
Увлекает людей очень властное
Горных лыж притяжение прекрасное.
Кто хоть раз испытал радость спуска –
Лыжи горные тех не отпустят.

Гора Белая

Первый снег, заблисталася Белая.
Готовь лыжи, любовь моя смелая.
Предвкушаем, как сказочный сон,
Спуски с гор в предстоящий сезон.

Припев.

Нас давно свела гора Белая,
Где созрела с тобой любовь спелая.
Хоть прошла с тех пор вечность целая,
Не забудем тебя, гора Белая.

В гору вместе подъем – сердца стук,
Целый вечер вдвоем – нежность рук.
Я забыть никогда не смогу
Белый танец на белом снегу.

Вспомним дней фестивальных штрихи,
Как нам дети читали стихи,
Песен бардовских грустный напев,
Моей песенки милый припев.

Милые сестренки

Вспоминаю молодость на родной сторонке,
Поцелуи первые юных школьных лет.
Друзьями закадычными стали мне сестренки,
С ними я делился радостью побед.

Припев.

Милые сестренки, на родной сторонке
Вновь на юбилеи мы с вами собрались.
Для меня сестренки по-прежнему девчонки,
Хоть десятком внуков они обзавелись.

Летит лихое время, и годы прибавляются,
Совсем не за горами наш жизненный закат.
Но милый круг друзей у нас не убавляется.
Так не грусти о прошлом и не гляди назад.

Галина ТРОФИМОВА

Галина Александровна родилась в 1960 году в Казахстане, в городе Петропавловске, в семье рабочих. Спортсменка, активистка, комсомолка – такой она была в школьные годы. Работала оператором фрезерного станка с ЧПУ на машиностроительном заводе. После замужества стала настоящим сельским жителем.

В Качканаре с 1985 года. Здесь с красным дипломом окончила филиал Нижнетагильского строительного техникума. И уже одиннадцать лет является «правой рукой» в семейном бизнесе мужа. Жена, мать троих детей и бабушка четырех внучек, она находит время и для творчества. Занимается в литературном объединении «Лукоморье» при газете «Качканарский рабочий».

О стихах

Звенит в стихах серебряная нить,
И льются чередой души слова,
И хочется дышать, творить,
Внимая звону золата-серебра.
И позолота солнечных речей
В сердцах холодных лед растопит пусты,
И даже отблеск меркнущих свечей
Согреет светом и прогонит грусть.

Ты меня разбуди

Ты меня поутру разбуди,
Ключевою водой напои,
Проведи босиком по росе,
Что в лучах серебрится в траве.
Отведи к устью быстрой реки,
Что упасть так стремится с горы,
Водопадом она упадет.
Как прекрасен воды той полет!
Пусть течение шумной реки

Понесет лодку нашей любви –
 С фейерверком тысячи брызг
 Мы стремительно падаем вниз.
 И пока мы летим с высоты,
 Я прошу: поцелуй меня ты.
 И в дыханье с тобою одном
 Покой и счастье мы вдруг обретем.
 Водопад нас омоет речной
 Своей чистой студеной водой.
 Восходящего солнца в лучах
 И в твоих я согреюсь руках.

Рассвет

Рассвет. Ах, как же он красив!
 В нем пробуждение земное:
 Душистый шелк зеленых нив,
 Пернатых пенье озорное.
 Рассвета розовый бутон
 Окрасил все: и лес, и поле,
 И даже синий небосклон
 Мечтою розовой стал болен.
 А ива плещется в реке,
 Густые косы промывает,
 Березка там на бугорке
 Сережки весело снимает.
 За лесом солнышко встает,
 С полей туманы выпивает.
 А в роще соловей поет,
 Ручей на камушках играет.
 Росой умылась вся земля –
 Прихорошилась вся планета.
 И пробудилась с нею я
 В лучах предутреннего света.

Осень

Осень гладью вышивала
 По листве,
 Все цвета в узор вплетала
 На траве.
 Не затронула лишь неба –
 Ну и ну!

Не лишила гардероба
Ель, сосну.
Облака плывут уныло
В вышине.
Все прогрело, все застыло...
Грустно мне...

Внутренний диалог

Ты думаешь, что жизни – край?
Рай!
И нет пути уже назад?
Ад!
А хочешь ты идти вперед?
Вот!
Уже не хочешь ты идти?
Иди!
Не знаешь жизни своей суть?
В путь!
Боишься запутаться в пути?
Иди!
Что? Жизни твоей замкнут круг?
Врут!
Что? Жизни всей уже закат?
Факт?
Да просто кончился уж день!
Ты на диване целый день!
Лень!

Книга жизни

Как книгу, перелистываем жизнь:
Нам это так порой необходимо.
Прочитываем строчки сверху вниз –
Вдруг видим то, что было нам незримо...
Стыдливо мы отсчитываем строки
Забавных, даже мелочных обид
И понимаем, как ничтожны склоки...
Но почему на сердце так свербит?
Захлопнем книгу в жестком переплете
С десятком недочитанных страниц.
Пусть жизни – пик, но мы пока в полете,
И не наметил нам никто границ.

Владислав ШАДРИН

Шадрин Владислав Ливерьевич родился в 1958 году в Нижнем Тагиле.

Живет в Екатеринбурге. Является председателем правления ОО Центр творческой молодежи «Зеленая лампа», руководителем дуэта «Зеленая лампа». Владислав – дважды лауреат Международного фестиваля авторской песни имени В.Грушина; лауреат Всероссийского фестиваля авторской песни «Ильменский».

В Качканаре живут сын и два внука Владислава Шадрина. Качканарцы давно знают и очень любят творчество этого поэта-барда.

Моя Молитва

Господи, скажи мне, сколько стою
Я, но только цену дай свою!
Господи, ты дал власть надо мною
Женщине, которую люблю!
Господи, мне не нужна свобода!
На коленях пред тобой стою!
Бей в колокола, я душу отдал
Женщине, которую люблю!

Господи, твоих молитв не знаю,
Но не хуже дьякона пою!
Господи, все свечи зажигаю
Женщине, которую люблю!
Господи, мне ангелы сказали:
«Если любишь, быть тебе в раю!»
И кружили, крыльями махали
Женщине, которую люблю!

Господи, к тебе открыты двери!
Все грехи с поклоном замолю!
Господи, я верю, просто верю
Женщине, которую люблю!
Господи! Ну, сколько же я стою!

На коленях пред тобой стою!
Вовремя ты дал власть надо мною
Женщине, которую люблю!

Пироги с черемухой...

Марии Павловне

Напекла мне бабушка пирогов с черемухой
Донышко поджарила так, как я люблю.
Внучику любимому, гостеньку желанному
На подносе дедовском подала к столу!
Рада да радехонька, суетится старая,
Всё хлопочет, бегает, фартук теребя.
Скатерть чуть поправила, табурет придинула,
Села и любуется, смотрит на меня.
От печи румяная да к труду привычная,
Натрудилась милая, не поднять руки.
Внуку-имениннику напекла, уважила –
Сладкие с черемухой чудо-пироги.

Двести шагов

Августейшей семье Романовых

За деревней Коптяки, к Яме Ганиной,
Вдоль заимок, через гать, на рудник
Ехал, кузовом скрипя, как подраненный,
По дороге объездной грузовик!
Ехал ночью, ну, а ночь – хоть глаз выколи!
Комиссаров из ЧК напугал!
Невзлюбил за то, что те зло накликали!
По болотине пошёл и застрял!

И ни туда, и ни сюда!
Под колесом гниль да вода!
Толкай, тяни, большевики!
Двести шагов – и рудники!

Знал, что в кузове лежит, тьмой сокрытая,
Под брезентом, вечным сном, в один ряд –
Вся Романовых семья, вся убитая
На Ипатьевском дворе час назад!
И лейб-доктор и лакей, вместе с поваром!

В кого пуля, в кого штык – наповал!
По приказу, по звонку, да по сговору
Взвод карательный в упор расстрелял!

И ни туда, и ни сюда!
Под колесом гниль да вода!
Толкай, тяни, большевики!
Двести шагов – и рудники!

Главный Петька Ермаков, кому в радость месть!
Был в ЧК за палача! Зверь – точь-в -точь!
Сколько «белых» и «своих» положил, не счесть,
И царя, его семью в эту ночь!
Торопил июль рассвет! Просыпался Бог!
Сняли с кузова тела у берёз!
И гудел вслед грузовик, а потом заглох!
Будто радовался, что не довёз!

И ни туда, и ни сюда!
Под колесом гниль да вода!
Толкай, тяни большевики!
Двести шагов – и рудники!

Восемнадцатый шёл год злыми вехами!
То «орёл двуглавый», то кумачи!
Шёл царя спасать Колчак с белочехами...
Опоздал! Свершили казнь палачи!
Канул в лета грузовик! Дни растаяли!
Кто в России виноват – вечный спор!
Ясно всё лишь голубям... гадят стаями,
На скульптуры всех вождей до сих пор!

И ни туда, и ни сюда!
Под колесом гниль да вода!
Толкай, тяни большевики!
Двести шагов – и рудники!

Русская баня

Я с Душой по душам говорю,
Разговором серьёзным пытаю!
И вопрос каждый раз задаю:
«Что ты хочешь, Душа? Я не знаю.»

Отвечает: «Хочу, что и ты!
Аль не знаешь заветных желаний!
Я ж Душа-то твоя, ну а мы
Любим вместе попариться в бане!»

В банный день – нараспашку Душа!
И неважно, кто ты в мире этом!
Если нет за Душой ни гроша,
В бане голые все! Все раздеть!

Если камушки есть за Душой,
Я на них кипяток выливаю!
И Душе не даю на пропой,
Но «с устатку» с душой выпиваю!

Я с Душой по душам говорю,
На полке ее, грешную, жарю!
А потом на мороз, в полынью,
И горячий чаёк в самоваре!

И не просто чаёк, а отвар
На шиповнике, с мятым сварганю!
Запоём про душевный пожар,
И конечно, про русскую баню!
В бане! В бане! В бане!
В нашей русской бане!

Бабье лето...

Замесило краски бабье лето,
На сентябрь, прищурившись глядя.
А уже у осени ответа
Ждут поэты, рифмы выводя.

Легким росчерком пера
Листопадная пора
Заяграла и запела вместе с нами.
Первый утренний мороз
Иней розовый принес
Со стихами, со стихами, со стихами.

Неизменна мода на природу
На весну, на лето, на мороз

Но на золотую осень с роду,
Как ни странно, свой особый спрос!

Замесило краски бабье лето,
Осени пылают маяки.
А уже влюбленные поэты
Старых мыслей жгут черновики.

Легким росчерком пера
Листопадная пора
Заграла и запела вместе с нами.
Первый утренний мороз
Иней розовый принес
Со стихами, со стихами

Горячий мед

Твой поцелуй – горячий мед.
Виденье самых сладких снов.
Меня куда-то вдаль несет
За пелерину облаков.
Там, где-то музыка звучит,
Слагая оду небесам.
Соната лунная звучит,
Кем-то подаренная нам!

Дороже самых дорогих
Это блаженство и тепло.
Как много слов в глазах твоих.
Я вижу, время истекло.
Не обещай гор золотых,
А лишь еще раз обними.
Как много слов в руках твоих,
Немой надежды и любви!

Не сожалей и не лукавь,
Тебе же надо уходить.
Прикосновение оставь,
Хочу еще с тобой побыть.
Ну, а слова, слова другим
Нужней бывают иногда.
Давай, прощаясь, помолчим.
Ты улыбнулась! Значит...да!

Галина ШАМИНА

Галина Викторовна родилась в 1952 году в поселке Ис Нижнетуринского района Свердловской области в большой и дружной семье Огабениных, которая в 1964 году переехала в Качканар. Здесь Галина окончила среднюю школу №4. Затем в Исовском геологоразведочном техникуме получила диплом техника-электромеханика – и всю трудовую жизнь посвятила Качканарскому горно-обогатительному комбинату. Вместе с мужем Виктором Шаминым вырастили двух сыновей и дочь, теперь радуются внукам.

Галина – член литобъединения «Лукоморье» при газете «Качканарский рабочий».

Мой Качканар

Есть города на свете золотые,
И мы, на счастье, выросли в таком,
В горах Урала, в глубине России,
Живем мы в Качканаре молодом.
Как хорошо, что дал нам Бог родиться,
Работать, жить с любимыми в ладу,
Иметь детей и с внуками возиться,
У лиха не идти на поводу.
Построен комбинат в шестидесятых,
Течет рекой железный концентрат.
В природе много кладовых богатых,
Один из лучших – Качканарский клад.
Стоит гора, величьем покоряя
И днем, и ночью, летом ли, зимой,
Романтиков влюбленных привлекая

Своей простой и гордой красотой.
А тихая лесная речка Выя,
Что у подножья плавно разлилась,
Раскинула просторы голубые
И морем качканарским назвалась.
Какие летом вечера на море!
В воде, как в зеркале, закаты, лес,
Луны сиянье на морском просторе,
Да пары в лодках, да от весел плеск.
Увидишь все, лишь погуляй немножко:
Белая роща, а за рощей – пляж,
Среди берез сосновая дорожка,
Сосновый бор, здоровья верный страж.
Многоэтажки, дивные фонтаны,
Роскошный современный стадион,
Кафе, бассейн – ну все как в лучших странах!
Храм златоглавый. Вера дарит он.
Наш Качканар красив неповторимо.
Он с комбинатом вырос неспроста.
Первостроителям огромное спасибо,
Что нам досталась эта красота!
А жизнь идет, десятилетья мчатся.
Забот по горло, дел круговорот,
Но мы не перестали удивляться
Тому, как солнце над землей встает!
Сначала освещает промплощадку,
Потом на город весело глядит,
А вечером, махнув лучом усталым,
Зайдет за гору, до рассвета спит.
Менялись губернаторы и мэры,
И комбинатом правит не народ.
Что лучше, хуже? Ни к чему примеры.
Полвека городу – и он цветет!
Краса земная душу вдохновляет
И возвышает нас над суетой.
Цвети, наш город на седом Урале!
Дари, гора, нам клад бесценный свой!
Пусть эту красоту полюбят дети,
Мы им покажем все и без прикрас.
Как хорошо, что есть любовь на свет!
Прекрасно, что есть Качканар у нас!

Подарок подруге

Кисти взяв и блузоны накинув,
Мы с Хозяйкою Медной горы
Вместе долго писали картину,
Чтоб на праздник тебе подарить.
От желанья, старания нашего
Получился чудесный пейзаж!
Может, есть на земле еще краше?
Только этот – доподлинно наш!
Я березки с любовью писала,
Сосны стройные, что до небес;
Речку ту, что в тайгу убегает;
Верхоснежную гору и лес.
Посмотрела Хозяйка придирчиво
На знакомый уральский сюжет,
Самоцветами щедросыпала:
От меня передай-ка привет!
Пусть та речка уносит печали
И хрустальной водою бодрит,
А березка ветвями качает
И приятное говорит.
Пусть гора обаяет величьем,
А сосна дарит крепость душе,
А лазурное небо внушает:
«У тебя будет все хорошо!»

Осень

Вот и Осень пришла – и мы снова в гостях
На чудесном балу у природы.
Вот и снова она открывает для нас
Красоту необъятных угодий.
Говорит Осень нам: «Наработались, чай,
Приустали за лето, шальные?
Моросящим дождем освежу невзначай,
Уведу в свои дни золотые.
Бабьим летом пою лету оду свою
И жару холодком успокою,
Изобилем цветов и плодов удивлю,

Щедрый стол вам, уставшим, накрою.
 И наряд изумрудно-зеленых лесов
 Золотистою щеткой почищу,
 Бесшабашное лето запру на засов,
 Подарю вам покой и затишие».
 Говорит, а сама свой меняет наряд:
 То парча, то бордо, шелк струистый...
 Благодарствуем, Осень, за щедрый парад,
 Принимаем дары сердцем чистым.

Медицинским работникам

Избрав профессию когда-то,
 Подумав, взвесив, цель любя,
 Вы поддержали Гиппократа
 И сами обрекли себя
 На сострадание к больному,
 Что ищет помощи у вас,
 Когда беда, подобно грому,
 Его настигнет в горький час.

И с чувством долга и умело,
 Спокойно выслушав его,
 Беретесь вы за ваше дело
 И, проявляя мастерство,
 Внимая клятве Гиппократа,
 Предвидя все, что впереди,
 Храните в памяти что свято:
 Лечи, притом не навреди.

Обследованья, процедуры,
 Совет, рецепты, наблюденья,
 Приемы и ординатура –
 Вот ваша жизнь и увлеченье.
 А в благодарность лишь спасибо
 Да пожеланья долгих лет,
 Цветуще-крепкого здоровья,
 Чего дороже в мире нет.

Зимняя ночь

Тихо. Черное небо и яркие звезды
Величаво мерцают и светятся
Впереди, позади, по бокам от меня,
Ну а над головою – Медведица.
Снег блестит и кружится в луче фонаря,
Щедро сыплет алмазы к моим ногам.
Словно в сказку зовет, убеждая: не зря!
Обещая счастливое что-то там...
Снегом убранный лес в иней-шубу одет,
Чтоб тепло было каждой иголочке.
Воротник из снежинок, пушистый, как плед,
Облаками на лапах у елочек.
А березки скромнее: свою наготу
Серебристым прикрыв пеньюаром,
Каждой веткой искрясь на холодном ветру,
Удивляют всех – роскошь! И даром!
Шаловливый мороз гладит щеки и нос,
Обновляет узор на моем окне.
Хороводит, бодрит, кружит, выюжит, смешит –
Белоснежно зима улыбается мне.

ПРОЗА

Татьяна ПЕРЬЯН

Татьяна Перьян (Афонина) родилась в 1968 году в Качканаре, окончила среднюю школу №7. Имеет специальность отделочника мебели, работала художником по камню. Хобби: рисование, вязание. К литературному творчеству приобщилась в школьные годы, позднее занималась в литобъединении «Лукоморье». Пишет в основном для детей: приключения, сказки, стихи.

ДЕВОЧКА С РОЗАМИ

Ранним летним утром, когда все люди ещё крепко спали, на окраине маленького города появилась девочка. Она шла, и лучи восходящего солнца отражались в её волосах. Девочка нежно улыбалась и бережно прижимала к груди букет восхитительно алых роз.

Двор был переполнен голосами: день выдался по-настоящему летним и все спешили этим воспользоваться. Молодые мамочки катали малышей в колясках, дети постарше качались на качелях и играли в разные игры. Две подружки прыгали на скакалке.

– ... восемь, девять, десять... – считала рыжеволосая девочка, прыгая через верёвочку.

– Ты пропала! – радостно сообщила темноволосая, когда та запнулась. Выхватила у неё скакалку и бойко запрыгала.

– ... десять, одиннадцать, двенадцать... – считала она, гордо улыбаясь.

– Воображала! – сморщила свой носик рыженькая и отвернулась.

– ... пятнадцать, шестнадцать, семнадцать...

Рыжеволосая обернулась и заметила, что её подруга запнулась, но всё равно продолжает прыгать.

– Обманщица! – возмутилась она. – Конечно, так ты и до ста до-прыгаешь. Сейчас моя очередь.

– Нет... тебе... показалось, – запыхавшись, ответила подруга. – Ты, Лидка, завистлива.

– Ах, так? – возмутилась Лида, и её симпатичное лицо покраснело от обиды. – Сейчас же отдай мою скакалку!

Подруга остановилась и протянула ей скакалку.

– На, прыгай.

– Не буду. И вообще я домой уйду. А ты, Наташка, нечестная.

– А ты злюка.

И подружки обиженно посмотрели друг на друга. Затем, развернувшись, разбежались в разные стороны. Лида не пошла домой, а уселись на скамейку и стала гладить пригревшуюся на солнце соседскую кошку. Наташа убежала на качели. Надув губы, они поглядывали друг на друга, но старались делать вид, что им всё равно.

Лида болтала ногами на скамейке и не заметила, как к ней подсела девочка. Лида с интересом посмотрела на неё. Незнакомка приветливо улыбалась и ничего не говорила. Лида обратила внимание, что она держит в руках большой красивый букет.

– Какие розы! – восхитилась она. – У нас в саду тоже есть, но твои лучше.

Тогда девочка взяла один цветок и протянула Лиде.

– Это мне? – удивилась та. – Какая она красивая! А лепестки такие мягкие! – и, весело рассмеявшись, взглянула на новую знакомую. Та в ответ радостно улыбалась.

– Пойду, покажу Наташке, вот она удивится! – и, соскочив со скамейки, побежала к подруге, тут же забыв, что они в ссоре. На бегу вспомнила, что не поблагодарила незнакомую девочку, остановилась и оглянулась. Девочки не было.

Наташа с большим интересом наблюдала за происходящим и, когда Лида подбежала к ней, перестала качаться.

– Смотри, правда, красивая? – и Лида протянула ей розу.

– Вот так прелесть! – изумилась подруга и взяла цветок. – Я такие ни разу не видела.

– Хочешь, оставь себе, – предложила Лида. – Мне не жалко.

Наташа подумала, и глаза её засияли.

– А давай посадим её на клумбу возле нашего дома. Ведь больше ни у кого такой нет, а наш двор будет самый красивый.

И девочки, взявшись за руки, побежали.

*** * * * *

Маленькие одноэтажные домики на окраине города утопают в густой зелени. Сюда не долетает шум дневной суеты, и лишь птицы распевают свои песни, посвящённые яркому солнышку.

Внезапно дверь одного из домов распахнулась, и на пороге появился юноша. Вид у него был растерянный, и он нерешительно остановился.

– Иди, иди! – раздался за его спиной голос рассерженной девушки. – Обманщик, видеть тебя не хочу!

Юноша продолжал стоять, ещё на что-то надеясь.

– Ну что стоишь, уходи! – девушка топнула ногой.

Молодой человек укоризненно взглянул на неё и развернулся.

– Уходишь?! – его подруга, кажется, не верила своим глазам. – Значит, ты меня действительно не любишь! – последние слова она закончила со слезами.

Юноша совсем потерялся от такой непоследовательности и остановился, не зная, что делать.

– Уходи же! – уже взвизгнула подруга и захлопнула дверь.

Юноша в отчаянии махнул рукой и быстро пошёл прочь. Из дома послышался громкий, жалостливый плач. Но лишь только раздался стук в дверь, как плач тут же прекратился. Дверь снова распахнулась – и появилась девушка с опухшими от слёз глазами. Она надеялась увидеть своего возлюбленного, чтобы высказать ему всё, что она о нём думает, но наткнулась на маленькую девочку с большим букетом роз. Некоторое время они молчали.

– Это ты стучалась? – наконец спросила девушка.

Незнакомка приветливо улыбнулась.

– Ты чего? – девушка начала волноваться, не сумасшедшая ли она, но тут девочка протянула ей розу.

Медленно взяv цветок, девушка поднесла его к лицу и вдохнула в себя сладостный аромат.

– Откуда... – хотела она спросить, но вдруг лицо её просияло. – Это он? – радостно догадалась она. – Он послал тебя и специально дал тебе эту розу? Ну что ты молчишь?! А, впрочем, не важно – и, прижав к себе цветок, побежала вслед за любимым.

Девочка с розами подняла глаза к небу и улыбнулась солнцу.

*** *** ***

В конце рабочего дня все жители города часто собираются в парке. Они гуляют по аллеям, любуются фонтаном и слушают музыку. В глубине парка расположилась небольшая эстрада, откуда всякий раз доносятся то звуки джаза, то классические произведения, то просто популярные песни. В этот вечер на сцене певец исполнял песни русских композиторов.

И то ли пел он сегодня неважно, то ли публика попалась невежественная, но выступления не получилось. Люди шушукались,

обсуждали свои дела или просто неодобрительно посмеивались. Когда закончилась песня, с нескольких сторон раздались обрывки аплодисментов, а довольно пожилой мужчина громко сказал:

– Если бы в моё время так пели... – и укоризненно покачал головой.

– С завтрашнего дня открываем в нашем городе кружок пения. Желающие, приходите! – весело подхватил развязный юноша и подмигнул артисту.

Послышались смешки, и люди стали расходиться. Певец покраснел от стыда и не знал, то ли уходить ему со сцены, то ли сквозь землю провалиться. И только одна девочка подошла к нему и протянула розу.

– У господина артиста уже появились поклонники! – съязвил всё тот же юноша, и все с любопытством посмотрели на девочку.

Никто не знал, чья она и откуда взялась.

– Спасибо, – растроганно произнёс певец и с благодарностью взял цветок. – Какая необычайно красивая роза.

Девочка смотрела на него и мило улыбалась.

– Ты хочешь, чтобы я спел? – спросил он в ответ на её немой вопрос.

Незнакомка одобрительно кивнула.

– Тогда я спою. Для тебя.

И как бы для того, чтобы набраться храбрости, артист полной грудью вдохнул в себя аромат розы, и сразу тысячи ярких огоньков заплясали в его душе. Он запел. Запел, и люди остановились. Они не могли поверить своим ушам, не могли поверить в то, что может существовать такой голос. Он переливался всеми цветами радуги, переходил от одного оттенка к другому, снова и снова возвращаясь обратно. Аккомпаниатор, уже закрывший рояль, вновь вернулся к инструменту, и до самых сумерек в парке раздавался чарующий голос.

*** *** ***

Оставив певца с его публикой, девочка пошла из парка. Она шла по пустующим улицам, всё так же бережно держа в руках букет алых роз. И он не становился меньше от того, что она каждый раз отдавала по одному цветку. И он был так же прекрасен и свеж, как и ранним утром. Изредка ей попадались отдельные прохожие, спешащие по своим домам. Мамочки, которые обещали рассказать своим детям сказку, если те будут себя хорошо вести. Старички, мечтавшие о своей тёплой постели. Влюблённые пары, надеявши-

еся, что они непременно встретятся завтра. И никто не обращал внимания на девочку, одиноко идущую по улицам города с букетом в руках. Никому не было до неё дела.

Неожиданно мимо пронеслась ощетинившаяся кошка и исчезла в кустах шиповника. Следом бежали её преследователи. Девочка остановилась. Двое запыхавшихся мальчишек остановились перед ней.

– Ну, чего встала? – недовольно произнёс конопатый. – Из-за тебя добычу упустили.

– Дай пройти! – угрожающе произнёс второй, как будто она перекрыла им всю дорогу.

Девочка укоризненно посмотрела на них.

– Ты вообще понимаешь, что тебе говорят? – спросил конопатый. – Или ты глухая?

– Или чокнутая, – добавил второй.

Девочка продолжала стоять молча. Мальчишки переглянулись.

– Да она и правда, странная, – усмехнулся рыжий.

Незнакомка никак на них не реагировала, и он решил вывести её из себя.

– Дай сюда! – закричал он и выхватил у неё букет.

Тут же шипы впились ему в руки, и это ещё больше его разозлило.

– Дурацкие цветы! – воскликнул мальчишка и начал обрывать лепестки.

Когда все цветки рассыпались возле ног, он взглянул на девочку.

– Сама виновата, – произнёс он и стал ждать, что будет делать незнакомка.

Хотя её глаза и продолжали выражать немой укор, девочка внезапно улыбнулась. Её улыбка была печальной, но понимающей. В руках у неё оставалась ещё одна роза, последняя, и она протянула её мальчику.

Тот растерялся и, сам не зная почему, взял цветок. Странно, но ему показалось, что он почувствовал стыд. Он недоумённо взглянул на друга, но тот лишь пожал плечами. А когда он вновь посмотрел на девочку, она уходила.

– Эй! – окликнул он её, даже не зная, что хотел ей сказать.

Незнакомка обернулась и приветливо помахала. Мальчики помахали в ответ.

– Странно как-то, – произнёс конопатый.

– Ага, – согласился второй.

Они продолжали смотреть вслед уходившей незнакомке и, когда та исчезла, задумавшись, пошли по домам.

С тех пор никто в городе больше не видел девочку с розами. Она так же неожиданно исчезла, как и появилась. Но иногда, когда поднимается ветер, он приносит с собой лепестки алых роз. Они парят в небе, разнося упоительный аромат, и в это время люди забывают все свои тревоги, печали и обиды.

И ОН ПОЯВИЛСЯ

С Борисом мы знакомы давно, уже несколько лет. Ещё когда я развелась с мужем, он пытался за мной ухаживать. Но меня всё время что-то останавливало... И вот мы встретились, солнечным летом, спустя пять лет.

Мы столкнулись около магазина: я выходила с большими пакетами, а он только что подъехал на своей старенькой «Волге».

– Привет! – радостно произнёс Борис. Захлопнув дверцы автомобиля, он поднялся на крыльце. – Сколько мы не виделись! Хорошо выглядишь, молодец.

– Привет! – мне тоже было приятно его увидеть.

– Как поживаешь? Мужчину нашла?

– Зачем искать? – я сделала непонимающее лицо. – Он сам появится.

– Искать, искать надо! – тоном знатока посоветовал Борис. – Пока ждать будешь, годы уйдут. А ведь мы не молодеем.

– Пессимист ты! – укорила я его.

– Я реалист! – не согласился Борис. – Живу реально, нормальной жизнью. Вот подженился недавно. Но могу сходить и налево, – он многозначительно подмигнул. – А что, мы свободные люди. Жизнь дана, надо пользоваться. К тому же, и для здоровья полезно, – и он, довольно рассмеявшись, хлопнул меня по плечу.

Я посмотрела на своего знакомого, и мне стало неприятно: вытянутые колени поношенного трико, потрёпанная барсетка на поясе. Но он считал, что может научить меня, как надо жить.

В это время подъехал сверкающий джип, и из него вышел статный мужчина.

– Ну, вот он и появился, – сказала я Борису.

Улыбаясь, мужчина подошёл ко мне и поцеловал в щёку.

– Я не задержался? – и, подхватив тяжёлые пакеты, направился к машине.

– Каждый живёт в своей реальности, – похлопав удивлённого друга по плечу, я пошла вслед за своим мужчиной.

ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ

— Я себя так одиноко чувствую, когда я не дома. Особенно на работе, в гостях, где есть незнакомые люди... Мне кажется, меня все бросили.

— Среди людей — и одиноко? Странно... Тебе нравится больше времени проводить дома?

— Очень.

— Почему?

— Мне уютно. Я чувствую себя защищённым.

— Ты чего-то боишься?

— Нет. Впрочем, как и у всех людей, у меня есть определённые страхи, переживания. Дома, даже если я думаю о неприятном, это сглаживается...

— А тебе не одиноко?

— Нет, что ты. Домашнее одиночество ничто, по сравнению с одиночеством в обществе.

— Ты чувствуешь дискомфорт, потому что приходится выходить из уютной обстановки, где тебе знаком каждый уголок, и ты знаешь, что тебе ничто не угрожает?

— Нет, я чувствую, что мой дом любит меня. Он меня согревает, у меня есть крыша над головой. Он заботится обо мне. У нас полное взаимопонимание.

— Тогда тебе не о чем беспокоиться, когда ты покидаешь свой дом.

— Я тебя не понимаю. Или ты не понял, что я хочу сказать.

— Я тебя прекрасно понял. А теперь послушай и постарайся понять меня.

Твой дом везде. Так же, как везде дом твоего друга, твоих родных, твоего соседа... Вы все живёте в одном доме. Вы все живёте в одном мире, на одной планете, в одной Вселенной. Вы — одна большая семья. И если ты считаешь, что уходишь из своего дома, когда тебе надо идти на работу, это не так. Ты не можешь никоим образом покинуть этот огромный дом. Вселенная точно так же любит тебя и заботится о тебе, как и твой маленький дом. Только откройся ей, и ты это почувствуешь.

— Однако...

— Постой, не торопись с выводами. Представь, что Вселенная — это огромный дом, который простирается далеко в разные стороны. Чтобы тебе выйти из своего маленького дома, ты должен спуститься по лестнице или на лифте. Или подняться этажом выше, чтобы зайти к соседу. И в огромном доме, который называется Вселенная, происходит то же самое.

Дойдёшь пешком до магазина – ты попадёшь к одному соседу. Сядешь на автобус (как в случае с лифтом) и приедешь на работу – это будет совсем другая квартира. Так же, как хозяева принимают гостей, здесь собираются люди с общими целями и интересами. Едешь в другой город – ты поднимаешься на несколько этажей вверх или опускаешься вниз, в зависимости от того, где этот город находится.

Ты просто не сможешь выскочить из дома Вселенной. Ты постоянно в нём, в своём доме, в окружении миллионов соседей. И просто, когда захочется уединиться, каждый возвращается в свою квартиру. Теперь ты понимаешь?

– Это интересная мысль.

– Очень интересная мысль. Поэтому ни о чём не беспокойся. Твой дом всегда с тобой, а ты – всегда в нём. Люби Вселенную, она ответит тебе тем же. Ведь, как ты чувствуешь любовь и защиту маленького дома, так же почувствуешь ответную любовь дома большого. Вселенной.

МАРУСЯ И ПАВЛИК

Светофор

Маруся с Павликом и папа идут по улице. Они подходят к светофору, и Павлик предупреждает:

– Красный свет загорелся, придётся подождать.

– Мы знаем, – ответила Маруся. – А когда загорится зелёный, можно идти.

– Молодцы, – похвалил детей папа, – вы знаете правила дорожного движения.

Они перешли дорогу и идут дальше.

– А у нас в садике не все дети знают, как нужно правильно переходить дорогу, – сказала Маруся.

– Почему? – спросил папа. – Вас разве этому не учат?

– Учат, – ответил Павлик. – Только не все могут запомнить.

– А что бы вы придумали? Как помочь детям легко запоминать правила дорожного движения?

Маруся с Павликом задумались и покачали головами.

– Я бы выбрал то, что мне нравится и что не нравится, – неожиданно предложил папа.

– Как это? – удивилась Маруся.

– Для чего? – ещё больше удивился Павлик.

– Например, для меня красный свет напоминает огонь. Я не пойду на него, там можно обжечься. А вот зелёные яблоки я лю-

Рисунки Алены Ежовой

блю очень! Поэтому смело переходу дорогу. Вы тоже можете придумать такую игру. Очень интересно.

– Я придумал, придумал! – радостно воскликнул Павлик. – Я не пойду на красный свет, потому что он похож на глаз злого дракона. А на зелёный пойду смело. У меня велосипед зелёного цвета, и он надёжный.

– А я не пойду на красный свет, потому что у Маринки из соседнего подъезда платье красное. Оно ей совсем не к лицу. А пойду на зелёный свет, потому что на картине, которую я рисовала, очень удачно получилась именно зелёная трава.

– А давай завтра всем ребятам предложим такую игру, – задорно предложил Павлик сестре.

– Давай, – согласилась Маруся. – Уж теперь-то они запомнят, как можно правильно и интересно переходить через дорогу.

Кто где прячется?

Павлик и Маруся играют в прятки. Павлик спрятался за диван, но сестра быстро нашла его.

– Почему? – обиделся Павлик. – Ты могла бы подольше поискать меня.

– Ты голову спрятал, а ноги – нет, – рассмеялась Маруся.

– Как страус, – улыбнулась мама.

— Как кто? — переспросил Павлик.
— Как страус. Это птица такая. Она голову спрячет в песок и думает, что её не видно.

Маруся снова весело рассмеялась.

— Чего смеёшься? — надулся Павлик. — Ты знаешь, где прячется страус?

— Нет, про страуса не знаю. Но про других животных знаю.
— А вот сейчас и проверим! — поймал на слове сестру Павлик.
— Проверяй, — с готовностью ответила Маруся и поудобнее усилась на диване.

— Где прячется лиса?

— В норе.

— Где прячется медведь?

— В берлоге.

— Где прячется белка?

— В дупле.

Павлик задумался и решил придумать что-нибудь посерёзнее.

— Где прячется щенок?

— В будке.

— А где прячется котёнок?

— У меня.

— Неправильно! — обрадовался Павлик. — Так не бывает.

— Бывает, — ответила Маруся и распахнула свою кофточку. На груди у неё сладко посапывал котёнок.

— Ну и находчивая ты, Маруся, — улыбнулся Павлик.

Настоящий художник

Павлик взял альбом и краски и стал рисовать. Маруся бегает взад-вперёд, всё время заглядывает ему через плечо, чтобы посмотреть, что там получилось. В очередной раз она подбежала, а Павлик как раз закончил свою картину.

- Пятнышк не хватает, – подсказала Маруся.
- Каких пятнышк? – удивился брат.
- Ну как, у жирафа должны быть пятна, – объяснила сестра.
- Это не жираф, – ответил Павлик, любуясь своим произведением.

В это время подошёл папа и тоже заглянул в альбом.

– А почему такая шея длинная? – спросил он. – У гусей есть шея, но она всё-таки короче.

- Это не гусь, – ответил юный художник.
- О, Павлик! – маме казалось, что сын может расстроиться.
- Ничего, я на вас не обижаюсь, – добродушно ответил Павлик.
- Ведь не каждый может понять настоящего художника, – и с гордостью повесил картину на стену.

Подсказка

Маруся и Павлик играют в школу.

- Чур, я учительница! – сказала Маруся.
- Пожалуйста, – согласился Павлик.
- Сегодня мы будем учиться, как разговаривают животные, – серьёзным тоном сказала «учительница».
- Учиться разговаривать как животные? – удивился Павлик.
- Нет. Расскажи ты, как умеют говорить животные, – объяснила Маруся. – Например, как разговаривает мышка.

- Это знает каждый ребёнок, – обиделся Павлик.
- Вот и расскажи нам, – настаивала строгая «учительница».
- Пи, пи, – нехотя ответил брат.
- Правильно. А как разговаривает птица?
- Чик-чирик, чик-чирик.
- А собака?
- Гав, гав.
- А как разговаривает котёнок?
- Мяу, – раздалось с дивана. Это котёнок, который сидел рядом, мяукнул.
- Не подсказывай! – погрозила пальцем котёнку Маруся.
- Ну что ты, Маруся, ругаешься, – рассмеялся Павлик. – Котёнок тоже хочет учиться.

Сценка

Марусе и Павлику в детском саду дали задание: придумать сценку, как они помогают родителям.

– Я могу показать, как мою посуду, – предложила Маруся.

– А я вытираю посуду сухим полотенцем, – добавил Павлик.

Ребята задумались.

– Скучно, – наконец произнесла Маруся.

– Неинтересно, – согласился Павлик. – Я уверен, что все ребята моют посуду.

– А я придумала! – радостно воскликнула сестра. – Давай приготовим для мамы с папой еду.

– Что мы можем приготовить? – усмехнулся брат.

– Да бутерброды! Сделать их несложно.

– Здорово! – оценил Павлик задумку своей сестры. – Представляешь, родители приходят с работы уставшие, а мы их кормим.

Павлик быстро достал хлеб, Маруся намазала его маслом. Затем нашли пучок укропа и украсили бутерброды зеленью. Красиво выложили на тарелку и довольно переглянулись между собой. В это время на кухню зашли мама с папой.

– Это вам! – радостно воскликнула Маруся и протянула родителям тарелку с бутербродами.

– Мы сценку придумывали, как вам помогаем по хозяйству, – объяснил Павлик.

Мама с папой попробовали угощенье.

– М-м, какая вкусная сценка! – одобрительно произнёс папа, облизывая пальцы.

– Вы заслужили круглую пятёрку! – добавила мама.

Павлик и Маруся счастливо рассмеялись.

Где?

Мама собралась заняться шитьём: подготовила нитки, достала швейную машинку и ненадолго вышла из комнаты. Возвратилась – и не увидела на столе катушку с нитками. Мама посмотрела на столе, под столом, но нигде не нашла. В комнату заглянула Маруся.

– Маруся, ты не видела катушку с нитками? – спросила мама.

– Ой, да, я взяла! – спохватилась дочь. – Оторвала немного, чтобы сшить кукле платье.

И Маруся кинулась к дивану.

– Я оставила катушку здесь, а теперь её нет, – разочарованно произнесла она.

– Павлик, ты не брал нитки? – крикнула мама.

– Да! – отозвался сын. – Я только подвязал парус у корабля!

Павлик вышел в комнату и растерянно развёл руками:

– Я оставил катушку на столе, но теперь её нет.

Мама подумала.

– Папа, – позвала она, – ты не находил катушку с нитками?

Папа выглянул из кухни.

– Находил какие-то в детской комнате и положил на подоконник, чтобы не потерять.

Мама вздохнула и направилась туда. Все поспешили следом. На подоконнике ниток тоже не оказалось.

– Ну, и кто следующий? – спросила мама.

Дети и папа молча пожали плечами. Под столом раздался стук. Все наклонились и увидели котёнка. Он весело катал катушку с нитками.

– Все хороши! – укоризненно сказала мама и покачала головой.

Лестница

Маруся с Павликом, мама и папа приехали на дачу. Утренний ветерок обдувает лёгкой прохладой, птички поют. Красиво!

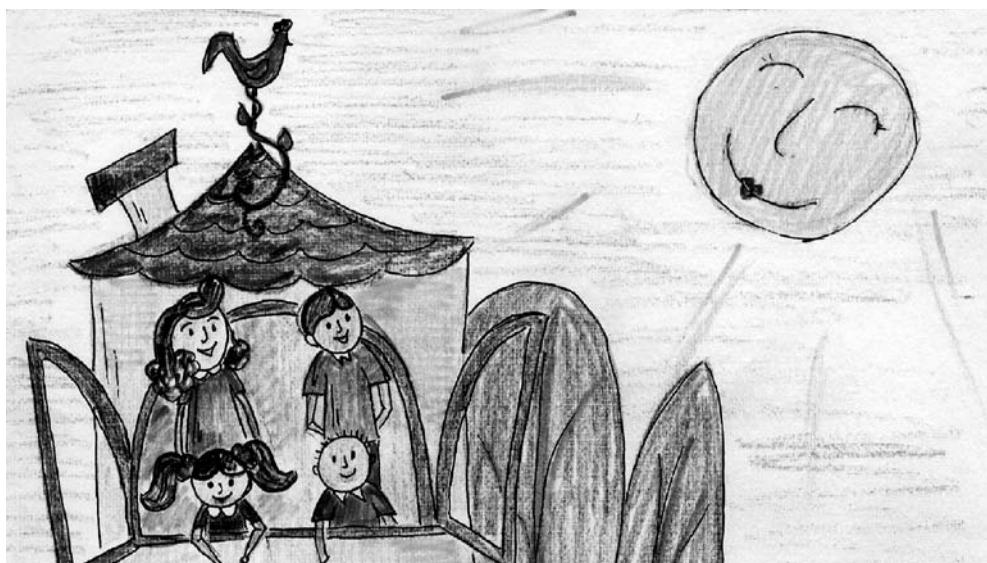
– Ой, какой смешной дом! – Павлик засмеялся и показал в сторону соседнего участка.

Наверху дома, на который показывал Павлик, под самой крышей сделана дверь. Лестницы нет, и дверь как будто висит в воздухе.

– Зачем дверь на крыше? – удивилась Маруся. – И как туда попасть?

– Это сделано специально, чтобы любопытные не ходили, – с серьёзным видом предположил папа.

– А сам хозяин как заходит? – спросил Павлик.

- Наверно, у него есть ещё одна дверь, с другой стороны.
- Но зачем эта? – не сдавался сын. – Если дверь есть, значит, в ней надо заходить.
- Интересно, что там находится? – задумчиво произнесла Маруся.
- А что бы вы сделали, чтобы узнать это? – спросила мама.
- Лестницу надо построить, – сказал папа и оценивающе взглянул на дом. – Желательно бетоном залить, чтобы покрепче стояла.
- Заливать долго, – возразила Маруся. – Сколотить из досок, быстрее получится.
- Ха, – усмехнулся Павлик, – да вон в кустах лестница лежит. Проще принести её и подставить.
- Ох, и лентяй ты, Павлик, – вздохнула Маруся.
- Брат обиженно взглянул на сестру.
- А ведь, Павлик прав! – догадалась мама. – Я спросила вас: что сделать, чтобы узнать, что находится за этой дверью? А не о том, как построить лестницу.
- Молодец, Павлик! – похвалил папа. – Ты самый внимательный из нас.

Загадки

В детском саду идут занятия. Воспитательница велела детям придумать загадки.

- Павлик, что у тебя получилось? – спросила она.
- Важная походка, красная бородка и красивый гребешок. Кто же это?
- Петушок! – хором ответили все ребята.
- Маруся, а что придумала ты?
- Спит со мною на подушке, чистит лапкой свои ушки, и мурлычет, и поёт. Это мой любимый...
- Кот! – раздался дружный ответ.
- Молодцы все! Маруся и Павлик, у вас получились интересные загадки.

К счастью

Маруся вытирала помытую посуду и разбила тарелку.

- Маруся, – вздохнула мама, – почему у тебя так часто бьётся посуда?
- Это к счастью, так всегда говорят, – огорченно ответила дочь.
- Но у нас почти не осталось тарелок. Что с тобой делать?
- Давай сошьём ей перчатки с присосками, – посоветовал Павлик.
- Нет, – покачал головой папа, – лучше купим новые тарелки.
- Мама улыбнулась:

– Тогда я куплю самые красивые: зелёные в цветочек. Я о таких давно мечтала.

– И бокалы под цвет тарелок, – добавил папа. – Приготовим вкусный ужин и пригласим гостей.

– Мама, а ты испечёшь свой фирменный пирог! – обрадовался Павлик.

– Обязательно! – пообещала мама.

– Ну вот, я же говорила, к счастью! – радостно улыбнулась Маруся, и все рассмеялись.

Космонавт на велосипеде

– Ой! – воскликнул Павлик и подпрыгнул на диване.

– Что с тобой? – удивилась Маруся.

– Я так сильно представил, что нахожусь в космосе, даже испугался!

– А как там? – заинтересовалась сестра.

– Страшно. Вокруг темно-темно, и я совсем один.

– Страшно, – согласилась Маруся – но интересно.

– Да, – размечтался Павлик. – Вот бы на самом деле полететь в космос.

– Ну, это ещё долго, – разочарованно протянула сестра. – Пока ты вырастешь, пока выучишься...

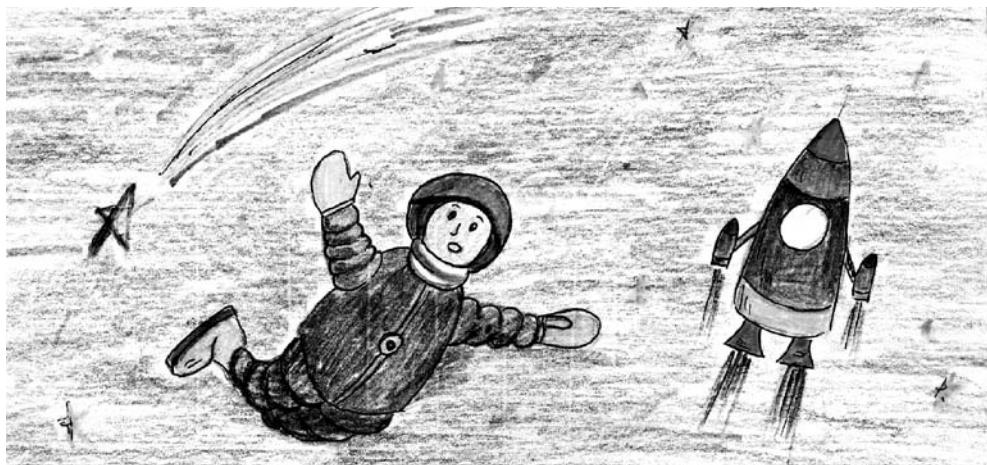
– А можно по-быстрому! Нужно только построить ракету – и всё.

– Ракету?! – глаза у Маруси заблестели.

– Представляешь, мы летим вдвоём в настоящей ракете! Летим куда хотим, и никто не мешает.

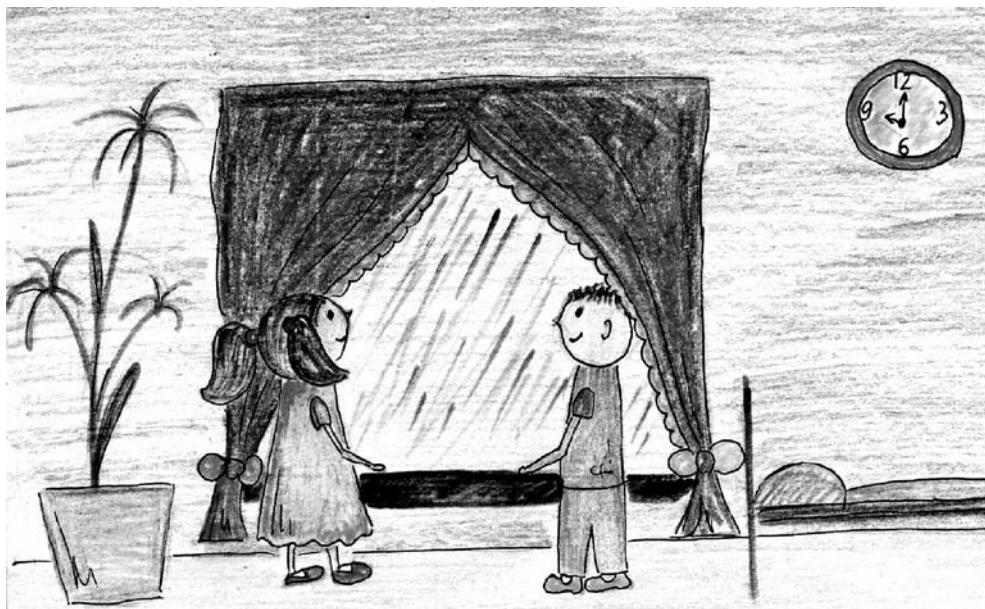
– Красота!

– Вокруг звёзды, разные планеты, кометы пролетают с длинными хвостами...

– Страшно! – затаив дыхание, прошептала Маруся.
– Почему? – недоумённо спросил Павлик.
– А вдруг мы столкнёмся? Вдруг разобьёмся?
Павлик на минуту задумался.
– М-да... Знаешь, я лучше пойду на велосипеде покатаюсь. Оно так безопаснее, – и, спрыгнув с дивана, быстро убежал на улицу.

Дожди

Маруся посмотрела в окно и вздохнула:

– Дожди, одни дожди.
– Почему одни дожди? – не согласился Павлик. – Вчера дождя не было, только сегодня.
– А сегодня сколько их было?
– Один.
– Три, целых три! – возмущённо ответила Маруся. – Утренний дождь, дневной и вечерний.
– А вот и ночной дождь начинается, – поддакнул Павлик.
Они тяжело вздохнули.
– Дождливая ночь, это тоже скучно, – произнесла Маруся. – Да-
вай устроим сонную ночь.
– Давай – согласился Павлик. – Сны смотреть гораздо интерес-
нее.
И ребята побежали укладываться спать.

Главное слово

Маруся и Павлик в детском саду получили домашнее задание.

– Папа, помоги, – попросила Маруся. – Три зайчонка, три мышонка, к ним пришли три поросёнка. Это задание по математике.

– Какое слово главное и что ты о нём знаешь? – пояснил Павлик.

– Хм, – ответил папа.

– Ну, вот смотри, – начала объяснять ему Маруся. – Если задание по математике, значит главное слово «три».

– Это третья цифра от начала всех цифр, – добавил Павлик. – Этим словом можно сосчитать кого-нибудь.

– Эта цифра похожа на букву «з»...

– Зачем вам помогать? – спросил папа. – Вы мне сами всё рассказали.

– И правда! – удивился Павлик.

Дети радостно переглянулись между собой и весело рассмеялись.

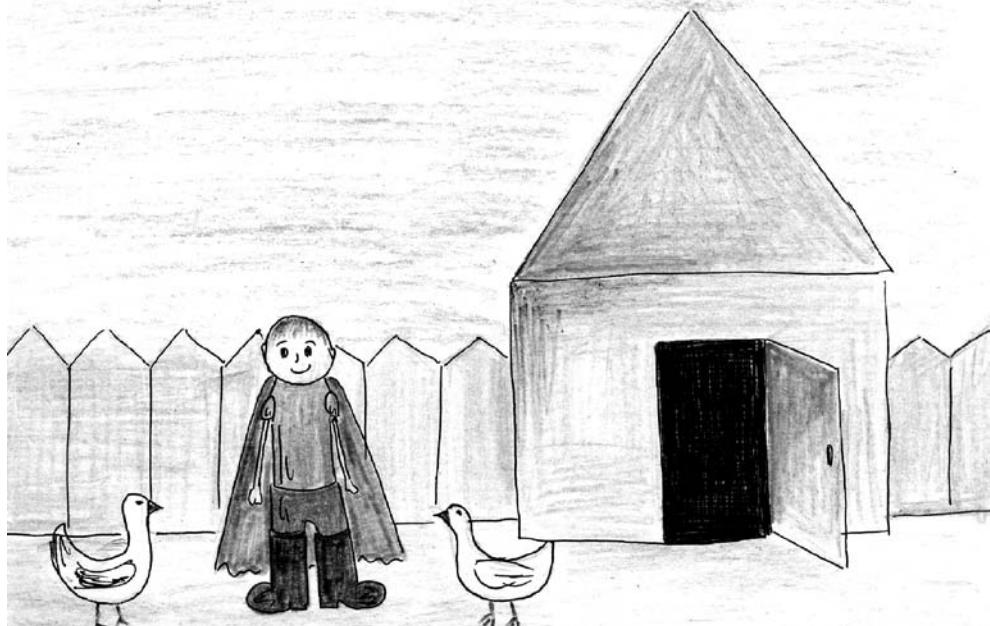
В деревне

Лето. На улице жарко, пачёт солнце.

Маруся стоит возле забора и кричит Павлику:

– Можешь выходить, не бойся!

Дверь дома открывается, и выходит Павлик в огромных резиновых сапогах, длинном плаще, а на руках – большие резиновые перчатки. Мальчик накидывает на голову капюшон плаща и медленно

спускается с крыльца. Не спеша, с гордым видом он проходит по двору и, подойдя к калитке, с достоинством выходит наружу. Тут же, скинув с себя одеяние, он радостно кричит во двор:

- Ну, что, поймали? Как я вас обманул, а?
- Га, га, га, – в ответ прокричали гуси, размахивая крыльями.
- Меня просто так не возьмёшь! – весело добавил Павлик, и они с сестрой побежали на речку.

Подарок

У Маруси и Павлика день рождения. Им исполняется шесть лет, и родители придумали детям замечательный подарок. Они подарили им настоящую книгу, в которой записаны самые увлекательные истории Маруси и Павлика. Книга так и называется «Маруся и Павлик».

- Хорошо – одобрил Павлик. – Теперь мы станем известными.
- Дети прочитают книжку и узнают про нас, – согласилась Маруся.

- Они узнают, какие мы весёлые.
- Дружные.
- Умные.
- Сообразительные.
- Находчивые.

Немного задумавшись, Маруся добавила:

- И скромные.

Обнявшись, близнецы весело рассмеялись.

Нина САВЕЛЬЕВА

Родилась в 1950 году в г. Мамадыш Татарской автономной республики. В 1959 году семья переехала на Урал. В Серове Нина окончила среднюю школу, в Перми – медицинский институт. Долгие годы жила и работала детским врачом в Перми и городе Чайковском. Занималась в литературном клубе «Огни Камы», печаталась в городской газете. Сейчас Нина Степановна живет в Качканаре, занимается в литобъединении «Лукоморье». Пишет стихи и прозу.

ЛОСКУТИКИ ПАМЯТИ

Моя бабушка всю жизнь свою шила лоскутные одеяла. Не потому, что очень уж любила это занятие – нужда заставляла. Имея восемь детей, не напокупаешься. Да и где что было купить: деревня, войны... А безденежье?! Шила она из изношенных вещей, поэтому служили одеяла недолго. Но некоторые хранились долго.

– Зачем они нужны, такие старые? – спрашивала я, пятилетняя, когда бабушка делала ревизию в старом кованом сундуке, который, гордо выпячивая бока, стоял на чердаке нашего дома. – Их уж давно надо выбросить!

– Рука не подымается, – отвечала бабушка.

Я пыталась поднять ее руку: поднимается же! Бабушка тихо смеялась и объясняла: память.

– Вот квадратик, это от Веруниного платья, она замуж в нем выходила, а вот этот лоскуток от кофточки Клавы. Как я эту кофточку сшила ей, так и влюбился в нее Василий, будто ждал кофтенку эту. Знал-то Клаву задолго до этой обновы.

– А это от чего? – увлекшись, спрашивала я.

– Это мамы твоей халатик, вон с какими цветочками красивыми. Тебя носила в нем.

– Как носила? На руках, когда маленькая была?

– Да не было тебя еще, ждали только. Купили с цветочками ситчик-то, вот девочка и родилась.

Не поняв, как можно было носить меня, еще не рожденную, я задавала новые вопросы. Бабуся охотно отвечала, все более оживляясь. Раскрыв рот, я слушала подробности жизни своих родных, удивляясь тому, что старые изношенные одеяла подвигли мою башку на светлые и долгие воспоминания.

Теперь уж нет бабушкиных одеял. Я храню мамино. В минуты грусти достаю его, тоже изрядно потертое и выцветшее, и начинается экскурсия в прошлое. Качаясь на волнах памяти, вспоминаю родных, события. И что интересно – только счастливые моменты. Так ли сложилось, так ли мамой задумано – напоминает оно только о счастье. Мама моя собирала его, выйдя на пенсию, отдохшая от тяжелого учительского труда. Не от нужды, как бывало, просто ей нравилось это занятие.

Я, тоже теперь пенсионерка, имею хобби (родные мои слова этого не знали), называемое пэчворком. Так тянут меня к себе эти незатейливые лоскутки тканей, уводя далеко-далеко, в глубины памяти нашей.

ОКНА

Окна дома... Люблю смотреть на них с раннего моего детства. Дома детства – деревянные, одноэтажные, частные, как принято было их называть. Окна этих домов – с резными наличниками, ставенками, с простенькими занавесочками, с цветущей геранью на подоконниках, с заспанной кошачьей мордочкой, – как милы вы мне и дороги напоминанием о самой светлой поре жизни!

Как глаза на лице человека придают неповторимое выражение их обладателю, так и окна дома.

– Смотри, смотри, – донимала я маму по пути куда-либо. – Вон какой веселенький домик! Ну, а этот уж злющий-презлющий! О, строгий, как наша воспитательница в детском саду! Я бы не хотела в этот дом заходить. А сюда так хочется: он добрый, как бабуся! Может, зайдем, проверим, какие там люди живут?

Мама улыбалась и тянула меня за руку.

– Фантазерка ты моя, – любила повторять она. – Ну, как же мы зайдем, что скажем?..

По мере взросления моего, добавлялись определения: приветливый, надменный, теплый, холодный, гордый, жалкий. И хотя давно я «очень взрослая», как выразился один знакомый маленький мальчик, и живу в большом каменном доме среди таких же домов-коробок, я иногда бываю в городке своего детства или не упускаю случая побывать в деревне, где продолжаю свою детскую игру...

МУЗЫКА

Я далека от музыки в том плане, что никогда не изучала ее серьезно. Я не играю ни на одном музыкальном инструменте, не училась в музыкальной школе (а как хотелось когда-то!).

Мама моя имела исключительный музыкальный слух, как и еще четверо из восьми детей их большого семейства. Когда собирались вместе, образовывался маленький оркестр из гитары, мандолины и балалайки. Меня нельзя было оттащить от них ни на минуту. Я забывала обо всем на свете и только слушала-слушала... «Амурские волны», «Прощание славянки», «Над волнами» и еще много-много вальсов, мелодий. А как пели сестры Соколовы! Люди задерживались на лестничной площадке, спускаясь или поднимаясь к себе, под балконом на тротуаре стихийно образовывалась кучка слушателей...

Дочь моя Лидия, тезка бабушки своей, закончила музыкальную школу: ведь часто свое несбывшееся мы стараемся воплотить в детях наших. Делом жизни ее музыка не стала, но с пианино дружит, мать периодически радует; и внук тоже не обижен слухом.

Я очень близка к музыке потому, что очень люблю ее. Рахманинов, Шопен, Чайковский, Свиридов – любимые мои композиторы. Те ощущения, которые возникают, когда слушаешь музыку, передать трудно, да и не берусь. Не так давно обнаружила, что каждый отрезок моей жизни (это сейчас, с высоты лет) сопровождает какая-то музыка. Тот или иной эпизод, оказывается, имеет свой музыкальный фон, свою музыкальную окраску.

Дальше меня стало занимать следующее. Вехи жизни у всех людей практически одни: рождение, детство, юность, зрелость, старость, финал. Но все жизни так непохожи друг на друга, все они протекают под разную музыку. У кого-то преобладают марши, вальсы, у кого-то пронзительной грусти мелодии и реквиемы.

Характер человека... Это тоже концерт, симфония! У кого-то больше минора, а у кого-то сплошной мажор. Судьба ли тут является дирижером или сам человек задает себе свою музыку?! Судьба ли завладела палочкой или сам человек держит ее в своей руке? Лицо я давно пытаюсь отнять ее у судьбы!

ЭХО ВОЙНЫ

Моя двоюродная сестра Елена старше меня на пятнадцать лет. В июне 1941-го ей было пять. Это уже тот возраст, когда память острыя и хваткая. Особенно в лихую годину.

Жила она с мамой и другими родственниками в глубоком тылу, в Татарии, где не было бомбёжек, обстрелов, свиста шальных пуль; где были голод, холод и тревожное ощущение войны. И спустя десятилетия воспоминания о том времени часто вызывали слезы..

Когда я, будучи взрослой, иногда жаловалась на бытовые неурядицы, плохое снабжение, небольшую зарплату, она внимательно выслушивала, а ответ всегда был один:

– Главное, что нет войны, все остальное – ерунда!

– Ну, нельзя же, нельзя оглядываться на нее всю жизнь, – выходила я из себя. – Ведь прошло уже столько лет, а как мы живем!?

Девяностые годы – талоны, очереди, пустые прилавки – она переносила стоически.

– Ерунда все это, не главное.

На ворчания мои реагировала одинаково: главное, что нет войны...

Все, ну, все было у нее хорошо, раз нет войны.

Вот так красной нитью прошла война по судьбе человека, после которой ничего и никогда не было ему в тягость!

ОБИДА

Когда речь зашла про обиды, один мой знакомый рассказал эпизод из своей жизни.

Шла четвертая военная осень, когда он пошел в первый класс. Школа была в четырех километрах от их маленького поселка на железнодорожной станции, недалеко от Нижнего Тагила. Он и его приятель, мальчишки семи и восьми лет, каждый день проходили восемь километров: до школы и обратно.

В то промерзлое серое утро они шли, как всегда, по разбитой грузовиками дороге, меся грязь с первым выпавшим снегом. Серая жижа чавкала в рваных ботинках при каждом шаге, судорожно сжимались мышцы от тесной обувки и холода.

В холщовых сумках лежали старые, чудом уцелевшие газеты, на полях которых писали огрызком карандаша буквы да цифры, и главная драгоценность – кусок черного хлеба, аккуратно завернутый в чистую тряпичку.

– На большой перемене съешь хлебушко, сынок, – неоднократно напомнила мать, – если съешь раньше, силенок не будет домой прийти.

А голодные мальчишки не прочь были проглотить его, как только вышли из дома.

Маленькая вареная картошечка, съеденная на завтрак, голод совсем не утолила, только раззадорила аппетит.

Сзади послышался звук машины. Старый, дребезжащий грузовик догонял мальчишек. Обоим вдруг пришла в голову мысль: может, довезет? Они стали махать руками, умоляюще глядя на шофера, незнакомого мужчину средних лет.

Тот отрицательно помахал головой.

– Вынимай хлеб, – предложил старшенький.

Дети махали уже руками, в которых было зажато по куску хлеба, знаками показывали, что отдадут его за то, чтобы их подвезли.

Обдав ребятишек грязью, грузовик остановился.

– Залезайте, – сказал шофер хриплым голосом.

Мальчишки мигом оказались в кабине. Как же в ней было тепло и уютно!

– Мамке только не говори, – поучал старший, отдавая хлеб дядьке, у которого радостно заблестели глаза. Грубые, грязные руки схватили оба кусочка, которые тут же были отправлены в рот. Торопливо чавкая, съел он черный и грубый военный хлеб. Оставшиеся крошки аккуратносыпал в рот с ладони. Мальчишки смотрели молча, глотая слюну. «Зато в тепле доедем», – думали они..

Покончив с трапезой, дядька улыбнулся недобро и неприятно.

– А ну, щенки, вылезайте, – открыв дверь кабины, сказал водитель.

– Так мы же отдали...

Длинные грубые руки поочередно подтолкнули детей, которые спрыгнули в самую грязь с высокой подножки. Машина тронулась, обдав еще раз грязью на прощанье, и быстро скрылась за поворотом.

Мальчишки вытерли лица тряпицами, которые хранили еще запах хлеба, и молча побрали дальше.

Прошло семь десятков лет, но детская эта обида нет-нет да и шевельнется в груди, где-то слева...

КОГДА КОНЧАЕТСЯ ДЕТСТВО

Куда оно уходит? Когда кончается?.. У всех по-разному. И нет здесь возрастной планки, а есть веха, событие, впечатление, после которых взрослеешь мгновенно. Жизнь твоя делится сразу на «до» и «после».

Моя треснула в августе.» До» – мама, папа (отчим, но уже папа) и младший братишка. Когда я первый раз произнесла «папа», звучание этого слова казалось мне волшебной музыкой. Нельзя сказать, что я не произносила его раньше: ведь были папы у подруг, у

мамы моей был папа, это слово я прочитывала в букваре и других книгах. Но звучание его теперь, когда оно коснулось меня, было неповторимым.

А «после» – это после телефонного звонка, прозвучавшего как гром, как набат, от которого мама сползла на пол, трубка телефона осталась болтаться, ударяясь о стену, громко заплакал годовалый брат. После упавшего из моих рук огромного красного яблока, откушенного один раз, с ужасным грохотом покатившегося по полу и спрятавшегося за портьеру. Мне было девять с половиной лет. Я стала взрослой в тот августовский день. А детство укатилось от меня надкусенным яблоком.

Оказывается, можно исчезнуть вот так, мгновенно. Погибнуть на пыльной полевой дороге... А если и мама... а вдруг... вот так... Это не вмещалось в моей голове. Страх нечеловеческий, недетский сковал все мое существование. Я взяла ее за руку и не отпускала несколько лет, по крайней мере, если это было возможно. Она не выходила одна из дома – я обязательно была рядом. Она не могла уйти в лесок рано утром, чтобы собрать детям земляники. Я, невыспавшаяся и сердитая, тащилась за ней. Только со мной с ней ничего не могло случиться! В это я верила свято.

Когда после смерти отца маме пришлось работать за двоих – в дневной и вечерней школе, я приходила ее встречать. Наш рабочий поселок был тихим и мирным. Уложив брата спать, я шла по темным улицам. Ведь только со мной с ней ничего не случится! А на столе маму ждал горячий ужин. Часто за ним она плакала, а я держала ее за свободную руку и гладила по голове.

Если она говорила, что у нее болит зуб, а сходить и взять талончик к врачу некогда (это она делилась с соседкой), то назавтра я прогуливалась первый урок, находясь в регистратуре поликлиники, и доставала злополучный талончик и спасала маму от боли.

Я стирала белье, водилась с братом, когда он болел, пропускала школу: надо было выживать! На улице надо было следить, чтобы нам не попался человек в военной форме, вовремя свернуть в первый переулок до того, пока мама его увидит. Чтоб не заплакала...

Время лечит. И вот мама уже чаще улыбается, реже плачет. Она уже берет в руки свою любимую гитару. Она заказала шить платье! О, купила туфли!

А где там мое яблоко за портьерой?! Какое же вкусное! И я уже бежала гулять с подругами, я уже не боялась отпустить маму в такой страшный еще недавно мир!

Детство, кончившееся так рано, возвращалось ко мне много-много раз! Я, уже не будучи ребенком по возрасту, становилась им,

приезжая к маме в гости. Приезжала уже с двумя детьми, и мы становились детьми все трое. Когда просыпаешься утром и улавливаешь запах пирогов, доносящийся из кухни; когда отчитываешься, тепло ли ты оделся; когда обещаешь не приходить поздно; когда чувствуешь мамины руки на своем горячем лбу, когда она прикасается к нему губами, оценивая температуру, – ты все еще ребенок, сколько бы лет тебе ни было!.

Окончательно детство мое кончилось в мои тридцать девять лет с последним маминым вздохом.

ЧИСТЫЙ ЛИСТ

Сижу над чистым листом бумаги... Вообще-то надо написать письмо подруге. Есть еще люди, не имеющие электронной почты. И раздумалаась, как всегда. Вот лист, бездушный предмет, пока чистый. А заполненный текстом, строчкой, словом отмеченный -- какую власть он приобретает над душами человеческими! Он может вознести до небес, если на нем любимой рукой в первый раз написано объяснение в любви; после ссоры, обиды – выведено: «прости».

Это может быть характеристика, сочиненная твоим начальником, после которой ты готов работать день и ночь, не ведая усталости. Письмо от матери, мужа, детей, подруги – письмо, накрывающее теплой волной. И много еще ситуаций, когда ты на гребне этой самой волны!

Но это может быть короткий текст, строчка или слово, которые сильно ударят, утянут на дно. Ты не поверишь, что минуту назад светило солнце, пели птицы, мир млел от тепла и покоя! Военные похоронки, анонимки «доброжелателей», доносы в страшное время репрессий, вердикты суда... Короткое «прощай», сухое «отказаться», письменное выяснение отношений, в каждом слове которого сквозит непонимание...

Но это может быть чистый лист, на котором первом вывели: «Я вас любил»... и который подарил миру гения, живущего в веках! А еще может быть... Вообще-то мне надо писать письмо подруге...

СОВРЕМЕННЫЙ РЕБЕНОК

Посадка в самолет закончилась. Я устроилась удобно в мягкое кресло «Боинга» у окна.

Позади была бессонная ночь в вагоне поезда, таможенные дела, регистрация, волнения из-за возможной задержки рейса. Нет, самолет вылетит вовремя. Панически боясь самолетов, я сразу начала виншать себе, что нахожусь в кресле междугородного автобуса, бойко бегущего по нашим пермским бескрайним полям и цветущим лугам.

Рядом со мной разместилась молодая женщина с мальчиком лет шести. Женщина выглядела уставшей, мальчик тоже какой-то вялый. Подумалось: уснут сейчас и проспят всю дорогу.

А еще позавидовалось. Мне бы уметь...

– Хочешь к окну? – спросила я мальчика.

– Нет-нет, – быстро ответил он, – я боюсь. Еще стекло выдавится...

Тем временем голос, записанный на пленку, бесстрастно вещал о правилах поведения на борту, а так как полет какое-то время будет проходить над водной поверхностью, миловидные стюардессы демонстрировали, как надеть спасательный нагрудник, как надуть, подуть в воде и как пользоваться свистком. От представленных видений холод пробегал по моей коже. Мальчик внимательно слушал. Скоро мы уже были в воздухе.

Женщина быстро погрузилась то ли в дрему, то ли в сон, сын попытался задать несколько вопросов относительно полета, но реакции не последовало, и он скоренько переключился на меня. Очень разговорчивым оказался этот Филипп, шести лет от роду, москвич. Я очень скоро была посвящена в его семейную жизнь. Папа работает в Барселоне, они с мамой летят к нему на целый месяц.

Обо мне расспросил подробно. Узнав, что я лечу к дочке, у которой родился сынок, и еду знакомиться с внуком, он легко стал называть меня бабулей, хотя спросил имя и отчество, но забыл его тут же. Объяснил доступно, что, раз у меня есть внук, я бабуля и есть. Я не возражала.

– Бабуля, а тебе не кажется, что вначале самолет летел, а сейчас не летит, висит просто? Мы, наверно, упадем!?

Объясняю, что летит, и с большой скоростью. По коже снова пробежал холодок.

– Давай, отдохнем немного, я так устала, Филипп!

– Ну, давай!

Через секунду он спрашивал, не кажется ли мне, что справа моторы гудят громче, чем слева. Что, возможно, слева мотор испортился. Уверяю, что все в порядке.

– Давай- ка, Филипп, расскажи о своем детском садике, кто у тебя друзья, как воспитателя зовут...

– Да Светлана Ивановна ее зовут, – заерзal в кресле, встал на колени и стал смотреть назад. – Бабуля, а тебе не кажется, что в салоне есть террористы? – тихо спросил он. – Вот я на людей смотрю – и трое дядей ими вполне могут быть. Они похожи на них, понимаешь?

Тоска заполнила мою душу, каждый ее уголок.

– Они, наверно, имеют взрывное устройство, взорвут самолет-то!

– О друзьях, о друзьях мы еще не поговорили... Как зовут их?

– Да Вадим и Егор. Вот как раз Егорка и рассказывал мне о террористах!

Я с надеждой взглядала на маму, которая все дремала даже в такой напряженной обстановке, но надежды на участие ее в нашем разговоре таяли. А тем более на то, чтобы переключить внимание Филиппа на нее.

– Стихи давай читать, а, Филипп! Одну строчку я, другую ты. Добрый доктор Айболит, он под деревом сидит... Теперь ты.

– Приходи к нему лечиться... Нет, все-таки моторы слева очень слабо работают, бабуля!

– Расскажи про улицу свою, про дом.

– Дом у нас шестнадцатиэтажный...

Резко повернувшись назад, понаблюдав за людьми, он высказывал уверенность в том, что это точно террористы, надо идти и предупредить командира, а то поздно может быть.

Как я ни пыталась увести этого ребенка подальше, какие бы игры ни придумывала, он тут же возвращался к полету, этот несносный мальчишка!

Принесли обед. Я немного отдохнула, мама пообщалась с сыном. Темой разговора были курица, гарнир, газированная вода. Слава богу, забылся ребенок. Мама опять задремала.

– Бабуля, не пора нагрудники спасательные доставать? Скоро водная поверхность начнется?

Объясняю, что это на всякий случай, этого случая не будет! Все проходит спокойно, все будет хорошо!

– А как ты думаешь, мы не столкнемся с другим самолетом? Или ракетой нас сбьют нечаянно...

Вкусный обед, который был сейчас содержимым моего желудка, почему-то стал проситься наружу...

– А мы еще певцов не вспомнили. Ты кого любишь?

– Да Киркорова, его и зовут как меня.

Внизу расстипалось необъятное Средиземное море, масса яхт с разноцветными парусами, вечное испанское солнце придавало

воде непередаваемый бирюзовый цвет. Объявили о снижении.

– Сейчас главное – в воду не свалиться.
– Да что ты!
– Ну, если новые детали в моторах, еще ладно. А вдруг плохие специально поставили...

Летим над землей, скоро посадка, будет ли конец?

– Филиппок, а кроме Барселоны ты какие города знаешь в Испании?

– Мадрид, это столица... Главное, чтобы шасси вышло, а то приземлимся на брюхо...

– Господи, Филипп, хватит уже! – я была близка к истерике
– Да ты боишься, что ли, бабуля? Я так нисколечки!

Все, сели! О, это чувство Земли! Сейчас я увижу своих!

– Главное, чтобы остановился вовремя, не воткнулся никуда!

– Фи-и-и-липп! – я почти стонала.

Мама открыла глаза:

– Прилетели уже! Как быстро!

– Ну, пока, бабуля! Может, и обратно полетим вместе?!

«Не дай бог!» – подумала я и стала спускаться по трапу, измученная и разбитая, как никогда!

VILESIK

Родился в 1985 году в Качканаре. В 2002-м окончил среднюю общеобразовательную школу им. К.Н. Новикова (№4). Поступил в Нижнетагильскую Социально-Педагогическую Академию (НТГСПА), тогда она ещё носила статус института (НТГПИ). Обучение закончил в 2009 году. Уехал в Санкт-Петербург, где живёт по сей день. Автор книги "Питера.net" и других. Участник сборников "Мегаполис" и "De facto. Бесстрастные тексты." Участник проекта "Зелёная Среда". Номинировался на премию "Поэт года 2011" сайтом Стихи.ру.

РЫЦАРИ В КАМЕЛОТАХ

Память... неизменно бросает в прошлое. Моё поколение, ребята конца девяностых, начала нулевых. Будучи в довольно нежном возрасте, мы перешагнули границу столетий, да х***, столетий, бери выше, тысячелетий, и в тот момент за нашими спинами ещё не было никого. Кепки, сделанные во Вьетнаме, по сути первые бейсболки, попавшие на рынки нашей страны, хотя это примета скорее начала девяностых, сплошь палёный Найк и Адиdas, я в те годы видел даже «адидепас», наверно, для тех, кто фигачил их пачками и распродавал у нас в России по дешевке, это мало о чём говорило, огромные рынки забитые китайцами и прочее... список бесконечен.

Мода на широкие штаны. Широкоштанники, т.е. рэперы, наполнили городок в то время. Это были мои ровесники. Первые кач***кие команды, в которых читали такие же парни из школы. «Пигмалион», «Уральский клан», «Рождённые рифмой»... Брат рэпера из команды «Скул и Кэш» учился со мной в параллельном классе, а ребят из ещё не созданного «Пигмалиона» я тоже немного знал.

Меня не захлестнула эта первая волна, прошла стороной, мне не хватало жёстких рифов и матёного драйва, а на горизонте уже маячило что-то новое, это новое было панкроком и альтроком.

Когда я оканчивал школу, в 2002-ом, появилась и активно наи-

грывала свои первые, по-моему, лучшие темы трэш группы «Луна-Парк» в первоначальном составе... А за ними последовали десятки групп, которые играли рок, самая яркая из них «Проект Дым», металл, это в первую очередь «Мантикор» и многие другие... «Тоника», «Об`лом», «МАРС»... Кто их сейчас помнит?..

Парни начинали очень здорово, но в основном всё заканчивалось уходом гитариста или барабанщика, одним словом, человека из состава, в армейку. Замену найти было сложно, да и мало кто из тех, парней, что вернулись, потом снова взялись за гитары. Приходили совсем другими людьми, чаще другими в отрицательном смысле этого слова.

Были и такие группы, из которых ничего не получалось. Музыканты сходились, репали вместе, наигрывали пару-тройку тем – и группа распадалась. Причины разные. Играть хотели по-разному и разное, например, вокалист склонялся к русскому року, ритм гитарист хотел мочить поп-панк, басист был попросту распи*** и ничего не хотел, а барабанщик спал и видел себя в альтрокерской команде. Ну вот, собственно, такой была ни одному человеку ныне не известная группа «Четвёртый Час»...

Вот так мы все, каждый по-своему, шагнули в нулевые. У Сида Спирина в песне было про это: «Каждый выходил в мир через собственную дверь, кто мог знать, что ждёт снаружи нас!..»

2010-й. Я открыл дверь магазина, такое местечко на пересечении улиц Садовая и Ломоносова. Сверху красовалась вывеска Camelot. Зашёл внутрь. Фигачила музыка, какое-то мясо. Шмотки в основном Ультра, но сегодня мне была нужна не она. Парень за витриной узнал меня, посмотрел на мои ширштаны и расплылся в блаженной улыбке.

– Здравствуйте. Пришли нашу старую коллекцию докупать?
– Да, – говорю, – меня Camelot интересует.
– А что за штаны у вас широкие? Что за фирма?..
– Мне без разницы, какая там фирма, хотя фирма NYK... важно только, что широкие.

– Понятно.

Парень показал всё, что осталось от Camelota.

– Вот всё, что есть.

«Да, б***, не густо, ну, куплю, конечно», – подумал я про себя.

– А знаешь, – обратился к парню, – эта фирма была популярна лет шесть назад, в ней вся молодежь наша ходила.

Наша, т.е города Т***, в котором я учился в те годы. На весь город был всего один магаз неформальной атрибутики, остальные загибались также быстро, как открывались. «Партизан», его на-

звание, держался за счёт продажи говнодавов или тракторов, кому как больше нравится, в них ходила вся более-менее адекватная молодёжь. Камелоты и неформалы – синонимы для отдельно взятого города в то время. Просто так сложилось исторически, географически, не знаю, в общем. По ним, собственно, можно было судить о хоть какой-то неформальности... за них нас всегда ненавидели во-внучие регрессивные гопники, хотя это было взаимно...

– Это какой год?.. – член перестал стебаться.

– 2005-ый примерно.

В кармане начал звонить сотовый телефон, на звонке старая уральская рэпкор команда «Жесткач».

*Я не могу всё понять, это мой сон.
 Я не хочу всё терять и продолжаю спать.
 И всем известно, что в душе моей гремит гром,
 И я готов на всё пойти и всё тебе отдать.
 Я не могу один шагать, и хрипотой
 Я говорю: мой голос сорван, я прошу тебя:
 Не уходи, постой, я покажу тебе мир свой,
 Там двое вместе, это ты и я
 Я не могу тебя найти среди больших домов,
 Я не могу тебя найти среди старых холмов,
 На небе под землёй равнина или цепь гор,
 Я как потерянный щенок с тех пор.*

Расплатился и, на ходу сбрасывая вызов, вышел из магазина. Только тогда, уже за порогом, как-то поймал себя на мысли, что всё изменилось вокруг, причём давно, время другое, город другой, одежда даже другая, а в плеере и на телефоне всё ещё играет рэпкор и панк-рок местного разлива... Наверно, удалось все-таки сохранить частицу себя того, десятилетней давности, в музыке, удалось потому, что я сам этого хотел, искренне. Знакомые, которые выбрали карьеру, деньги, красивые машины и жизнь, спланированную на пару лет вперёд, нам говорили раньше: мол, и мы повзрослеем, остынемся, задумаемся о разумном, добром, вечном... Только вот ценности у нас у всех разные, сейчас я знал, что мы думали об этом всегда... Мы остались такими, какими были десять лет назад, остались, чтобы жить вот так. Потому что для нас всегда был важнее настоящий момент. Если тебе нравится момент, просто останови его и продли... до бесконечности.

ШНУРОВКА

*Расскажи, не видал ли где смешную девчонку?
(Пилот)*

Залипал на сайте Пилота¹. Читал какие-то новости. Потом случайно перешёл на форум. Внимание привлекла обьява, размещённая как маячок в море флуда, фоток и прочей бесполезной информации. Заинтересовала по двум причинам. Первая: пост посвящался Ебургской пилотовской тусовке. Движ у Илюхи там приличный – это факт. Не сказать, что очень интересно, но с пивом пошло. Вторая и главная: девушка на аватарке была симпатичной, а чуть ниже висел номер аськи, который манил зелёным цветом, онлайн.

Написал: мол, давай пообщаемся. Девушка, среди прочего, сообщила то, что я знал и без неё: скоро презентация нового альбома Пилота «Рыба, крот и свинья». Приезжай, встретимся, погуляем. На сэйшн я и так собирался, а тут ещё бонус. Обменялись телефонами, я отключил комп и завалился спать, размышляя, как бы быстрее вырубить билеты в ДК «Железнодорожников».

Затянул с этим делом. Билеты, правда, на балкон нарулил в последний момент через брата, который учился там в горном. Не хотелось его запаривать, но другого варианта уже не было.

В общем, попал я на сэйшн. В ДК движуха, начиная от самого входа, много людей на цветах, жёлтый с чёрным повсюду. Толкотня у гардероба. Демоны. Много красивых девушек с агрессивно накрашенными, обведёнными чёрным глазами, пилотусы. Поднимаясь по лестнице на балкон, зал полон. Время от времени толпа заводится, выкрикивая в едином порыве название группы и имя её лидера, Чёрта.

Первая песня «Рок». Пилоты вылетели на сцену так резко, что я даже не успел сообразить, что к чему, а Илюха, Йорик и другие уже рубили. Чёрт подпирал ногой один из мониторов, агрессивно, и кричал в микрофон.

«И кто-то говорит мне, что я дьявол, кто-то говорит, что я пророк. Но я не собираюсь спорить с вами, я просто играю рок!» - орал Илюха со сцены, и эти слова были для меня больше, чем слова. Ведь и я не собирался спорить. Просто жил так, здесь и сейчас, одним днём, потому что это вставляло, потому что в этом кайф, а без него нет смысла ни в чём. Не подберу красивых эпитетов. Это можно назвать смыслом всего. Ощущение – тебе «хорошо на свете..!» (как у Ильфа и Е.Петрова в «Золотом теленке»). Понимание того, что

¹ «Пилот» (также часто используется написание «ПилОт») — российская рок-группа, образованная в 1997 году Ильёй Кнабенгофом (Илья Чёрт).

нужно просто ловить момент. Делать что нравится. Жить быстро, а умирать молодым – нафиг надо. Хотя это вопрос выбора для каждого, свобода выбора (я за неё) – жить вечно или сдохнуть на следующий день после сэйшна. Берегите тельце, иначе говоря. За себя скажу, что всегда надеялся пережить многих. Рок для меня... да... что для меня рок? Можно поставить тире свободы, большая часть мирка внутри, что размером как небо над моей головой. Без которой, как без флага, я не совсем я, точнее – совсем не я. «Нету дома, нету флага, мама» (5'nizza).

На первую часть сэйшна пилоты вышли в комбинезонах. В течение получаса градус в зале поднялся значительно, и после перерыва ребята поменяли эти штуки на обычные футболки и джинсы, так как даже с балкона было видно, что выкладывались они по полной...

Что ещё добавить после времени? Хочешь быть пилотом – будь им! «Пилот» – это ведь не просто движуха, это состояние души в первую очередь. Не причисляя себя никогда к пилотовской тусе, редко гоняя в своей жёлтой футболке, ментально (как сказал бы Шевчук) я был пилотом всю жизнь. Имею право. Свои мысли, убеждения отставал не хуже прочих. Было время золотое. Разучивал темы, подбирал аккорды на слух. Играли на раздолбанной гитаре в полугопнических пьяных компаниях тагильской общаги «Химию», «Кеды со звёздами», «Тюрьму», «Стаи». Отращивал хаэрок, который для большинства тупых дегенератов педовской общаги выглядел прямым вызовом или личным оскорблением. Но я ушёл от темы. «Пилот» – это состояние души. Отсюда искренность отношений. Цитируя одного чела из инета: Пилоты – очень дружелюбный, веселый народ «бес понтов» (с) aleter

С Леной (aka Шнурковка) мы тогда так и не пересеклись. У неё своя компания – у меня своя, да и забыл я начисто про её номерок. Море позитива, море впечатлений от сэйшна, всё это накрыло с головой, отодвинуло нашу предполагаемую встречу на второй план и неопределённый период времени.

Купил билет на последний ночной автобус из Екатеринбурга, место в середине салона. Сам мокрый, как собака. Скинул футболку, чтоб немного обсохнуть... И только на выезде из города вспомнил про погулянки. «В другой раз, может, – подумал тогда. – Первым делом – самолёты»... Другой раз представился летом, но я забегаю вперёд, наверное...

В аське мы переписывались. Лена проявлялась иногда на разных местных рок-тусовках, мутнила какие-то наполовину свои, наполовину пилотовские темы и доучивалась в школе. А я работал

на ГОКе в ненавистном АХО, надеясь как можно быстрее восстановиться в институке после академа и забыть этот отрезок своей биографии как страшный сон.

Так вот. Со Шнуровкой встретились мы летом 2006-го. В Ебурге тогда стояла просто адова жара, город был весь залит солнцем. Было ощущение, что даже Бивис и Батхед, точнее – Генин и Татищев, огигевали на таком солнцепёке, стоя на своих постаментах, а вечно недовольный, обосранный голубями Свердлов подался всем телом вперёд, дабы сорваться куда-нибудь в ближайший ларёк за бутылкой пива.

Я как раз дня три назад ушёл из дурацкой гоковской шарашки, отработав пару недель после того, как накатал заявление. В общем, настроение улучшилось. Напоследок, грешным делом, внутренне порадовался тому огромному объёму работы: сигналы, плакаты, знаки и прочее, – который должен был свалиться в скорости на голову и хрупкие плечи моей наставницы, Дубины. Бог в помощь. Убедившись, что высшая справедливость всё-таки существует, я рас прощался с АХО и Рудоуправлением навсегда. Благодаря своим скорбным трудам, скопил небольшую сумму. Денег у меня было как раз на покупку полуакустической гитары, давно собирался, и ништяков к ней, т.е. чехла, ремня, тюнера и запасного набора хороших металлических струн.

Высадился на Северном автовокзале и набрал номер Лены. Она сообщила, что в данный момент гуляет в центре и готова со мной встретиться. Договорились пересечься у музыкального магазина на Малышева.

Проблематично бывает время от времени обходиться без штампов. Проскальзывают «собаки». Где штампы, там и читаешь так, бегло, для галочки. Неинтересно автору этого тривиального чтива, а другим людям, считай, тем более. Это же проза. Никонов в «Технике быстрого письма» говорил: «Так вот, я вообще никогда не писал прозу! Никогда! Ну, сами подумайте: он вошёл, она встала, они пришли, дом стоял, небо висело. Никакого пространства, никаких случайностей...».

Типа: поехал в магаз, купил гитару, встретился... А на самом деле всё так и было, но важно не то, что мы встретились. Важны детали, мелочи, которые при другом стечении обстоятельств я даже бы не заметил, и они прошли мимо, не отразились нигде, они, как золотые кручинки, смешались бы с песком времени и исчезли из вида навсегда.

Она ждала, спрятавшись от солнца в тени большого строения, и от того, что здание было большим, а Лена маленькой, она казалась

прямо-таки миниатюрной. Такая пилотовская Дюймовочка. Молоденская девчонка с длинными вьющимися волосами. Красивое лицико. Улыбка мягкая, застенчивая, джокондокская прям. Хотя помпезно это всё звучит, ей богу. Штампы, штампы... Глазки голубые. Ну, как такие забудешь? Не знаю, с чем сравнить, разве что с чистым глубоким Ебургским небом, на котором в тот день не было ни облачка.

Узкие джинсы, кеды... Ничего особенного. Таких девчонок в столице Урала много. Только вот годы прошли, я могу воссоздать картинку полностью, с точностью до мельчайших мазков, а многих, казалось бы, значимых для себя событий попросту не помню. Странная штука.

Не Джером Сэлинджер. Возможно, будь я им, я смог бы передать больше, смог бы лучше рассказать о ней. Эта девчонка похожа на тех, кто при игре в шашки, доходя до края доски, забывает переворачивать пешки. Они никогда не станут дамками, а мы, наверное, никогда не повзрослеем. Будто время остановилось как раз в те дни. «Она изменилась, – твердит внутренний Тори. – Повзросла». Неважно... неважно. В мирке, где живу я с того лета, с тех дней, нет места взрослоти.

Потом мы гуляли. Нас было четверо: кроме меня и Лены, мой братан Антоха и друг Костян. У братухи то ли рано закончились пары, то ли он попросту с них срулил. Последний, как и Антон, учился в Екатеринбурге, только в медакадемии. Между собой они общались, но как-то без особого энтузиазма. Хотя оба умудрились за время обучения поучаствовать в одном и том же безбашенном проекте, имя которому «Четвёртый Час». Проект ещё не существовал. Он только задумывался где-то глубоко в костяновских мозгах, а там сам чёрт ногу сломит, это я знаю совершенно точно.

Зашли в «Гринвич». Скомпоновались на одной из скамеек, я как-то неожиданно даже для себя приобнял Лену, и мы сфоткались. После чего подошёл мордоворот интеллигентного вида, немного напоминающий нынешнюю звезду шансона Сергея Трофимова, и сообщил, что в комплексе фотографировать запрещено. Потом мы долго прыгали по клавишам местной достопримечательности, памятника клавиатуре, набирая разные комбинации букв и цифр, повторяя давно знакомые сочетания кнопок. Лена смеялась. Мне казалось, что знакомы мы лет десять как минимум. Парни шутили, то и дело подстёбывая друг друга...

Вот такой был день. Как-то так получилось, собрались все вместе. И нам было хорошо. Мы все находились в начале какого-то общего жизненного замеса, каждый из нас вписался в него по-своему.

Замес-то был один, а вот пути разные, у каждого свой. Как ещё сказать? Начинали жить. Хотя это не те слова, наверное. Главное, произнесены они сейчас ни с позиции старпёра, который всё потерял в жизни, ни с позиции «ностальгирующего переростка», как бы выразился один мой хороший знакомый металлист, а с позиции того, кто прочувствовал для себя, с позиции человека, пытающегося донести инфу о своём времени. Отрывочную, в виде дневниковой прозы, где-то не дотянув, местами «шершавым языком плаката», но сказать правдиво. А иначе зачем?

С момента нашего знакомства прошло несколько месяцев. Скорее всего, мы бы больше никогда не увиделись. Жили в разных городах, тусили в разных компаниях, но было одно «но». Аська – рассылающее смайлики порождение сил зла, на всё была она. Тут и захочешь забыть друг о друге, а не получится, она не позволит, напомнит миллион раз. Залипнешь в инете, откроешь аську и нет-нет, да напишешь несколько слов старым и новым знакомым. Соцсетей-то не было, точнее – они только появились, про них мало кто знал, а, значит, не было жуткой альтернативы в виде Контакта, всей этой заманухи. Ноябрь или декабрь 2006-го. Я в очередной раз поприветствовал Шнуркову.

- Йоханга, Чува!
- Йохи - йохи! Слышал, у Ильи вышел новый сольный альбом?
- «Уходящее лето». Не только слышал, но и купил уже на кассете.
- Как тебе?
- Честно? Да говно полное. Пожалел потраченных денег, ей богу.
- Ну, зря ты так. Пару хороших песен я выслушала.
- Да уж не знаю. На любителя. Вот предыдущий альбом «Детство» действительно зацепил, один только «Оборотень» чего стоит. Комментарии излишни.
- А я бы не стала сравнивать...
- Так и я не сравниваю, так как сравнивать совсем нечего. Единственное, приводит в замешательство то, что Илюха делает в «Пилоте», и то, что творит сольно – две большие разницы. Не качнуло бы группу в ту же сторону. Если так дело пойдёт, то через год на сэйшн придут порубиться панки, а рубиться будет не под что. Вот это плохо. И тогда вместо рока, вместо какого-то протеста, что ли, на сэйшнах мы будем молиться и читать мантры. Хотя самому Чёрту на моё субъективное мнение глубоко насрать, я думаю, но это так, размышлений вслух. Не обращай этеншн.

2011 год. Октябрь. Залипаю в инете. Паутина, оттого что она мировая, никогда не теряла своего прямого назначения. Залипалово, одним словом. Для большинства этот заменитель реальной жизни

как заменитель сахара – неплохой вариант развития событий, не-плохая пилюля. Диабет же, что тут поделаешь. Этакий тренажёр, симулятор, в котором ты можешь быть любым: сильным, даже если ты слаб; красивым, даже если ты не очень, и просто таким, каким в настоящей жизни быть почему-то не получается. Всё в интернете: флуд, флирт, вирт. Друзей на порядок больше, чем в действительности. Реал не так уж крут, как о нём принято говорить, ведь большинство из нас является насекомыми именно в реале. Работа – дом, работа – дом, этакие муравьи. Другое дело инет. Дневники, сохраняющие минуты жизни; форумы, на которых перетирается всё подряд; чаты, чтобы потрепаться; соцсети. Десятки, сотни, тысячи людей становятся ближе друг к другу посредством инета. Пара-тройка часов счастья, такой наркотик, укол в мозг, мгновение, равное вечности, и от того, что оно заменитель, менее сладким совсем не стало.

Сетевые осьминоги вычисляют наши коды (Мультфильмы). Смотрю, что там пишет пипл. Ну, в основном, по своей теме. И тут, глазам не верю, дневник Лены Шнурочки, заброшенный и забытый на просторах diary.ru, а в нём, среди прочего, немного о том летнем дне.

И мелочи это всё, по большому счёту, но глядя в монитор, на старый пост, я улыбаюсь по-детски, как последний мудак.

«Четверг, 22 ноября 2007 19:12 Vilesik Андрей

Клочки

«Мне кажется, что с ним я тоже познакомилась в чате «Пилота». Надо будет спросить как-нибудь.

Это художник, учился он в Челябинске (путает с Нижним Тагилом), а сам из Качканара.

Помню, что мы с ним решили встретиться. Тогда я вообще с парнями не встречалась, вообще никак. Даже не общалась. И тут мы договорились: ему надо было к нам за гитарой. И вот, когда мы встретились с ним, он меня сначала не узнал, я сама его по-другому представляла. Оказалось, что он немного полненький, рыженький и маленький. Гуляли с ним и его друзьями по городу, по магазинам. Потом фоткались. Где-то у меня даже лежат фотографии. Он меня поздравил с днём рождения – подарил мне сингл пилотовский и вместе с ним прислал фотографии.

Я его видела после этого ещё пару раз: один раз на концерте около УПИ, а потом ещё на «Старом мельнике» или на «Балтике»... Я уже не помню. Но он тогда был с девушкой.

Да. Он ёщё говорил, что нарисовал меня. Обещал прислать работу. Около двух лет обещал, так и не прислал, а потом признался, что она у него не очень вышла. Ну, всякое бывает».

Я знаю, что Лена сейчас отошла от пилотовских тусовок и занимается брейком, что она повзрослела и стала ёщё красивее, чем тогда, в 2006 году, а её добрая улыбка так и осталась прежней, только теперь вижу это на фотках в Контакте!..

Мы общались там же в сети, и я предлагал вписать её на недельку у себя в Питере. Она ответила, что собирается в СПб в ноябре, но только на пару дней, на Red Bull Bc One – мировой чемпионат по брейк-дансу. Его потом перенесли в Москву, но это не так уж важно.

В моём плэйлисте частенько вертится песня «Девочка весна» (Сказка о прыгуне и скользящем). Когда-то давно с этого альбома, с этой песни даже, я начал юзать кассеты Илюхи Чёрта и группы «Пилот». Старые картинки быстро сменяют друг друга, как кадры наполовину осыпавшейся видеоплёнки VHS. Маленькая пилотовская девочка бежит по морским камням, пытается схватить солнце. Что может быть важнее этого? Лена Шнуровка.

Йоханга, подруга!

ОДНАЖДЫ В ПИТЕРЕ...

*Просто каждый из нас едет туда, куда ему хочется,
Просто каждый из нас, видимо, любит своё
одиночество.
(M.A.P.K)*

Это было давно. День, когда я сорвал слюду с подкассетника, нового альбома «Джоконда» группы «Пилот». Тогда я почти дословно запомнил несколько слов Чёрта из пролога: «...но все предпочитают смотреть в её глаза и видеть сны, сны...»

Сны... Они приходят независимо от наших дневных мыслей, иногда предшествуют знаковым для нас событиям, они подсказывают нам жизненные выходы, в них мы общаемся с теми, кого уже нет, с теми, кто находится за тысячи километров от нас, с теми, с кем разделили время и обстоятельства. По большому счёту, неважно, верим мы или нет, просто это так...

Это был странный сон, тот, от которого я проснулся на пару часов раньше обычного. Вещие сны снятся людям под утро, так говорят, и то, что видится перед рассветом, с большой вероятностью произойдёт на самом деле...

Мне приснилась девчонка, с которой не сводил глаз в школе. Я даже спустя годы чувствовал себя перед ней лохом!.. А стоило ли вести себя так? Наверное, нет.. Она всегда была не моего круга. Эта девчонка осталась где-то далеко в моём детстве, где всё было не по-настоящему! И слова, которые я плёл ей тогда; мне кажется, что и сам в них не до конца верил, слишком уж наивно всё выглядело. Мне снилось, что я шёл по карниzu дома, под самой крышей. Такой дом старой постройки, какие бывают в районе станции метро Автово, характерный, наверно, только для СПб. По самый карниз его скрывала вода. Я сделал несколько осторожных шагов и повернулся за угол. На моём пути стояла она, прислонившись к холодной каменной кладке, сложив руки в замок за спиной. Смотрела в пустоту всего этого странного урбанистического сюра.

Она ждала меня, как, наверное, ждут на свидании, такая, какой я запомнил её ещё со школы. Встал напротив неё, близко, на расстояние взгляда. Она заглянула мне прямо в глаза, потом обняла за шею и поцеловала. Наши губы соединились на несколько секунд, и я видел, как закатное солнце скользило по её лицу, играло в её волосах, отражалось в зрачках, не ослепляя нас...

Я думал, что это просто сон, не забыл его, но отбросил на второй план как что-то не нужное, а через пару дней обычным маршрутом топал на метро с работы. Удачный день. В моём пледе играл альбом группы «КОНЦЫ». Я ни о чём не думал. Вошёл в метро на Выборгской, на ходу вытащил из кармана лопатник и, не доставая карточки, провёл им по зёлёной хреновине, лампочка загорелась, я не сбавляя шага, прошёл через турникет и ступил на эскалатор...

В тот же самый момент на другой, также ползущий вниз, эскалатор ступила девушка в синем пальто. Я остановил взгляд на её лице и больше не смог произвести никаких действий, даже забыл шагнуть вправо, чтобы освободить проход стремительно догоняющим по эскалатору другим людям. Это была она. Расстояние длиной в семь лет сократилось до семи метров (может, чуть больше), которые нам оставалось проехать на параллельно движущихся вниз эскалаторах... Момент, похожий на мяч, залетающий по немыслимой траектории, закручивающийся от вратаря в самую девятку, похожий на звучание песни «Напугали весну» тагильской рок-группы «Остальное Наличными», похожий на первую затяжку сигареты с ментоловым шариком в фильтре, на глоток из стеклянной бутылки пива «Каменный цветок», на аккорды настраивающихся гитар первого панк-концерта, на который меня занесло, на холодок глюкозы, разливающийся по венам...

Мужик сзади похлопал по плечу и попросил отойти. Я, наконец, шагнул вправо, и она заметила меня, узнала и радостно-приветственно помахала рукой!.. Крикнул ей: «Привет!» Она жестом показала: мол, встретимся внизу! Кивнул... Эскалаторы медленно ползли вниз!.. Я не видел её семь с половиной лет, с того момента, как окончил школу, а дыхание всё равно участилось до безумия, правую ладонь пронзили тысячи иголок так, как будто я раздавил в ней колбу для внутривенных инъекций. Хрень. Как в тот раз, тот первый и последний раз, когда я признался ей в любви... Чувство неловкости и стыда, чувство собственной наивности, глупости, многое других чувств смешалось и вышло наружу в виде улыбки. Я думал, что наши жизни – это два параллельных эскалатора, которые никогда не пересекутся. И хотя мы находимся в одном и том же городе, в одно и то же время, и даже стоим на параллельно движущихся ступеньках двух одинаковых эскалаторов, нам ни фига не светит. Я не знаю, почему... Наверно, потому, что мы разные. Вот и всё. Мы спустились вниз. Секунду стояли напротив друг друга, а потом обнялись и поцеловались. Мы шли внутрь метро ещё один пролёт и о чём-то говорили, о какой-то ерунде, кто кем работает и где живёт. Мы ещё не знали, что наши поезда едут в разные стороны! И мне не хотелось бы романтизировать ситуацию. Я не умею так писать, любовные романы для чтения в том же питерском метро. Нафиг надо! Мы обменялись телефонами, договорились созвониться и встретиться. Встретимся ли мы? Да никогда...

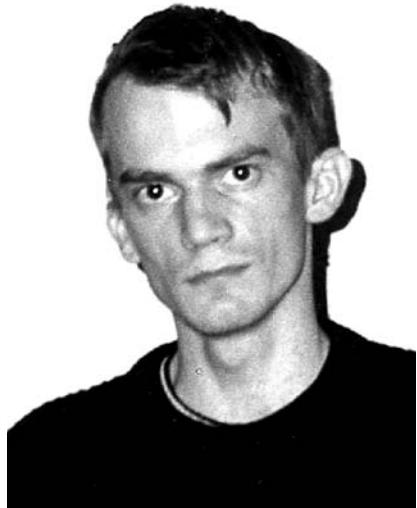
Мы разные, и этим всё сказано, и шансов сыграть эту роль у меня было не больше, чем в тот раз, когда я признался ей в любви. Романтика – ложь. И она не позовонит мне, потому что ей так же всё равно, как и тогда, много лет назад, а я не позовю просто потому, что не позовю. Я женатый человек, с работой в офисе и кучей проблем, мать вашу!..

Времени было часа три ночи... В плэйлисте играла ебургская группа «М.А.Р.К», из колонок звучало: «Одиночество нас обнимает за плечи. Одиночество и неем красит сердца. Одиночество, как пережить этот вечер? Она была рядом, но он не увидел лица». Сказать точнее, чем Андрей Марковский, я, ей-богу, не сумел бы. Сидел за монитором и всматривался в небо ночного Питера: как тут обойтись без романтики, когда это, наверно, она и была, в чистом виде!..

И я не видел ответов на свои вопросы, я видел лишь соседний дом, который по самый карниз скрывало ночной темнотой, и хотел верить, что она, хоть иногда, тоже немного думала обо мне... Потом взял сотовый со стола и удалил номер.

ПЬЕСА

Дмитрий СПИКИН

Этот молодой, рано ушедший из жизни автор работал плодотворно и был гордостью «Лукоморья». Дмитрий писал стихи, повести, пробовал себя в драматургии. Его одноактная комедия «Таракан» была поставлена на качканарской сцене молодежным театром «Эдельвейс» под руководством режиссера Станиславы Казимировны Ульяновой.

ТАРАКАН
Одноактная комедия

Действующие лица.

Пупкин Алексей Алексеевич – колледжский асессор.

Процветаев Иван Максимович – градоначальник.

Соня – его дочь.

Иван – слуга Пупкина.

Маняша – прислуга Процветаевых.

Время и место действия: XIX век, провинциальный городок

Картина 1.

Комната Пупкина.

Пупкин (прихорашивается перед зеркалом). Хорошо... Очень хорошо! Непременно сделаю сегодня признание. В мои годы не иметь любовницы! Как-никак уже двадцать семь (бросается на колени). «Ах, Сонечка, составьте моё счастье, моё счастье! Сжальтесь надо

мною, над несчастной одинокой былинкой, выросшей черт знает в каких краях и гонимой по дороге жизни вихрем, не знающим со- жаления!» (встаёт) Хорошо, очень хорошо! Да и Сонечка весьма хо- роша... прямо-таки майская роза... (поёт с чувством)

*Всегда и везде за тобою
Как призрак я тихо брожу,
И с тайною думою в сердце,
Я в ясные очи гляжу...*

У неё множество прекрасных достоинств, из которых меня, впрочем, интересует только одно. Говорят, отец её даёт уйму при- даного... Впрочем, даже если это и ложь... Всегда можно жениться на какой-нибудь богатой вдове. А пока, будучи молодым ещё че- ловеком, стану срывать цветы удовольствия... Да, кстати вот про цветы. Где-то тут у меня валялась искусственная гвоздика; надо бы приколоть её к петлице... Чёрт, да где же она... Явственно пом- ню, что лежала вот здесь, на туалетном столике... (кричит) Иван! Иван! Чёртова образина! (входит заспанный Иван) Куда ты дел ис-кусственную гвоздику? Она лежала вот здесь.

Иван. Не видел, барин. Да на что она мне годна?

Пупкин. Не ври! Отнёс, видать, ненаглядной своей Маняшке! В каком виде теперь прикажешь показаться мне перед дамой?

Иван. Да не трогал я ничего. Знать бы хоть, как она, эта штука, выглядит...

Пупкин (заметив цветок под столом). Ну и чёрт с тобой! Украл, так украл, мошенник. Вычту из твоего жалованья! Пошел вон, не- чего тут торчать! (Иван понуро уходит. Пупкин подбирает гвозди- ку, обдувает её и вкальвает в петлицу) Так... ещё немного духов... (поёт)

*...и с тайною думою в сердце,
Я в ясные очи гляжу...
Полны они неги и ласки,
Они так приветно горят...
Ах, сколько любви, сколько ласки,
Они мне порою сулят...*

(величественно удаляется)

Затемнение.

Картина 2.

Комната в доме Процветаевых. Соня раскладывает карты.

Соня. Обаятельный молодой человек, этот Пупкин!.. Такой ми- лый!.. Ах, если б он зашёл сегодня... Говорят, у него абсолютно нет

состояния... Ну и что ж! Я ведь не собираюсь за него замуж! А пофлиртовать – отчего бы и нет! В нашей провинции такая скучаща... Замуж я выйти ещё успею. С моим-то приданым! Вон даже губернатор на меня поглядывает... более чем благосклонно... (входит Маняша)

Маняша. Барышня, к вам коллеж... кожельский асессор Пупкин.

Соня. Непременно проси, немедля! (*Маняша уходит. Появляется Пупкин*)

Пупкин (*целуя руку*). Без всякой доступной меры рад видеть вас, Софья Ивановна!

Соня. Вполне взаимно, Алексей Алексеевич. Что же вы стоите? Садитесь!

Пупкин (*садится, паузу*). Простите, что я вот так... без всякой цели... Проходил мимо, дай, думаю, зайду...

Соня. И сделали мне большую радость своим присутствием.

Пупкин (*после затянувшейся паузы*). Были ли вы вчера на театре?

Соня. Ах, не пришлось! Хотела было пойти, да батюшка утащил меня к тётке на именины. А эта тётка – старая дура. Ну, разве можно у неё почерпнуть хоть пару глубоких мыслей? Расскажите же, что давали?

Пупкин. Право, вы нисколько не потеряли оттого, что не были там. Давали комедию какого-то нового столичного автора Грибоедова.

Соня. Как, как? Грибо-едова? Любопытно.

Пупкин (*тоном превосходства*). Пустая вещь. «Горе от ума» называется. На самом деле всё слизано с мольеровского «Мизантропа». Если б знал, то из-за одной фамилии автора не пошёл бы туда. С такой фамилией надо не комедии сочинять, а просто сидеть дома и кушать грибы.

Соня (*притворно смеётся*). Ах, право, как остроумно!.. Кушать грибы!.. Однако, что ж мы так просто сидим?.. Я прикажу, чтобы нам приготовили кофе. Вы же не откажетесь от чашечки кофе?

Пупкин. О, разумеется! (*Соня выходит*) Как удачно я ввернул выражение одного критика о «Мизантропе» вчера на разъезде! Блеснул, так сказать, умом!

Соня (*входя*). Кофе сейчас подадут.

Пупкин. Что вы! Я совсем не спешу... Или может быть...

Соня. Нет-нет! Не беспокойтесь! Вы совсем мне не надоели... Напротив, ваше общество – самое приятное из всех, какие я знала!

Пупкин. Весьма польщён. И могу лишь сказать одно – что чувство это взаимно.

Маняша вносит поднос с кофейником и чашками и уходит. Пупкин разливает кофе по чашкам. Молча пьют.

Соня. Представьте себе, недавно мне пришлось слышать утверждение, будто слово «кофе» мужского рода. И теперь я нахожусь в затруднительном положении. Помогите мне разобраться.

Пупкин. Довольно странное утверждение. Зачем же люди любят всё усложнять? Ведь слово «кофе» кончается на букву «е». Значит, оно среднего рода.

Соня. Признаться, и я сразу так же подумала. Что за глупые бредни? Этак мы и про солнце станем говорить «он», а про окно – «она». Действительно, люди склонны коверкать всё, особенно нозизну.

Пупкин. И какой блестящий ум должна содержать головка женщины, чтобы так потрясающе разбираться в подобных вопросах!

Соня. Да, признаюсь, я с детства отличалась холодным мужским умом. Но сердце...сердце у меня всегда было истинно женским, способным любить и быть преданным бесконечно!

Пупкин (*подливает обоим кофе*). Знаете ли, Софья Ивановна... вот вы сейчас сказали о сердце... Конечно, это без каких-нибудь там... ну, в общем... (*апарт*) Чёрт! И отчего я не подготовил речь! (*вслух*) Мне кажется, Софья Ивановна, что я отлично вас понимаю. Моё сердце тоже способно любить... А жизнь моя – как некоторая былинка, гонимая безжалостным ветром... Мне кажется, что вы очень много страдали в жизни.

Соня. Ах, вы действительно меня понимаете!

Пупкин. Надеюсь, что это так. И вот... если два одиноких, пострадавших в сей жизни сердца встречаются однажды, начинают понимать друг друга... (*подносит чашку ко рту, вдруг застывает*.)

Соня. Так что вы хотели сказать?

Пупкин. Таракан!

Соня. Таракан? При чём здесь таракан?

Пупкин (*возмущён*). При том, что он плавает в моей чашке! (*пазза*) Что?! Что это такое, объясните мне, наконец! Надо мной насмехаются в этом доме!?

Соня. Помилуйте, Алексей Алексеевич, что за странные мысли? Маняша не доглядела... Ведь это же не смертельно.

Пупкин. Но каким образом таракан попал в мою чашку?

Соня. Очевидно, он был в кофейнике. Чего вы так всполошились? Успокойтесь.

Пупкин. Но ведь это же таракан! Членистоногое насекомое! Да ведь я же мог его проглотить! О боже!.. Мне дурно делается при

одной только мысли об этом!.. Как! Как я мог прийти в этот дом, где гостей угощают на завтрак тараканами!

Соня. Успокойтесь же, сейчас мы поменяем вам чашку...

Пупкин. Нет уж! Спасибо! Попил я вашего кофе! Вы мне поменяете чашку, а что будет плавать в ней? Два таракана? Или целый легион?.. Вы думаете, что ежели ваш отец богат, то можно подшучивать над людьми? Подсовывать им тараканов? И все будут смеяться в угоду вам? Ну уж нет! Прочь, прочь из этого дома!

Соня (холодно). Можно подумать, что я стану удерживать вас со слезами на глазах.

Голос Процветаева: «Маняшка! Маняшка! Водки!»

Соня. Сюда идёт отец. Постарайтесь при нём быть сдержанней, а потом катитесь куда угодно. Вы мне противны! (входит Процветаев) С добрым утром, папа!

Процветаев. Здравствуй, здравствуй, дочка. О, да у нас гость с утра! Маняшка! Уснула, что ли?.. Как поживаете, господин Пупкин?

Пупкин. Трудимся потихоньку на благо отечества.

Процветаев. Благое, благое дело! (*Маняша подаёт на подносе рюмку водки и уходит*). А я, как видите, не пью кофе. По утрам я люблю выпить одну рюмку водки, а чуть позже плотно покушать... Но пусть это вас не смущает (*выпивает, закусывает*). А то взяли моду на иностранное: разные там кофе... Вот и дочь моя, дура...

Соня. Папа!

Процветаев. Молчи! Вот заказала моя дочь платье из-за границы. Я угрожал на него полсостояния, и что же? Прислали – тряпьё и только. Да я тебе из русской материи сошью в десять раз лучше наряд. Ну к чему тебе обязательно французское, скажи на милость!

Соня. Молчите, папа, вы в этих вопросах не понимаете!

Процветаев. Ох! Ох! Ох! Да твоему французскому наряду самое место на огородном чучеле! Балую я её, балую, Алексей Алексеевич! Единственная ведь она у меня... (*поёт*)

*Могу сказать я беспристрастно,
Сплошная прелесть дочь моя!
Умна, воспитана прекрасно.
Собою ж ангел – вся в меня!*

Так вот, Алексей Алексеевич, собираюсь я выдать Софьюшку замуж. Довольно ей разорять отца на французские тряпки. Не тащить же мне деньги из городской казны! Какой же я тогда буду градоначальник! Вот пусть муж и ублажает её. Вот сегодня же объявлю, что даю за дочерью приданое – обширное имение под Москвой и сто тысяч рублей ассигнациями...

Пупкин (апартом). Господи! Упаду! Ей-богу, грохнусь сейчас со стула!

Процветаев. Что же вы, сударь мой, не пьёте кофе? Оно у вас, по-жалуй, остыло... *(всмогрелся)* Батюшки! Да у вас же там таракан!.. Маняшка!.. Не беспокойтесь, сейчас заменим!

Пупкин. Нет, что вы, Иван Максимович! Какая, ей-богу, глупость... Таракан – это так, ерунда...

Процветаев. Однако ж мне обидно, что в моём доме гостям по-дают тараканов. Маняшка!

Пупкин. Не беспокойтесь, я постараюсь, чтобы он каким-нибудь образом не попал мне в рот. Проблемы здесь вовсе нет! *(входит Маняша)*

Процветаев. Как же ты допустила, негодная, чтоб в кофейник нападало тараканов? Зачем позоришь меня перед гостем?

Маняша. Простите, барин, не знала я...

Процветаев. Нет, знала, знала, негодница! Поди ещё специально для такого события ловила их в кладовке!..

Маняша. Да я и видеть-то их боюсь, барин!

Процветаев. Боится она! Да как же случилась такая оказия? Ну! Быстро замени гостю чашку. Ступай! *(Маняша уходит, взяв чашку)*

Пупкин. Право, Иван Максимович, не стоило так расстраиваться...

Процветаев. Да как же это не стоило? Не допущу, чтобы моих гостей обижали *(смотрит на карманные часы)*. О, время! Надо бы сходить к заутрене. Оставляю вас. Побеседуйте *(кланяется и удаляется)*.

Пупкин. Будьте здоровы, Иван Максимыч!

Процветаев. И вам того же, сударь вы мой. *(Маняша вносит чашку и уходит)*

Пупкин. Я надеюсь, Софья Ивановна, что всё то, что я говорил тут не столь давно... что вы оценили эту остроумную шутку?

Соня. Шутку?! В ваших словах не было ни капли весёлости. Вы хотели покинуть наш дом? Прощайте же! *(встала)*

Пупкин. Как? Неужели вы не поняли, что я пошутил? Софья Ивановна, не огорчайте меня! Я впредь так больше не буду! Да когда бы я знал, что вы не оцените эту шутку, разве б я осмелился на такое? Я так... увидел вот таракана в чашке, дай, думаю, пошучу. Неудобно было как-то прямо попросить вас поменять чашку... Ведь таракан – это пустяк...

Соня. Странное у вас чувство юмора.

Пупкин. Что ж делать... вот такой уж я человек... Хотелось как-то так... разрядить обстановку. Мне показалось, что вам становится скучно в моём обществе... Ну и вот... решил пошутить. А тут и

случай как раз – таракан в кофейнике. Если бы я знал, что вам будет не смешно... Чем же мне заслужить прощение? Хотите ли, встану сейчас на колени? Хотите ли – утоплюсь в пруду?

Соня. Я ещё подумаю над вашим проступком. Возможно, я прощу вас. Со временем...

Пупкин. О, ослепительный луч надежды! Вы возвращаете мне жизнь!

Маняша (входя). Барышня! К вам Анна Сергеевна Подберёзкина.

Соня. Это моя подруга! Алексей Алексеевич...

Пупкин. Понимаю. Оставляю вас в более приятном обществе. Ухожу, ухожу...

Соня. Извините... Женские секреты и всё такое... Впрочем, если хотите – останьтесь. Ведь я вас не гоню...

Пупкин. Как можно, уважаемая Софья Ивановна! Как можно! Проникать в чужие секреты...

Соня. Тогда вот что: послезавтра у нас будет званый обед. Вы тогда приходите к нам. Отец будет рад вас видеть. Он, я думаю, пошлёт вам приглашение.

Пупкин. Непременно, непременно приду! Прощайте, Софья Ивановна!

Соня. Прощайте, Алексей Алексеевич! (протягивает руку для поцелуя. Пупкин уходит). Зови. (Маняша уходит) Что ж, будем надеяться, что Пупкин впрямь пошутил. Во всяком случае в глазах была такая решимость, когда он говорил о прощении. Думаю, если бы я действительно приказала ему утопиться, его сейчас уже вылавливали бы баграми из пруда... Кажется, он влюблён в меня по уши. Ну, конечно, что же я, совсем слепая! Он был искренен! Уж кто-то, а я вижу людей насквозь... Видимо, мой отец собирается отдать меня за него? Вот уж не знаю, стоит ли. Впрочем, я его ещё немножко помучаю... до послезавтра... А там посмотрим, может, у нас с ним будет роман. Но если я соглашусь выйти за него, то только с одним условием: пусть он продаст имение и купит нам дом в Париже!

Затемнение.

Картина 3.

Пупкин выходит из дверей в зрительный зал, на ходу произнося монолог, поднимается на сцену.

Пупкин. Чёрт меня побери! Дурак, полнейший дурак! Из-за какого-то таракана чуть было не завалил всё дело!.. Правда, я только хотел завести с нею роман... Нет! Жениться!.. Непременно

жениться! Сто тысяч приданого! Боже, да я умру, скончаясь сейчас от счастья! Но какой же я, однако, дурак!... Свет не видывал ещё таких дураков! Едва удалось спасти весьма удачное предприятие... Что же делать?.. Не люблю, грешный, никаких насекомых, особенно дохлых... Но сто тысяч! Сто тысяч!.. Да насыпьте мне их полный кофейник, я их скушаю без соли... Господи!.. Голова... голова-то как кружится, того и гляди отпадёт... Ведь её отцу я понравился... Вот уж истинно русский медведь!.. И кто посадил мужика, крестьянина управлять городом! Ведь этак и государство полетит к чёртовой матери. Может, мы будем на правах крепостных?.. Да будь он хоть трижды лапотник, мне теперь перед ним плясать надо... А далее – пусть отправляется к чёрту! Пусть хоть под забором подыхает на старости лет... А сейчас... Вот что я сделаю: зайду в лавку, куплю какой-нибудь сувенирчик и отошлю ей... Что бы ей такого купить... А куплю-ка кофейник! Прекрасная мысль! Ведь не на то же мне голова дана, чтобы только носить шляпу... Отшлю ей новый кофейник, как намёк на это недоразумение, эту шутку. Сопровожу объяснительным письмом. Она, надеюсь, от души посмеётся... Она, похоже, влюблена в меня по уши... Не может не простить... нет, не может!.. Господи, как голова кружится... и имение, и сто тысяч, и – уж коли папа градоначальник – постоянное повышение в чинах! Господи, хорошо-то как!.. Уж истинно – человек создан для счастья! (танцует, затем, танцуя, исчезает за кулисы).

Картина 4.

Комната Пупкина. Иван и Маняша сидят на диване, обнимаются.

Маняша. Послушай, побегу я, Иван. Ведь меня послали в лавку за солью, а я там ещё и не была.

Иван. Да дам я тебе соли, сколько хочешь...

Маняша. Нет уж, я побегу. Господа не любят, когда я долго задерживаюсь.

Иван. Останься, Маняша, ну останься же!

Маняша. Нет же, мне ещё надо выйти от тебя чёрным ходом и идти переулком, а это дальше до дому. Это надо, чтоб не заметили, не то поползут слухи... Да и барин твой неровен час застанет нас тут...

Иван. Да зачем ему приходить так рано...

Маняша. А знаешь, Иван, твой барин, наверное, женится на нашей барышне...

Иван. Вот ещё! С чего бы ему жениться? Ему холостяцкая жизнь мила!

Маняша. Да уж точно говорю тебе, женится. Сегодня утром к барышне приходила подруга, и я слышала кое-что из их разговора.

Иван. И чего же ты слышала?

Маняша. А то, что твой барин нравится нашей барышне, а сам он уж очень в неё влюблён.

Иван. Вот те раз... Ну что же, может, и женится. (голос Пупкина: Иван!)

Маняша. Ох! Побегу я, Иван... Мы с тобой завтра увидимся!

Иван. Беги через чёрный ход! (Голос Пупкина: «Иван! Куда ты запропастился?») Вот орёт! Горла, что ли, не жалко? (начинает демонстративно сметать пыль).

Пупкин (быстро входит). Подай сюртук, черепаха! (ставит кофейник на туалетный столик. Иван вносит сюртук, помогает барину надеть) Вот что. Я сейчас ухожу к Парамоновым, там сегодня ужин с шампанским и карты... Впрочем, тебя это не касается... А ты пойди сейчас к Процветаевым, отдаи кофейник и вот это письмо лично в руки Софье Ивановне... Скажи: от барина. Ты понял?

Иван. Слушаю-с. Сделаем всё, как сказали.

Пупкин. Да не вздумай напиваться или заснуть до моего прихода! Ну всё...

Хотя уж мне не двадцать лет –

Всегда играю бойко, славно!

Везде со мною сладу нет:

Всех обыграю преисправно... Тра-ля-ля-ля... (уходит напевая)

Иван. Виши ты! Весёлый... значит, правда, женится... (выходит, быстро возвращается, приносит с кухни два кофейника) И какой же тут взять? Этот, что ли?.. Да нет, из этого он и сам пьёт... и не объясним толком ... поди, вот этот?.. И на что господам такой кофейник? (разглядывает кофейник со сломанной ручкой) Да разве поймёшь их причуды?.. Хоть пыль немного обтереть. И на что бы им сгодился?.. Впрочем, в письме-то, видать, всё сказано. Наше дело – доставить... Начнёшь задумываться – пропадёшь вовсе. Благодарение господу и отцу-батюшке, что азбуке-то меня не вразумили... Ну, с богом! (перекрестился, взял письмо, кофейник и вышел)

Картина 5.

Снова в доме Процветаевых.

Процветаев (складывая газету). А что, Сонечка, нравится ли тебе господин Пупкин? По-моему, он человек неглупый.

Соня. Я не понимаю вас, папа.

Процветаев. Да-а, человек неглупый и довольно обаятельный. К тому же коллежский асессор.

Соня. Я не понимаю, о чём вы.

Процветаев. Оставь! Всё ты хорошо понимаешь. Не послать ли ему приглашение?

Соня. Это как вам будет угодно.

Процветаев. Да я же спрашиваю твоего совета. Хотела бы ты видеть его у нас?

Соня. Всё зависит только от вас!

Процветаев. Тогда решено: я не только приглашу его, а прямо так и скажу: хочешь, мол, видеть мою дочь своей супругой?.. Ну, не послезавтра, конечно... Пусть сначала походит к нам, посмотрим, каков он, поближе...

Соня. Ах, папа, если откровенно – он мне очень понравился...

Процветаев. Наконец-то! Ну так что же? Пошла бы ты за него замуж?

Соня. Да! Да! Да!... Полетела бы на крыльях любви!

Процветаев. Ай да дочка! Послушная, умная, не идёт против воли отца! Весьма похвально!.. А я вот так возьму да и выпишу тебе из Парижа лучшие наряды, какие носит ихняя знать...

Соня (*в восторге обнимает отца*). Ах, папочка! Ты душка! (*входит Маняша*)

Маняша. Пришёл Иван, человек господина Пупкина.

Соня. Зови! Немедля зови! (*Маняша выходит, входит Иван с подарками*)

Иван. Желаю здоровья. Барин мой велел вручить вот этот кофейник Софье Ивановне лично в руки... И ещё вот это письмо.

Соня (*ошарашена*). Вот этот кофейник?.. О!.. Он велел подождать ответа?

Иван. Нет. Ничего такого не говорил.

Соня. Ну что ж... Иди.

Иван. Доброго здоровья (*кланяется, уходит*).

Соня. Папа! Я ничего не понимаю... Какой-то старый кофейник... грязный, пыльный... да и ручка отколота... (*заглядывает*) А внутри паутина...

Процветаев. А ну-ка, дай сюда письмо. (*Соня в растерянности передаёт письмо. Он читает*.) «Уважаемая Софья Ивановна!» И на том спасибо. «Будучи в жестоких терзаниях из-за нашей ссоры»... Это ещё что за ссора?

Соня. Я тебе потом объясню.

Процветаев. «...нашей ссоры, стремлюсь загладить свою вину... Действительно, что такое в самом деле какой-то там таракан? Пустяк, смешная безделица»... Я так понимаю, что таракан для него – безделица, и он решил прислать нам старый кофейник, набитый

паутиной? Однако! «Чтобы загладить сие недоразумение, я посылаю вам небольшой сувенир в подарок. Упаси вас господь принять этот скромный дар за напоминание, будто бы я решил посмеяться над вами, посылая вам чистый кофейник взамен набитого тараканами»... Да что же это? Да он смеётся над нами!.. А я принимал его за порядочного... Ну что там дальше... «Отнюдь нет! Но пусть эта вещица послужит вам напоминанием о том, что приключение, случившееся с нами за завтраком – всего лишь шутка... И если нас поссорил какой-то кофейник, предмет, недостойный внимания, то пусть он же нас и примирит... Ах, Софья Ивановна! Если бы вы знали, как тяжело мне теперь! Я страдаю и думаю только о смерти. Как исправить эту ошибку, которую я допустил по незнанию? Простите меня, Софья Ивановна! Надеюсь, что эта вещичка украсит вашу милую комнату...» Ах, негодяй! «Сделана она, кстати, во Франции, столь любимой вами стране... Посмотрите, какая изысканная работа! Как искусно отделана ручка! Только художник, понимающий в своём деле, мог так постараться... Впрочем, не стану утомлять вас длинным письмом. Вы, наверное, до сих пор гневаетесь на меня. Ах, смените гнев на милость! На этом прощаюсь с вами в надежде увидеть вас послезавтра...» Ишь, куда разбежался, наглец!.. «Передайте низкий земной поклон вашему батюшке Ивану Максимовичу. Как мудро и велико то правительство, которое ставит в управление городом столь мудрых чиновников! Да будет душа его до конца дней наполнена красотою и чистотою, как этот кофейник!» ...Ах, подлец! Так оскорбить! Неслыханно! Какая дерзость! Ах, разбойник!.. (пауза) Что же это? Не объяснишь ли ты? Плачь, плачь, дурочка! Ну я ему задам! Маняшка! Маняшка! (она входит) Знаешь ли ты Пупкина, от которого приходил сейчас человек?

Маняша. Как же-с, сегодня утром здесь были...

Процветаев. Вот-вот, он самый и есть. Скажи там дворне: барин, мол, велит, когда появится здесь этот самый Пупкин, спустить на него собак!

Маняша (изумлена). Слушаюсь... (уходит)

Затемнение.

Картина 6.

Комната Пупкина. Ночь. Он входит, зажигает свечу.

Пупкин. Продулся. Как есть продулся. Всю наличность просадил... Чтобы я ещё пошёл к Парамонову! Да он шулер! Я на него заявлю... Шулер, шулер! Иначе и быть не может!.. Ничего, скоро я ста-

ну зятем градоначальника. Я его засажу в тюрьму! Я докажу, что он шулер, нечестный игрок... А это что?! Это же коробка с моим кофейником! А письмо?.. (*ищет*) Письма нет! (*мечется в поисках*) Ничего не понимаю! Иван! (*входит Иван*) Ты что, скотина, наделал? Где письмо?

Иван. Отнёс, как вы велели.

Пупкин. А кофейник почему не отнёс?

Иван. Я отнёс и кофейник.

Пупкин. Какой ты отнёс кофейник?

Иван. Тот, что был на кухне, с отбитой ручкой!

Пупкин (*в бешенстве.*) О! О! О! Скотина! Скотина! (*бьёт Ивана*)

Иван. За что вы меня бьёте? Я ведь всё исполнил, как вы велели!

Пупкин. Дурак! Бестолочь! Вот он, кофейник, в коробке! О! О! Что же ты наделал?.. Стой здесь, образина!

Иван. Стою.

Пупкин (*пишет письмо, одновременно продолжает выкрикивать проклятия*). Вот письмо с извинениями, с этой коробкой – прямо сейчас к Процветаевым... Принесёшь ответ.

Иван (*робко*). Ночь на дворе.

Пупкин. Порассуждай ещё!.. Чтоб через двадцать минут вернулся! (*Иван уходит*)

Затемнение.

Картина 7.

Прихожая Процветаевых. Стук в дверь.

Маняша (*выходит со свечой, полуодета, на плечах платок*). Ты что, с ума сошёл? В такую пору!

Иван (*входя*). Прости, ненаглядная... Барин спит?

Маняша. Конечно, спит... Все добрые люди спят... А тебе чего?

Иван. Так давай... разбуди его... и барышню.

Маняша. Да ты что, с колокольни свалился? Пьяный, что ль?

Иван. Надо, надо... Мне срочно велено...

На шум голосов выходит Процветаев в шлафроке и ночном колпаке.

Процветаев. А, это снова ты! Ну, что там, на этот раз?

Иван. Велено передать вам эту коробочку с прилагающимся письмом.

Процветаев. Как? Опять?.. И на этот раз среди ночи? Нет, он уж совсем обнаглел. Может, ты знаешь, что там, в этой коробочке?

Иван. Думаю, что кофейник...

Процветаев. Ах, ты, негодяй!.. И ты с барином заодно? (обрушивает град ударов на Ивана) А ну, убирайся отсюда прочь! Чтоб духу твоего здесь не было! А если ты или барин твой здесь появитесь, велю собак спустить! ...Так и передай! Ну, живо! (снова даёт подзатыльник. Иван убегает, Маняша в голос рыдает). А ты чего ревешь?

Маняша (сквозь слёзы). Ванюшку жалко!

Процветаев. Час от часу не легче! (берёт у неё свечу, оба уходят)

Затемнение.

Картина 8.

В доме Процветаевых. Месяц спустя. Соня пьёт кофе. Отец, выпив рюмку водки, углубился в газету.

Процветаев ((опорожнив рюмку, закусив). Ну-с, как там вчерашний бал у губернатора? Бесконечные мазурки, пересуды... Как всегда, дамы блистали туалетами, перемывали косточки ближним...

Соня. Ах, папа, вы ужасный брюзга, всё вам немило... А небось, лет тридцать назад вы не осуждали балы! Совсем напротив! Вы были большой повеса, кружили головы девицам направо и налево! Признайтесь!

Процветаев (молодцевато приосанился, подкрутил усы). Было, было, дочка! Что греха таить! Да годы берут своё... Но речь не обо мне. Как губернатор-то? Каков?

Соня. Ах, он не отходил от меня весь вечер, предупреждал все мои желания, наговорил массу любезностей и шепнул о своих серьёзных намерениях... Ах, как всё было прекрасно! Мы не пропустили ни одного танца!.. У меня от удовольствия кружилась голова... К тому же я всех затмила своим туалетом!..

Процветаев. Ну, расщебеталась пташка... Однако я рад за тебя. Я уже краем уха слышал о серьёзных намерениях губернатора... Так что... (Маняша подаёт на подносе свежую газету) Ну-ка, ну-ка, что там пишут... (надевает очки, углубляется в газету)

Соня. Что там может быть интересного... Обычные сплетни... (с удовольствием заедает кофе пирожным).

Процветаев. О-о! Вот так известие! Ты только послушай, Сонечка! (читает) «На днях в сумасшедший дом привезли разорившегося карточного игрока, бывшего колледжского асессора Пупкина»... Ты помнишь, месяц назад? Ну, тот самый, что причинил нам обиду?

Соня. Не может быть! Не могу представить... Всё твердил: шутка, шутка и вдруг... Сошёл с ума! И что дальше?

Процветаев. Дальше... А дальше вот что: «Пупкин отчего-то представляет себя тараканом». Подумать только!.. «Ползает по полу, как ребёнок, и пытается шевелить усами... Завидев кого-то из медицинского персонала, с большой прытью убегает на четвереньках, дабы не быть раздавленным... Пищу принимает только с полу...»

Соня. Да, жуткая история... Мне его жаль... Ведь такой был ми-лый, обходительный молодой человек. Однако, что ж вы до сих пор не одеты?

Вбегает взволнованная Маняша.

Маняша. Барин! Барышня! Сваты приехали от губернатора! Что делать?

Процветаев. Как «что делать»? Накрывай стол! Пойдём, дочка, подготовимся к встрече гостей! *(быстро уходят).*

Полный свет, на сцену выходят все участники спектакля.

Все. Красавице невесте устроим торжество.
Она у нас, без лести, прямое божество.
К ней все сердца пылают, богатство ей к лицу,
Жених уже готовый вести её к венцу.

Процветаев. Каков сегодня наш успех?

Пупкин. Об этом, верно, будут споры.

Все. Затем, что никогда на всех
Не могут угодить актёры.

Занавес.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Михаил Медведев

10 октября 2012 года Михаил Медведев ушёл из жизни. Геолог и педагог по образованию, журналист по профессии, путешественник по призванию, он оставил заметный след в качканарской журналистике. Его многочисленные публикации в газетах, журналах, альманахах и книгах всегда находили резонанс у читателей. Среди разрабатываемых им направлений видное место занимало краеведение. В первом выпуске альманаха «Качканарские грани» был опубликован его материал «Забытый Качканар».

АЛМАЗНЫЙ КРАЙ

Легенду о том, что первый в России алмаз найден на горе Качканар, я слышал еще в детстве. Конечно, любой геолог скажет, что случайное обнаружение алмазов в коренных породах, даже если бы они действительно там были, – сущая нелепица, подобного нельзя представить даже теоретически. Скорее всего, сказка возникла благодаря одному из многочисленных «компиляторов», строчившего очерки по истории Качканара и не видевшего разницы между понятиями «гора Качканар» и «район горы Качканар». Ну а последующие поколения очеркистов просто-напросто передирали экзотический факт, дабы предать своим творениям вкус и объемность.

В очередной раз легенда всплыла в конце 2011 года, когда в Качканаре началось обсуждение бренда города: в нескольких письмах в редакцию читатели опять вспоминали «первый алмаз». Вот тогда и возникла идея отыскать-таки конкретное место, где был найден драгоценный российский первенец, хотя уверенности в успехе предприятия не было никакого. Это место называется Алмазный ключ, расположенный на окраине поселка Промысла Горнозаводского района Пермского края, примерно в 18 километрах от горы Качканар. Здесь, в этом районе, вдоль долины реки Койва и на ее

притоках советскими геологами были обнаружены десятки алмазных россыпей, разрабатывавшихся в годы войны и в первые послевоенные годы. На берегах Койвы немыми памятниками сурогатного прошлого застыли руины алмазных обогатительных фабрик и разрушенные временем бараки заключенных, строивших эти фабрики. Разрезы, или, по местному, карьеры, из которых бралась для промывки алмазоносная порода, теперь заполнены водой и превратились в живописные пруды. Еще живы и ветераны, работавшие на алмазных приисках, хотя их остались единицы. По сей день живут, перебиваясь с хлеба на воду, и поселения, обслуживавшие прииски, главное из которых – поселок Медведка. С него и начнем рассказ. Но сначала – экскурс в историю.

Первый алмаз не был случайной находкой

Предположение о возможности нахождения алмазов в России было высказано М. В. Ломоносовым в 1763 году задолго до фактического открытия алмазов на Урале. В 1819 году, когда на золотых приисках Урала обнаружили шлиховую платину, было отмечено сходство россыпей с бразильскими, из которых добывались и алмазы. Вот почему в 1824 году начальник Гороблагодатских заводов Н. Р. Мамышев дал распоряжение о поиске алмазов в золотоплатиновых россыпях. Позднее он писал: «Угрюмый Урал... сделался данником могущественной России, а в последнее время ее арсеналом

и сокровищницею... Платина найдена, зачем отчаиваться в отыскании алмазов? Минеральное царство уральское... весьма сходствует с американским, эта мысль давно занимала меня...»

5 июля 1829 года, в окрестностях современного поселка Промысла, при вторичной промывке золотоносных песков на алмазы Павлом Поповым, 14-летним промывальщиком из крепостных, был найден камень, отличающийся от других. Минералог Ф. Шмидт, служивший у владельцев прииска управляющим, определил в нем алмаз. Это был первый российский алмаз. За полукаратный кристалл Павел получил вольную. Шмидт, поднаторевший в науках о драгоценных камнях, приказал усиленно искать в золотоносных россыпях прозрачные камешки. Вскоре в том же месте, называемом сейчас Алмазный Ключ, было найдено еще два кристалла. Первые алмазы весили 105, 132 и 253 мг, или в сумме около 2,5 карата.

В это время путешествие по России совершил известный немецкий естествоиспытатель барон Александр Гумбольдт. Гумбольдт ранее уже высказывал мысль о вероятности нахождения алмазов на Урале. На приеме при Русском дворе перед своей поездкой А. Гумбольдт сказал государыне, что он постарается «не покинуть русской почвы до тех пор, пока в ней не будут найдены алмазы». По приезде на Урал Гумбольдту по указу владелицы прииска был подарен один из найденных кристаллов. Ему же было вверено доставить в Петербург и вручить императрице Александре Федоровне первый алмаз, найденный в России.

До 1917 года на Урале (район пос. Промысла, россыпи в Гороблагодатском округе, дачи Серебрянского и Невьянского заводов, золотоносные прииски Южного Урала) в общей сложности было найдено до 240 алмазов. Это были редкие по красоте и чистоте ювелирные камни весом от 1 до 2,5 карата. Только на Крестовоздвиженских промыслах в 1829-1858 годах был обнаружен 131 алмаз общим весом 60 карат.

Основы заложены на Койве

Но до появления алмазной промышленности было еще очень далеко. До середины 1930-х годов даже ведущие геологи Советского Союза категорически отвергали возможность найти отечественные месторождения алмазов. Алмазы – стратегическое сырье для оборонной промышленности – СССР покупал в Южной Африке.

Начало организации поисков алмазов в России следует относить к середине 1937 года, когда Советское правительство приняло специальное постановление о проведении широкого комплекса работ по поиску алмазов на западном склоне Урала. Причина тому

– наложение странами-экспортерами эмбарго на ввоз в СССР всех абразивных материалов, особенно алмазов. Из-за невозможности страны импортировать алмазы в канун второй мировой войны оборонная промышленность оказалась в тяжелейшем положении. Промышленные предприятия даже были вынуждены скопить драгоценности у населения, чтобы изготовить нужный резец. А некоторые оборонные заводы уже в дни войны простоявали из-за отсутствия алмазного сырья.

Поиски решено было начать в промышленно освоенных районах Урала, где еще в XIX веке обнаружили алмазы, – в бассейне реки Койвы на западном склоне Среднего Урала. В 1938 г. при Геолкоме было создано алмазное бюро, в апреле этого же года геологические партии приступили к поискам, а в августе 1940 года была создана Уральская алмазная экспедиция.

Первые продуктивные россыпи были открыты к началу 1941 года, а уже в 1942 году с Койвы на оборонные заводы начали поступать так необходимые им алмазы. В 1946 году было организовано Уральское управление по добыче алмазов ряда разведанных месторождений. В этом же году постановлением Совета Министров СССР создано самостоятельное предприятие «Уралалмаз» – первое в Советском Союзе, добывающее алмазы. Всего в системе управления «Уралалмаз» было создано пять приисков и, соответственно, построено пять обогатительных алмазных фабрик. До 1951 года алмазы добывались из россыпей гидравлическим способом, когда алмазосодержащие пески транспортировали на фабрики. А в 1951-м впервые в мировой практике началась эксплуатация алмазных россыпей дражным способом. Первую в мире алмазодобывающую драгу, заработавшую на Койве, реконструировали из золотодобывающей.

После войны центр тяжести поисковых работ сместился к северу от Койвы. К 1951 году были открыты алмазоносные россыпи в долинах рек Косьва, Тыпыл, Яйва, Язьва и Вишера. Выяснилось, что среднее содержание алмазов в вишерских месторождениях в 4-5 раз выше, чем в койвинских россыпях. Здесь же было обнаружено и первое коренное месторождение алмазов на Урале. А в 1954 году открыта первая кимберлитовая трубка в Якутии.

Открытие новых, более богатых месторождений алмазов прозвестили начало конца койвинским промыслам. Мощная медведкинская обогатительная фабрика просуществовала всего семь лет: с 1950 по 1957 годы. Были свернуты и разведочные работы. Но сами месторождения никуда не делись, просто на данном этапе они стали нерентабельными для разработки, а главное – им име-

ются гораздо более богатые альтернативы. Но огромное историческое значение койвинских алмазов невозможно переоценить. Именно на Койве, совсем недалеко от Качканара, был найден первый в России алмаз. И именно на Койве в годы войны геологами-алмазниками были обнаружены главные россыпи и заложены основы современной алмазодобывающей промышленности.

Разработка вишерских алмазов, к северу от Койвы, ведется по сей день. Добыча осуществляется двумя сезонными обогатительными фабриками и четырьмя алмазодобывающими драгами – огромными 4-этажными сооружениями, вгрызающимися на семь метров в глубину. А в Перми находится алмазогравийное предприятие, созданное в 1996 году как фабрика по обработке алмазов.

В Медведку мы заехали студеным солнечным утром. Поселок встретил стерильно чистым, искрящимся снегом, лесом прямых столбов дыма, торчащих над каждым домом, безлюдьем и невозмутимой тишиной, нарушаемой лишь лаем одинокой собаки. Одноэтажная уральская глубинка: не традиционная русская деревня, а именно рабочий поселок, состоящий из россыпи почти одинаковых брусчатых домиков и зданий покрупнее: сельсовета, клуба, магазина, школы. А еще из полуразрушенных бараков, в которых жили заключенные мужского лагеря, строившие поселок и алмазную фабрику. Еще три лагеря были женскими, они располагались за чертой поселка. Уютное, компактное поселение, как бы уснувшее в долине Койвы, в окружении покатых холмов, прудов и стройного елового леса.

Поселок контрастов

Нам не удалось найти достоверных сведений о дате рождения Медведки, названной так по одноименной речке, впадающей в Койву. Должно быть, медведей тут бродило немало. Известно лишь, что лесоразработки в этом районе велись еще в 1922 году, в 1935-м имелось несколько домов, в 1945-м начали работать геологи, в 1946-м запустили вспомогательную алмазную фабрику, 1947-й ознаменовался первым новорожденным, в 1950-м вступила в действие обогатительная фабрика №11, вторая в мире по объему переработки, а в 1957-м она приказала долго жить, хотя разведанных запасов алмазов хватило бы на 50 лет.

Сейчас в Медведке живут 400 человек, большей частью старшее поколение. Но есть и прослойка маргинальной молодежи, существующей на жалкое пособие. Из промышленных производств – две небольшие лесопилки, но они не в состоянии обеспечить занятость трудоспособного населения. Есть школа, в которой учатся с 1 по 9 классы, но нет детского сада. В единственном магазине нет ничего, крепче пива, но некоторые умудряются пить по-черному. Есть стационарная телефонная связь и даже спутниковый Интернет, но нет сотовой связи (хотя в скором времени обещают установить). Есть уличный водопровод, но отопление исключительно печное. Автобус в Теплую Гору ходит дважды в неделю, и хотя у поссовета есть собственный автобус и два вахтовых «Урала», наладить постоянное пассажирское сообщение с другими населенными пунктами не удается, так как транспортные компании отказывают в обслуживании. Много отличных покосов, но молоко сельчане покупают в магазине: на 170 хозяйств приходится 25 коров, а когда-то за покосы шли битвы. Есть все природные условия для развития фермерских хозяйств, но нет самих фермеров. Причиной этому – драконовская политика государства по отношению к сельскохозяйственным производителям: налоги, отчетность и маниакальная активность проверяющих инстанций у любого отобьют охоту производить качественный отечественный продукт. Одна, качканарская, кажется, предпринимательница пыталась выращивать кроликов, но бирюкратическая орда связала ей руки, и она плюнула. Сейчас молодой предприниматель пытается выкупить землю для выращивания саженцев хвойных и плодовых деревьев, но приобрести участок не разрешают районные власти, ссылаясь на нелепые законы. Подобное происходит по всей России, и это одна из главных причин разложения села и деревни; вот почему мы по бешеной цене покупаем безвкусное импортное мясо, вместо того, чтобы иметь свое, дешевое, вкусное и экологически чистое,

пьем фабричное молочко с консервантами и кушаем напичканные нитратами овощи, выращенные китайцами на нашей же территории. С другой стороны, хотя государство и душит фермерство, ему вполне безразличны подсобные хозяйства. Пожалуйста: содер- жи скотину, сады, огороды... В конце концов, возьми лицензию и мой золото, как это делают на Ису... Но ничего этого нет. Как тут не вспомнить знаменитую фразу советского классика: «Разруха – в головах».

Глава поссовета Людмила Гнусова поразила открытием: почти все жилые дома в поселке являются муниципальной собственностью. Кажется, живи – не хочу. Но специалисты в Медведку не едут. Не хватает бухгалтеров, экономистов, специалистов ЖКХ. Им гарантирована не только стандартная для муниципалитетов заработная плата, но и жилье. Бесплатно прилагаются чистый воздух, изумительные виды, охота, рыбалка, ягоды и грибы, тишина и покой. Но люди, увы, помешались на городах...

В магазине совершенно случайно удалось поговорить с «народом». Несколько всерьез озлобленных женщин высказали нам все, что они думают обо всем и обо всех. В общем, поговорили «за жизнь». Такие беседы бывают полезны: объективных суждений ждать не приходится, но они помогают понять настроение людей отдельных категорий.. Причина недовольства всегда одна: нет перспектив и выхода из тупика. Хотя многие его и не ищут...

Впрочем, все эти потайные контрасты и внутренние конфликты выходят наружу, только когда начинаешь детально разбираться в жизни поселка. Жизнь необязательно рассматривать через лупу. В целом Медведка очаровательный и относительно благополучный поселок, но как бы выпавший из бега времени. В каком-то смысле ее даже можно считать пригородом Качканара, дачной зоной: многие бывшие медведкинцы, ставшие качканарцами, имеют в поселке свои дома, используя их в качестве дач. В том же примерно положении и Промысла, от которого Медведку отделяют чуть больше 20 километров грунтовой дороги. Но Промыслам повезло больше: они ближе к Качканару и расположены на асфальтовой трассе, а многие трудоспособные сельчане работают на качканарском заводе «Металлист», куда их каждый день доставляет автобус.

Но у Медведки могла быть и другая судьба. Уже после закрытия прииска нашлись чертежи постоянного поселка Медведка на 50 тысяч жителей с кирпичными двух- и трех этажными домами и с центральным отоплением. Все эти планы были перенесены в якутский город Мирный.

«Алмазную» Медведку «прикончили»... алмазы

Наверное, это покажется странным, но Медведка, расположенная в Пермском крае, почти на границе Европы и Азии, гораздо сильнее тяготеет к «иноземному» Качканару, чем к районному центру Горнозаводску. Административные границы оказались бессильными перед историческими и экономическими реалиями. Причин этому много. До Качканара куда ближе, чем до Горнозаводска, даже по нынешней объездной дороге, а по прямой, которая, правда, уже не используется, – считанные километры. С горы Колпаки, расположенной между Промыслами и Медведкой, хорошо видны дымящиеся трубы Качканарского ГОКа, а в вечернее время – городские огни. Экономика молодого Качканара более развита, чем того же дряхлого Горнозаводска или Теплой Горы, а значит, легче найти работу. Было время, когда сельчане ездили за продуктами в Качканар, так же как качканарцы – в магазины Нижнетуринской ГРЭС. В 60-е годы прошлого века обсуждалась даже возможность образования Тагильской области, в которую вошли бы и Качканар, и Нижняя Тура, и Теплая Гора, и пермские села, расположенные вблизи границы Свердловской области.

Алмазный промысел прекратил существование в 1957 году, одновременно с началом строительства Качканара. Всесоюзная комсомольская стройка, как насос, втягивала в себя рабочие кадры со

Мощная алмазная фабрика строилась на десятилетия, но просуществовала всего семь лет.

всей округи, и Медведка, естественно, не стала исключением. Возможно, в чем-то и символичное совпадение, но подкосил ее все же не Качканар, а открытые в те же годы богатые вишерские и якутские алмазные месторождения. Оставшимся без работы специалистам-алмазникам ничего больше не оставалось, как отправиться на освоение этих месторождений, главным образом, в Якутию.

После закрытия фабрики в поселке многие годы работал леспромхоз, впоследствии ликвидированный. Вероятно, с работой этого леспромхоза и связаны сегодняшние беды Качканара, периодически страдающего от нехватки питьевой воды в Верневыйском водохранилище: пермяки, соленые уши, вырубили лес вдоль поймы Вый, тем самым уменьшив водосбор. Но это лишь логическое заключение автора.

В 1961 году в бывших лагерных бараках открыли детский дом для умственно неполноценных детей. Через десять лет детей перевели в Березники, а на месте детского дома был организован психоневрологический интернат для женщин. Он перестал существовать совсем недавно, в 2007 году, одним махом исчезли более ста рабочих мест, и Медведка окончательно превратилась в поселок пенсионеров и безработных.

Дороги отсыпали золотом и платиной

Наш провожатый по Медведке председатель Совета ветеранов Павел Красев показал жалкие полуразрушенные бараки, в которых жили заключенные, и алмазную фабрику – одну из главных целей поездки. Мрачная картина. Коричневые корпуса реликта давней эпохи возвышаются над поселком наподобие подвергшейся артобстрелу средневековой крепости. Мощные стены испещрены глубокими выбоинами, дверные и оконные проемы зияют черными провалами, а внутри нет уже ничего, кроме каменных осколков и бытового мусора.

Видно, что заключенные строили на совесть, точнее, их приуждали строить на совесть. Мощные бетонные стены сложены огромными булыжниками и густо пронизаны арматурой, кое-где на них сохранилась даже облицовка. Время оказалось бессильно перед творением человеческих рук, но нет ничего непреодолимого для человеческой алчности – одна из стен взорвана: по слухам, дело рук качканарских «металлистов», выдиравших на продажу металл.

Технология добычи и обогащения была такова. Летом намытая гидравликой порода подавалась из карьеров под давлением по трубам, а зимой ее возили на самосвалах и сваливали с эстакады

в бункер, где и промывали. Крупные камни вагонетками отсыпались в террикон, а мелкая фракция уходила в отсадочные машины. Промытый и отсеянный песок просушивался в сушильном цехе и подавался на досмотр в рентгеновский цех. После отбора алмазов офицер КГБ отвозил их по назначению.

Уже в Качканаре я встретился с одним из последних оставшихся в живых работников алмазной фабрики Константином Васильевичем Бучельниковым. Участник Великой Отечественной, в 1950 году, сразу после демобилизации, он устроился на фабрику плотником. Сейчас ему 87. Плох Константин Васильевич, однако память его не подводит. Меня интересовало, как выглядели алмазы и насколько строгой была охрана фабрики. То, что он рассказал, немного удивило. Конечно же, фабрику охраняли, но не больше, чем любую другую фабрику. Позже я понял, в чем дело. Нас гипнотизирует само магическое слово «алмаз». Но что есть технические алмазы, даже очень высокого качества? Они мельче песка, просто серая, слегка поблескивающая масса. Хотя алмазы и намного дороже золота, для барышников они никакой ценности не представляли, реализовать их было невозможно, так что и красть не имело смысла. Попутную добычу золота и платины не вели, драгметаллы уходили в отвалы, породу из которых потом использовали... для отсыпки дорог.

Первый алмаз

Путь наш не завершен: нам еще предстоит найти возле поселка Промысла место, где обнаружили первый российский алмаз. Имя и адрес человека, который должен стать нашим проводником, подсказали в Медведке. Алип Бареевич Балташов когда-то возглавлял геологоразведочную партию, занимавшуюся в этом районе разведкой золота. В настоящее время пенсионер.

Историческое место расположено менее чем в километре от Промыслов, на левом берегу Койвы, метрах в 150-ти от Алмазного Ключа (кстати, названном так не из-за находки алмаза, а по причине прозрачной родниковой воды). Найти его несложно, поскольку находится возле автодороги и увековечено массивным каменным монолитом с памятной табличкой. Этот своеобразный памятник был установлен местными энтузиастами недавно, в 2002 году, при непосредственном участии Балташова, и своей скромностью и неизвестностью никак не отвечает исторической значимости.

Именно здесь, по мнению геологов, почти два столетия назад взял пробу крепостной подросток Павел Попов, спустился в пойму реки и отмыл на *вашгердте* шлих, в котором и обнаружил маленький прозрачный камушек, позже подаренный императрице Александре Федоровне.

– Первый алмаз, – рассказывает Алип Бареевич, – это ведь не значит один-единственный алмаз. Тут крупное месторождение, древние алмазоносные отложения тянутся практически вдоль всей долины Койвы. Алмазы чистейшей воды, величиной 0,7-1,4 карата, то есть почти ювелирные, а может, даже и ювелирные, хотя считались техническими. На сотню кристаллов всегда приходилось 20-30 относительно крупных, но никто ведь не знает, куда они уходили, как их сортировали.

Содержание алмазов в карьере возле Промыслов было выше, чем в медведкинских карьерах. Работало штук 50 самосвалов, представляете, какой шел кубаж! И тут не только алмазы, но и золото, а кое-где платина. Интересный факт: когда работала обогатительная фабрика, золото не брали, не предусматривалось технологией. Но в процессе промывки алмазы, как более легкую фракцию, потоком воды по трубам уносило дальше, а «ненужный» драгметалл, как более тяжелый, оседал во фланцах трубных соединений, деваться ему больше было некуда. А ушлые слесаря сверлили еще и дырочки в трубах, чтобы задерживать драгоценный «мусор». Слесарь пустую чекушку приносит и за месяц набивает ее золотишком – это три килограмма примерно. А представьте себе, что золото здесь добывали чуть не две сотни лет, и кое-кто его прятал, зарывая в землю, недаром клады потом находили.

Забытые страницы истории

Историческая память – занятная штука. Она может сохранять и возвеличивать малозначительные события и предавать забвению ключевые исторические моменты. Нахodka первого алмаза России является, безусловно, знаковым событием, которое в конечном итоге привело к созданию современной алмазодобывающей промышленности. Но многим ли в стране известны обстоятельства обнаружения первого кристалла и даже место его находки?

Но не только первым алмазом славен описываемый нами район. Когда-то эти богатейшие золотом и платиной места принадлежали знаменитым Шуваловым, Строгановым и Голицыным. Если заглянуть еще дальше вглубь веков, то, возможно, мы увидели бы и Ермака Тимофеевича с его ватагой. Согласно некоторым, хотя и спорным, краеведческим сведениям атаман поднимался по реке Чусовой до устья Койвы, шел вверх по Койве, а затем казаки на плечах тащили свои ладьи до Выи, которая была тогда гораздо более полноводной. На месте его перехода из Европы в Азию, возле дороги между Медведкой и Промыслами, впоследствии была поставлена вышка «Европа-Азия», снесенная только в 1970 году. К этой же точке выходит и недавно заброшенная прямая дорога из Кач-

канара. Если действительно было так, значит, Ермак никак не мог миновать Качканара. Верить в это соблазнительно, но доказать, увы, – невозможно.

Существует предание и о том, что бывал в этом районе и адмирал Колчак, зарывший у подножия горы Колпаки, излюбленного места качканарских туристов, 20 ящиков с золотом. Может быть, легенда, а может, и нет. Во всяком случае, искатели сокровищ не оставляют попытки отыскать клад, по сей день каждое лето перепахивая землю под Колпаками.

Молодость Качканара еще не дает повода утверждать, что и окружающие его территории не имеют богатой истории, уходящей в глубины веков. Разумеется, это не так. Мы сами себя искусственно ограничили территориальными, административными и временными рамками, как бы замкнувшись в собственной скорлупе, не желая видеть очевидного, того, что мы со всех сторон окружены самой историей. Которая ждет – не дождется своих исследователей.

Фотографии Виктора Чупракова

Место находки первого российского алмаза. На табличке надпись: «Здесь 5 июля 1829 г.

Павлом Поповым был найден первый Российский АЛМАЗ».

Вандалы замазали надпись краской.

Примечание. *Вашгердт – простейший прибор для промывки песков.*

ДОКУМЕНТ

“ПРИИСК ПРОШУ НАЗВАТЬ ВАЛЕРИАНОВСКИЙ”

Нынешний статус нашего муниципального образования – Качканарский городской округ – позволяет органично объединить все составляющие истории нашего края. Таких составляющих как минимум две. Во-первых, это история собственно Качканара – с фиксированной начальной датой – 27 мая 1957 года. Во-вторых, это история «докачканарского» периода; её хоть от первобытности начинайте – насколько глубоко сможете «копнуть».

Из этой многовековой (если не многотысячелетней) истории 120 лет приходится на посёлок Валериановск. Вопросы и «белые пятна» здесь тоже имеются. В частности, почему из множества приисков именно Валериановский перерос в посёлок и дожил до наших дней? А, скажем, не какой-нибудь из смежных с ним, как-то: Попутный, Находка, Усадьба, Надеждинский, Павло-Юльевский, Полтава, Благословенный, Фонарный, Мемель, Майский... Или тот, «заявленный на имя жены Потомственного почётного гражданина Руфины Яковлевны Протопоповой в Гороблагодатском округе по

реке Гусевой, впадающей с левой стороны в реку Выю, выше Надеждинского прииска Августа Гальбах»¹. Для тех, кто забыл, напомним название этого прииска – Качканар.

Зато доподлинно известна первая глава истории посёлка: его основание и сопутствующие этому события. Источник информации – хранящееся в Государственном архиве Свердловской области «Дело, веденное старшим горным межевщиком² Н.И.Герц при отводе Валериановского золото-платинного прииска, принадлежащего в Нижне-Туринской казённой даче, по речке Гусевой, впадающей с левой стороны в р. Выю, выше Майского прииска Серебрякова, Верхотурскому купеческому сыну Викторину Яковлевичу Бурдакову»³. Этот документ предлагается вниманию читателей.

Документ не нуждается в особых комментариях. Но на некоторых моментах заострим внимание. В первую очередь хочется отметить высокую культуру делопроизводства. Замечательный почерк и язык документов делает доступным и понятным их содержание. Состав документов демонстрирует методику отвода приисков, а их содержание показывает нам галерею непосредственных участников событий: рабочих партии, чиновников горного ведомства, понятых, священника и, конечно, владельцев.

О владельцах следует сказать особо. Владельцами приисков были люди разных чинов и званий: дворяне, чиновники, мещане, крестьяне и прочие. Владелец Валериановского прииска – верхотурский купеческий сын Викторин Яковлевич Бурдаков. Золотоплатинодобыча была семейным бизнесом семьи Бурдаковых. В документах среди владельцев приисков значатся глава семьи Яков Николаевич, его жена Мария Осиповна,

¹ ГАСО, ф.51, оп.5, д.9.

² Горный межевщик – маркшейдер. Должность соответствовала X классу Табели о рангах.

³ ГАСО, ф.51, оп.1, д.465.

дочь Руфина (в замужестве Протопопова), сыновья Капитон и Викторин, жена последнего – Елизавета Александровна. К концу XIX века компаниям **«Я.Н. Бурдаков с сыновьями»** и **«Товарищество В.Я. Бурдаков и В.Н. Шаравьев»** принадлежали десятки приисков или имелись в них доли.

В не столь далёкую советскую эпоху сформировался устойчивый стереотип, что промышленники и предприниматели – сплошь эксплуататоры-кровопийцы, единственная цель деятельности которых – извлечение прибыли. Причём такой неприглядный образ создавался умышленно и целенаправленно – что называется, “оптом и в розницу”. Досталось и Бурдаковым: взять хотя бы байку про “чугунную шляпу”, источник которой – статья «На старательских работах»⁴ в «Рабочем журнале» за 1925 год.

«Рабочие толкуют над старой бурдаковской шахтой:

- Бурдаков с этой шахты дома настроил.
- Оттого ему и надели на башку чугунную шляпу, – откуда-то из-за забора невидимый рабочий.
- Зато он и пожил! А мы что? – оппонирует первый.
- Пожил... Власти не было, вот и пожил!
- А теперь есть! – ехидно выкрикивают из ямы.

О чугунной шляпе среди искателей ходит такая легенда. Хищник Бурдаков при Александре III не пожелал подчиняться горнозаводскому надзору и добывал золото так, как он считал для себя выгодным. Был владельцем многих уральских приисков и больших домов в Перми и других прикамских городах, словом, миллионер, благодаря чему никакая судебная власть ничего не могла с ним поделать. Дело дошло до «высочайшего имени», и вот Александр приказывает: отлить чугунную шляпу Бурдакову, заковать в кандалы и отправить в Сибирь. Так говорит легенда, а быть может, это и действительно было...”

Стоит ли удивляться, что добрые валериановцы, радостно отметившие 120-летие своего посёлка, вряд ли назовут фамилию того, кому они обязаны этим праздником. В посёлке, где есть улицы Карла Маркса, Кирова и разных прочих деятелей, чьи заслуги не то что перед Валериановском, перед страной-то более чем сомнительны, днём с огнём не найти улицы с именем основателя посёлка. Да что там! Памятничка захудалого, дощечки мемориальной – и то не имеется! К слову сказать, наши соседи-нижнетуринцы в этом направлении отличились вообще со знаком минус – они и дом Бурдаковых в Нижней Туре раскатали по брёвнышку, разнесли по кирпичику,

⁴ «Рабочий журнал» № 14 от 14 сентября 1923 года.

хотя у этой семьи кое-какие заслуги перед данным населённым пунктом имелись: В.Я. Бурдаков состоял попечителем Нижнетуринского двухклассного училища, попечителем Николаевского исправительного отделения (это знаменитая Нижнетуринская тюрьма), был директором тюремного комитета и попечителем земской школы. А за общественную и благотворительную деятельность его наградили золотой медалью на анненской ленте⁵.

К характеристике Викторина Бурдакова очень много добавляет его членство в УОЛЕ (Уральском обществе любителей естествознания) – одной из крупнейших авторитетнейших научно-краеведческих общественных организаций России. В сборнике трудов УОЛЕ за 1896 год опубликована большая статья Бурдакова в соавторстве с инженером И.М. Гендриковым о деятельности своего товарищества по платинодобыче. Здесь мы находим информацию о первых шагах и результатах деятельности Валериановского прииска.

Во-первых, отмечается окраинное его положение в золото-платиновой «империи» Бурдаковых. Сам владелец пишет, что прииск «Валериановский по речке Гусевой, притоке Ви, совершенно изолирован и относительно путей сообщения в самых неблагоприятных условиях, в особенности для провоза громоздких или тяжелых вещей: котлов, машин и проч.»

Во-вторых, интересный факт, что именно на Валериановском прииске в 1895 году, впервые на бурдаковских приисках для промывки песков была поставлена бутора – бочка «в 4 ¾ аршин⁶ длиной, диаметры которой 5 и 6 четвертей⁷. Производительность её 15 кубических саженей⁸ в смену. Приводится она в действие и орошается паровою машиною в 12 сил. Она же и для откачки воды из выработки».

Ну и, наконец, первые результаты. С 1893 года по 1 ноября 1895 года было промыто 5 812 000 пудов⁹ песка, добыто драгоценного металла 18 пудов 36 фунтов¹⁰ 19 золотников¹¹. Вот такой старт.

О дате основания. Добрые валериановцы отмечают день посёлка в августе, что не наказуемо: праздновать можно когда угодно. Как увидим, в документах фигурирует дата 18 августа 1892

⁵ Анненская лента – лента ордена святой Анны – красная с жёлтой каймой

⁶ Аршин – старорусская единица измерения длины, равняется 0,7112 м;

⁷ Четверть – старорусская единица измерения длины, равняется примерно 18 см

⁸ Сажень – старорусская единица измерения длины, равная 2,134 метра.

⁹ Пуд – старорусская единица измерения массы, равная 16,38 кг.

¹⁰ Фунт – единица измерения массы, 1 русский фунт равен 0,40951241 кг

¹¹ Золотник – старая русская мера веса (массы), равная 4,266 г

года: в этот день окружной инженер V Верхотурского горного округа¹² дал поручение горному межевщику Н.И.Герцу сделать землеотвод. Но непосредственно землеотвод был сделан 7 ноября 1892 года, что недвусмысленно следует из нижеследующего документа.

Удостоверение

*Дано сие верхотурскому купеческому сыну Викторину Яковлевичу Бурдакову в том, что ему, Бурдакову, в 7 число сего **ноября** месяца произведен бесспорно отвод золотоплатинового прииска под названием «Валериановский» в Нижне – Туринской казённой даче по речке Гусевой, впадающей в р. Выю. Что и удостоверяю своим подpisом и приложением должностной печати.*

Ноября 11 дня 1892 года

Межевщик Герц № 125

Эта дата – 7 января 1892 года фигурирует в последующих документах именно как дата основания прииска.

О названии. За полтора года до открытия данного прииска, а именно 30 мая 1891 года, у Руфины Яковлевны, сестры Викторина, родился сын, при крещении получивший имя Валериан. Об этом достопамятном событии читаем в метрической книге Трёх-Святительской церкви Нижнетуринского завода за 1891 год. Итак, родители ребёнка: «потомственный почётный гражданин Михаил Капитонович Протопопов и его законная жена Руфина Яковлевна, оба православные». Воспреемники «верхотурский купеческий сын Викторин Яковлев Бурдаков, титулярного советника жена Любовь Фёдорова Протопопова». Таинство крещения совершил священник Трёх-Святительской церкви Павел Будрин с псаломщиком Александром Левитским¹³. В честь крестника-племянника и назвал Викторин Бурдаков один из своих приисков. Таким образом, вот уже 120 лет Валериан Михайлович Протопопов незримо присутствует в посёлке своим именем. Волна переименований советской поры Валериановск не затронула: название не резало слух, в отличие от названий церковных, а кто стоял за названием – вряд ли это знали и особо не заморачивались на этот счёт.

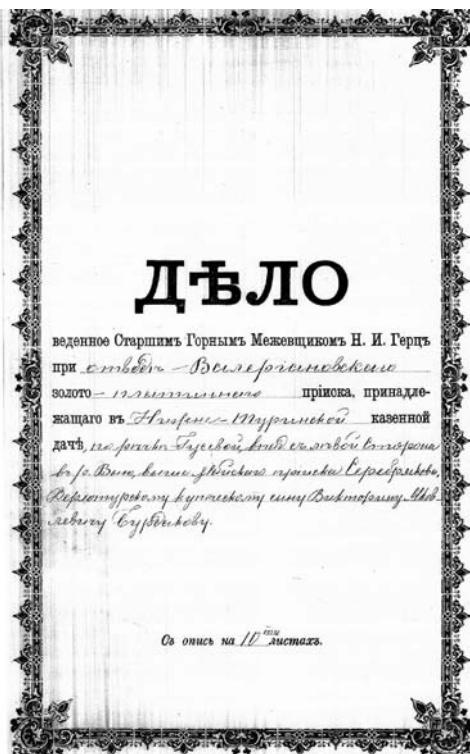
У посёлка Валериановска – достойная история, пока, правда, не вполне достойно оформленная. Собрать воедино уже написанные фрагменты, дописать недостающие эпизоды, запечатлеть судьбы выдающихся жителей – задача вполне посильная. И решить её же-

¹² V Верхотурский горный округ – один из 12 горных округов на территории Урала. Горные округа возглавлялись горными инженерами.

¹³ ГАСО, ф.6, оп.20, д.323, лл.42 об.-43.

лательно бы к 120-летию Валериановска. Ну а в основание будущего повествования о посёлке-труженике можно поместить документ, который предлагается вниманию читателей.

В Верхотурское уездное полицейское управление

Золотопромышленника верхотурского купеческого сына Викторина Яковлевича Бурдакова

Заявление

Согласно поданного мною заявления от 3-го июля 1892 года за №75-м оному полицейскому управлению, что я с 5-го июля отправляю партию из Нижне-Туринского завода, под присмотром моего доверенного сельского обывателя Баранчинской волости Евгения Александрова Бурина, по паспорту от 12-го февраля 1892 года за

№231, с рабочими сельскими обывателями Нижне-Туринской волости Иваном Фёдоровым Ждановым, по рабочей книжке от 28 июня за №1171, Степаном Яковлевым Берсеневым, по рабочей книжке от 5-го января за №42, Александром Родионовым Ждановым, по рабочей книжке от 16-го мая за №903 и Николаем Гавриловым Каленевым, по рабочей книжке от 8 апреля за №612. Партия эта, как мне доносит доверенный Бурин, прибыла утром 12-го июля на местность по речке Гусевой, впадающей в реку Выю с левой стороны выше Майского присыка Серебрякова, в Гороблагодатском округе Нижне-Туринской даче.

Осмотрев эту местность и не найдя никаких заявочных знаков других золотопромышленников, доверенный Бурин занял эту местность под разведку. Оградив её разведочными столбами, лицевой стороной обращёнными друг к другу, с надписями на них: "Занята эта местность под разведку золотопромышленником купеческим сыном Викторином Яковлевичем Бурдаковым 12 июля 1892 г.", из которых один поставлен в 260 саженях от устья речки Гусевой на левом бере-

гу, в 2 саженях от её русла, другой же в 4-х верстах вверх по течению этой речки, и приступил к разведке этой местности, которую производил в течение 24 дней, т.е. с 12-го июля по 5 августа, в продолжении которых пробил четыре шурфа¹⁴: шурф №1-й от первого разведочного столба в 460 саженях, шурф №2-й от №1-го в девяти саженях, шурф №3 от 2-го в 10 саженях и шурф № 4 от 3-го в 70 саженях. Все шурфы пробиты в долине, по которой течёт речка Гусевая, не далее 7 сажен от русла её и на левом берегу. Шурф №1 пробит пустой породой 3 аршина, золотосодержащих песков 1^{1/2} аршина, №2-й пустой породой 3 аршина, песков – 2 аршина, №3-й пустой породой 3 аршина, песков 1^{1/2} аршина и №4-й пустой породы 2^{1/2} аршина, песков 1^{1/2} аршина. Из вышеозначенных шурфов взято и промыто из каждого по 120 пудов золотосодержащих песков. Причём были получены знаки золота и платины. Которые были опущены обратно в шурфы. А потому, находя эту местность благонадёжной к разработке, доверенный Бурин убрал разведочные столбы, основал починный пункт из елового сыропастущего дерева, который поставил на левом берегу речки Гусевой в 2-х саженях от её русла, в 260 саженях от впадения её в реку Выю, в 360 саженях от верхней линии Майского прииска г. Серебрякова. Перед столбом вырыта узаконенных размеров яма, в которую положены 3 камня и 3 угля, по стесанному на столбе написано сверху: «ВЯБ», ниже прописано «Эта местность заявлена на имя золотопромышленника купеческого сына Викторина Яковleva Бурдакова 5-го августа 1892 года». Промер между шурфами сделан глазомерно, а от починного пункта до устья Гусевой и до верхней линии Майского прииска шагами, поэтому прошу его считать приблизительным.

О чём имею честь заявить Верхотурскому полицейскому управлению и покорнейше прошу заявление моё принять и в книгу явок записать, а мне выдать с него три засвидетельствованных копии, на что прилагаю четыре марки 80-ти копеечного достоинства и на публикацию 1 руб. 72 коп. Заявление это подать и копии получить доверяю запасному старшему писарю канцелярии военного прокурора Киевского военно-окружного суда Степану Михаилову Болотову.

Августа 6 дня 1892 г.

Золотопромышленник Викторин Яковлевич Бурдаков.

Настоящая копия с подлинным заявлением, записанным в книгу заявок за №3135, сверена, оказалась верною и выдаётся вследствие

¹⁴ Шурф - вертикальная или наклонная горная выработка небольшого сечения и небольшой глубины для поиска и разведки полезных ископаемых, взрывных работ и др.

просьбы золотопромышленнику купеческому сыну Викторину Бурдакову

Августа 18 дня 1892 года.

По рассмотрении копии с заявки золотого прииска, представленной золотопромышленником Викторином Яковлевым Бурдаковым, оказалось:

1. Найденная россыпь находится в Гороблагодатском округе в Нижнетуринской даче на речке Гусевой, впадающей в реку Выю с левой стороны, выше Майского прииска Серебрякова.

2. Об отправке поисковой партии на местность и предварительно было объявлено Верхотурскому уездному полицейскому управлению, к разведке приступлено 12 июля 1892 года.

3. В разведенной местности избран починный пункт на левом берегу речки Гусевой в 2-х саженях от её русла, в 260 саженях от впадения её в р. Выю и в 360 саженях от верхней линии Майского прииска, где и поставлен заявочный столб из елового дерева с надписью на оном: "Местность эта заявлена на имя золотопромышленника купеческого сына Викторина Яковлева Бурдакова 5 августа 1892 года" и перед столбом выкопана яма, в которую положено три камня и три угля.

4. Разведенная местность открыта четырьмя золотосодержащими шурфами, количество промытых песков и полученного золота показано; последнее спущено обратно в шурфы.

5. Из кого состояла партия, и сколько времени она употребила на разведку заявленной местности – обозначено.

6. Копия с заявки, со дня заявления оной в Верхотурском уездном полицейском управлении, представлена к Окружному инженеру V Верхотурского округа² до истечения законного срока и имеется с этой заявки копия, присланная Полицейским управлением от 9 августа 1892 года за №1567.

По соображению вышеизложенного оказывается, что заявка Викторина Бурдакова на открытый им прииск, сделана с соблюдением правил, установленных в 56 ст. уст[ава]1870 г. о частной золотопромышленности, а потому на основании 62 ст. того же устава определяется: к открытому на имя господина Бурдакова золотому прииску назначить отвод узаконенной площади в 1892 году, который и поручить сделать Старшему горному межевщику г. Герц с тем, чтобы отвод был сделан по надлежащем удостоверении о том: не захватывается ли этой заявкою какой-либо

² Анненская лента – лента ордена святой Анны – красная с жёлтой каймой.

местности из отданных казной под разработку частным лицам и местности по заявкам старшим, или заявленных и отведённых уже приисков и рудников, или же местностей и приисков, поступивших в казну по разным причинам, и при том если на месте не встретится для того других законных препятствий. О распоряжении этом известить заявителя Викторина Яковлева Бурдакова с тем, чтобы он обратился к отводчику лично, или прислал бы от себя доверенного для определения времени отвода площади, двухгодичный срок на принятие которого истекает восемнадцатого августа 1894 года.

*Окружной Инженер V Верхнотурского округа И.Игнатьев.
Письмоводитель Осипов.*

Об отводе этого прииска поручено горному межевщику Герц 18 августа за №2789, и того же числа за №2790 извещён заявитель Бурдаков.

Копия

Любезный брат Капитон Яковлевич!

Сей доверенностию уполномочиваю тебя от имени моего и моих нижепоименованных доверителей и доверительниц отыскивать и заявлять на имя моё и моих доверителей золото и платину содержащие россыпи, получать на них владленные документы и казённые книги на записку золота и платины; разрабатывать принадлежащие нам прииска, законно-дозволенным способом и полученный металл записывать указанным порядком в книги, которые по окончании годовой операции сдавать куда следует на ревизию; сдавать золото в казну и получать за него ассигновки, квитанции, а по ним и деньги, которыми ты сможешь распоряжаться по своему усмотрению; прииски наши и платину ты можешь продавать, закладывать и получать под них ссуду денег; прииски отдавать в аренду, а на платину заключать контракты, покупать прииски с торгов Управления горной частью на Урале на наши имена и сдавать в казну принадлежащие нам; представлять платину для оплаты узаконенной подати; нанимать и увольнять служащих и рабочих людей. Усчитывать тех, кому вверено наше имущество, контролировать казённые и конторские книги. Подавать прошения, объявления и разного рода бумаги во все присутственные места, получать и выслушивать решения, заявлять удовольствие и неудовольствие.

Представленное тебе сей доверенностью право ты можешь передать другому лицу, имеющему гражданскую правоспособность.

Всё, что ты согласно сей доверенности законно учинишь, в том спорить и прекословить не будем, за всякое же противозаконное действие пред судом и правительством ответственность понесёшь ты лично.

Доверенность эта принадлежит прапорщику армейской пехоты Капитону Яковлевичу Бурдакову.

Золотопромышленник и доверенный верхотурского купца Якова Николаева Бурдакова. Жены его Марии Осиповой Бурдаковой, жены Почётного гражданина Руфины Яковлевны Протопоповой и жены купеческого сына Елизаветы Александровны Бурдаковой..

Верхотурский купеческий сын Викторин Яковлевич Бурдаков.

Декабря 9 дня 1891 года.

Тысяча восемьсот девяносто первого года декабря одиннадцатого дня доверенность эта явлена у меня Александра Ивановича Гейденрейх Нижне-Тагильского нотариуса в конторе моей находящейся в Нижнее-Тагильском заводе в доме Королёва, за себя и по доверенностям верхотурского купца Якова Николаева и жены его Марии Осиповой Бурдаковых, жены Почётного гражданина Руфины Яковлевой Протопоповой и жены купеческого брата Елизаветы Александровны Бурдаковой, верхотурским купеческим сыном Викторином Яковлевичем Бурдаковым, живущим в Нижнее-Туринском заводе лично мне известным и имеющим законную правоспособность к совершению актов, представившим в удостоверение право-передоверения доверенности, явленные в конторе моей 1886 года июля 31 дня и 1891 г. марта 28 дня за №796 и 199. При чём я нотариус удостоверяю собственоручную подписи г. Бурдакова ст.137 Нот. Пол. Объявлена по реестру №694. Нотариус А. Гейденрейх.

Я, нижеподписавшийся, удостоверяю верность оной копии с подлинником её, представленным мне Александру Ивановичу Гейденрейх Нижнее-Тагильскому нотариусу в контору мою, в первой части селения по Александровской улице, в доме Королева верхотурским купеческим сыном Викторином Бурдаковым лично мне известным, живущим в Нижнее-Туринском заводе. При сличении мною этой копии с подлинником в последнем подчисток, приписок, зачёркнутых слов и никаких особенностей не было.

Декабря 11 дня 1891 года. По реестру №695. Нотариус А.Гейденрейх.

*Его благородию
Господину Горному межевщику коллежскому секретарю
Николаю Ивановичу Герц
Доверенного золотопромышленника Викторина Яковleva
Бурдакова прапорщика армейской пехоты Капитона Яковле-
ва Бурдакова*

Заявление

Имею честь явиться к Вашему благородию для принятия отвода золото-платинной площади по заявке, сделанной моим доверителем 8 числа августа месяца 1892 года, в Нижнее-Туринской казённой даче по речке Гусевой, впадающей с левой стороны в реку Выю, выше Майского прииска Серебрякова.

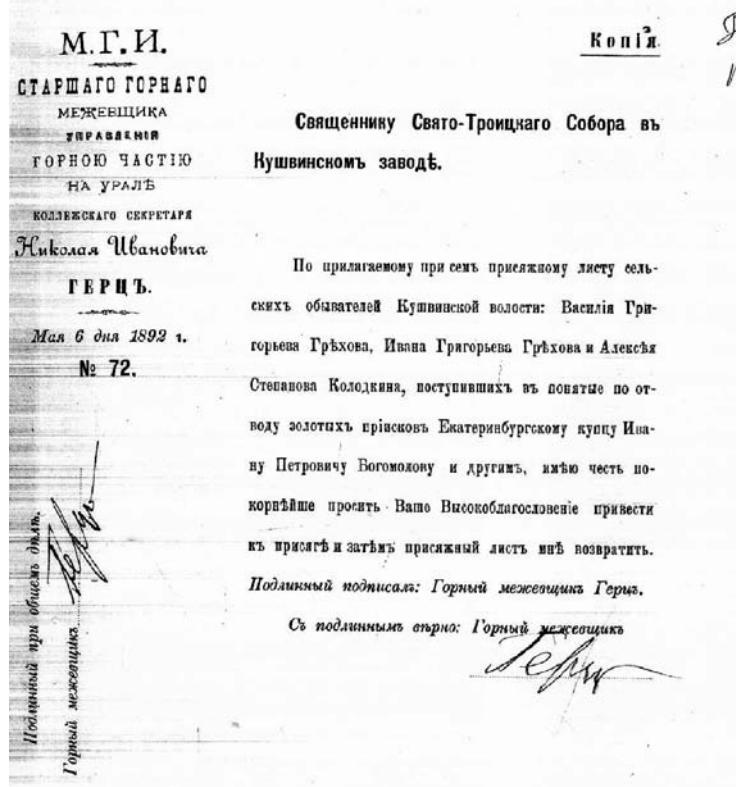
При сем имею честь представить подлинную доверенность и отводную сказку.

Доверенный золотопромышленника Викторина Яковлева Бурдакова прапорщика запаса армейской пехоты Капитон Яковлев Бурдаков.

Отводная сказка

1892 года ноября 4 дня я, нижеподписавшийся доверенный золотопромышленника Викторина Яковлевича Бурдакова прапорщик армейской пехоты Капитон Яковлев Бурдаков чрез сие объявляю г. старшему горному межевщику, коллежскому секретарю Николаю Ивановичу Герц, что следующую к отводу площадь золото-платинного прииска в Нижнее-Туринской казённой даче, по р. Гусевой, впадающей с левой стороны в р. Выю, выше Майского прииска Сереброва принимать буду по справедливости, не захватывая чужих приисков и заявленных мест по старшим заявкам; в случае споров поступать буду со всей тихостью, не оказывая противозаконных поступков и обязуюсь исполнять все законные требования г. горного межевщика Герц, в противном же случае подвергаю себя законной ответственности. Ближе пятивёрстного расстояния к сему прииску других приисков не имею и в компании ни с кем не состою. **Прииск прошу назвать Валериановский.**

Доверенный Капитон Яковлев Бурдаков

Копия

Д.
17

Копия

Присяжный лист

Я, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом пред Святым его Евангелием о всем, что может относиться до специального межевания показывать справедливо, по совести и ни в каком случае не скрывать истины, так как пред Богом и судом Его страшным всегда в том ответ дать могу. В заключение же сей моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь. На подлинном написано:

По сему присяжному листу присягали сельские обыватели Кушвинской волости: Алексей Степанов Колодкин, Иван Григорьев Грехов и Василий Григорьев Грехов.

Вышепоименованных сельских обывателей Кушвинской волости: Алексея Колодкина, Ивана Грязова и Василия Грехова, к присяге приводил 6 мая священник Кушвинского Троицкого собора Александр Ребрин, в чём и удостоверяю своим подpisом. С подлинным верно: горный межевщик Герц.

Господину окружному инженеру V-го Верхотурского округа
Горного межевщика Герц

Рапорт

При сем имею честь представить Вашему высокородию дело об отводе купеческому сыну Викторину Яковлевичу Бурдакову «Валериановского» золото-платинного прииска в Нижнее-Туринской казённой даче, по реке Гусевой, впад. в р. Выю, по смежности с Благословенным г. Шубина прииском.

Горный межевщик, колледжский секретарь Н.Герц

Январь 15 дня 1893 г.

№13

2 февраля 1893г.
№ 242.

Г-ну Главному начальнику
Уральских горных заводов

Рапорт

Сверху имею честь представить Вашему превосходительству распоряжение о отводе купеческому сыну Викторину Яковлеву Бурдакову «Валериановского» золото-платинного прииска, в даче Нижнее-Туринского казённого завода Гороблагодатского округа, по речке Гусевой, впадающей в р. Выю, по смежности с Благословенным г. Шубина

Честь имею представить при сен на благоусмотрение и распоряжение Вашего превосходительства межевое дело об отводе верхотурскому купеческому сыну Викторину Яковлеву Бурдакову «Валериановского» золото-платинного прииска, в даче Нижнее-Туринского казённого завода Гороблагодатского округа, по речке Гусевой, впадающей в р. Выю, по смежности с Благословенным г. Шубина

Межевщик Герц

Января 31 дня 1893 года

По рассмотрении дела и поверке межевых документов, представленных старшим горным межевщиком г. Герц, при рапорте от 15 января 1893 г. за №13, об отводе верхотурскому купеческому Викторину Яковлеву Бурдакову «Валериановского» золото-платинного прииска, в даче Нижнетуринского кезённого завода по реч. Гусевой, впад. в р. Выю, по смежности с Благословенным прииском Шубина оказалось:

1. В составлении плана масштаб принят узаконенный, согласно которого по промерению все граничные линии и перпендикуляры, взятые для съёмки ситуации, оказались верны.
2. Астролябические углы с румбическими верны и по накладке транспортиром, граничные линии по меридиану в румбическом склонении, сделаны правильно.
3. Межевые знаки на границах согласно межевым узаконениям поставлены.
4. Общая площадь и отдельно по качествам земли, по исчислению оказалась верна и не превышает одной квадратной версты.
5. Полевой журнал с планом по всем верен и подписаны всеми бывшими при обмежевании прииска лицами, именники понятых, значущиеся в присяжном листе, плане и полевом журнале – показаны верно.
6. Делопроизводство по отводу прииска полно.
7. Из плана и полевого журнала видно, что Викторин Бурдаков к Валериановскому прииску другого прииска ближе пяти вёрст не имеет.
8. Заявок и приисков, подлежащих к продаже с торгов, по удостоверению г. Герц в площадь Валериановского прииска не вошло.
9. Отвод площади к Валериановскому прииску сделан до истечения двухгодичного срока со дня распоряжения окружного инженера 5 округа об отводе.

По соображениям всего вышеописанного оказывается, что отвод Валериановского прииска г-ну Бурдакову сделан отводчику правильно и по мнению окружного инженера 5 округа отвод этот подлежит утверждению, а потому и постановил: представленное старшим горным межевщиком Герц дело об отводе означенного прииска, приобщив к делу об этом же прииске окружного инженера 5 верхотурского округа вместе с планом, полевым журналом и сня-

тыми с них в два ряда копиями, представить на благоусмотрение и распоряжение господину главному начальнику Уральских горных заводов.

Окружной инженер V верхнотурского округа
И.Игнатьев

Г. Окружному инженеру верхнотурского горного округа

Отвод Валериановского золотоплатинного прииска в даче Нижне-Туринского казённого завода, по р. Гусевой, левому притоку реки Выи, утверждён мною сего числа за купеческим сыном Викторином Бурдаковым.

Об этом сообщаю Вашему Высокоблагородию на паспорте от 2 минувшего февраля за №242 и возвращаю подлинное межевое делопроизводство, вместе с копиями с плана и полевого журнала в 2-х экземплярах, из коих один – к делам канцелярии Вашей, для руководства, а другой для выдачи на разработку прииска.

При выдаче документов не оставьте взыскать с Бурдакова пошлины: межевые 1 руб. 86 коп. и гербовые, марками, на 3 р. 20 к.

Главный начальник

9 апреля 1893 г.

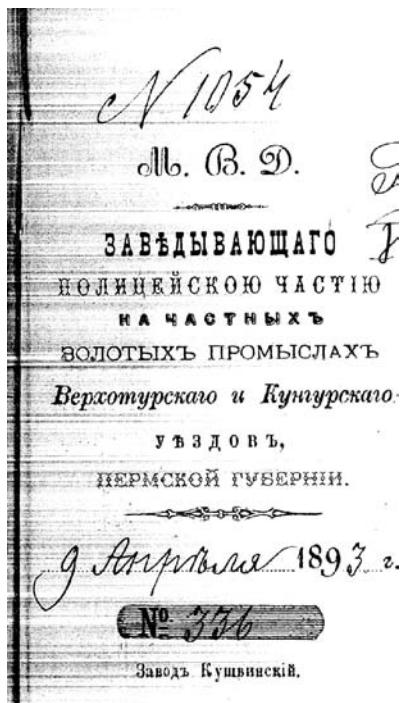
Господину окружному инженеру
V-го верхнотурского округа

При сём имею честь препроводить квитанцию кушвинского казначейства от сего числа за №1741-м в приёме от меня 1-го руб. 86-ти коп., истребованных согласно отношения Вашего высокоблагородия от 16 марта с.г. за №909-м от золотопромышленника

Викторина Яковлева Бурдакова в межевые пошлины. Гербовые на 3 р. 20 к. Марки, истребованные от того же Бурдакова здесь также прилагаются.

Заведующий полиц. частью на промыслах

В Уральское горное управление

Согласно предложения г-на главного начальника Уральских горных заводов от 13 минувшего марта за № 3727 честь имею представить при сем в Уральское горное управление квитанцию Кушвинского к-ва от 9 апреля сего года за № 1741 о записи на приход 1 р. 86 коп., взысканных с золотопромышленника Викторина Бурдакова в межевые пошлины за утвержденный отвод "Валериановского" золотого прииска в даче Нижнетуринского казённого завода по речке Гусевой, и гербовых марок на 3 р. 20 к., истребованных с него же Бурдакова по делу названного выше прииска.

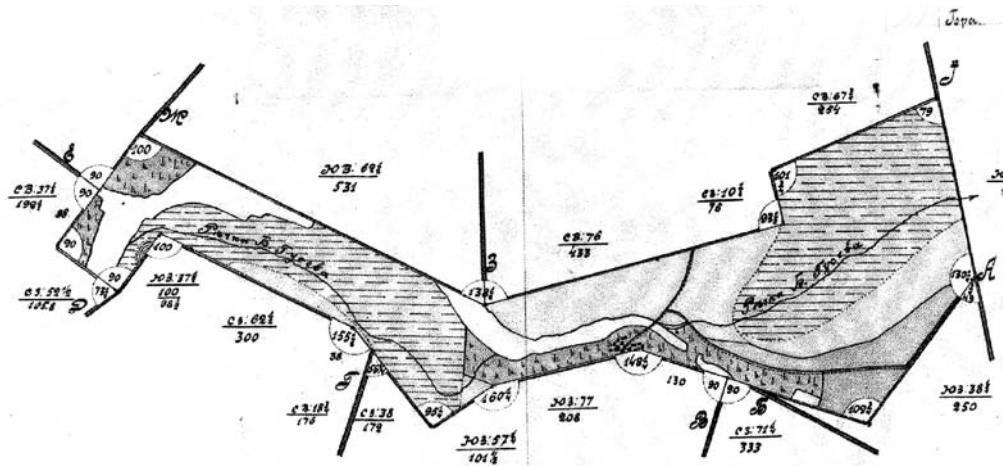
10 апреля
Господину заведующему полицейской
частию на частных золотоносных про-
мыслах

Прилагая при сем в копиях план и по-
левой журнал утвержденного за верхо-
турским купеческим сыном Викторином
Яковлевым Бурдаковым "Валериановского"
прииска в даче Нижнетуринского казённого
завода по речке Гусевой, покорнейше прошу
документы эти выдать Бурдакову под рас-
писку на разработку прииска и расписку его
прислать ко мне.

Окружной инженер И. Игнатьев.

10 Апреля 1893.
с/1193.

С. Кушвинскому
Кушвин. к-ву
от 9 Апреля
1893. за № 1741
на 1 р. 86 к. и герб.-
взысканных
на Бурдакову. искаре
записи о выдаче
рукописи от
рукописи
Бурдакова.

Письмоводитель Осипов.

План и полевой журнал на “Валериановский” прииск по доверию золотопромышленника Викторина Якова Бурдакова получил 26-го апреля 1893 года служащий запасной писарь Степан Мих. Болотов

Вступительная статья, подготовка текста и комментарии М. Титовца

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

КАЧКАНАРСКИЕ ГРАНИ

Выпуск 2

Редактор -Титовец М.И.
Ответственный за выпуск -Краснопевцева Г.П.
Дизайн и верстка-Тихомиров М.А.

© 2013, Администрация Качканарского городского округа

© 2013, МКУ “Качканарский городской архив”

© 2013, ООО “Издательство “Раритет”

Подписано к печати 15.05.2013
Бумага ВХИ 80 г/м². Печать офсетная
Гарнитура Cambria. Формат 60x90/16.
Усл. печ. листов 14,75
Тираж 1000 экз.

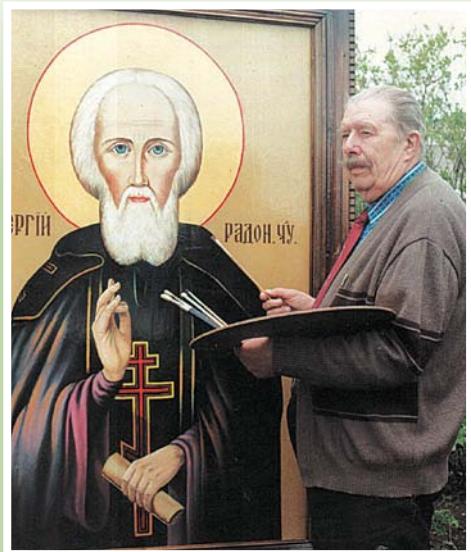
Издательство «Раритет»
620078, г. Екатеринбург, ул. Чаадаева 4-51
Тел/факс: (343) 374-72-87
e-mail: raritetizdat@mail.ru

В.И. ОГИБЕНИН

Посёлок Висим, малая родина писателя Д.Н.Мамина-Сибиряка, воспетый им в романе “Три конца”, 13 марта 1918 года стал местом рождения В.И.Огибенина. Но местом приложения его собственного таланта стали посёлок Ис и особенно – Качканар. На Ис Виктор Иосифович работал художником-оформителем в клубе имени Артёма. Чтобы понять меру ответственности этой работы, не лишне знать, что до 1955 года посёлок Ис был районным центром, соответственно клуб – главным в районе очагом культуры и центром идеологической работы. Это предполагало особую ответственность художника – будь то написание афиш кинофильмов или оформление сцены к разнообразным мероприятиям – от новогодних праздников до партийных конференций. И ещё у Виктора Огибенина была вторая профессия, по тем временам редкая, а потому очень востребованная – фотограф.

Когда возникла потребность в фотографе на стройке Качканара, на эту должность был приглашён (именно приглашён) В.Огибенин. В этой должности Виктор Иосифович проработал до выхода на пенсию. Не поддаётся счёту количество фотографий, сделанных за это время, которые запечатлели не только производство, сколько эпоху и её людей. Многие из снимков широко растиражированы в различных изданиях, причём – анонимно.

Талант и ремесло не всегда бывают тождественны. В случае с Огибениным именно талант задавал вектор профессиональной деятельности.

написал две особо чтимые иконы. Это образ Божией Матери “Взыскание погибших” и преподобного Сергия Радонежского. Причём написал технически и догматически очень грамотно. Интересный факт: на иконе патриаршего Богоявленского собора, списком с которой является наш образ, Божия Матерь – с непокрытой головой, что очень смущало качканарских ревнителей благочестия. Поэтому мастер дорисовал плат. Таким образом качканарская икона – уникальная в своём роде.

...Вопрос “Что такое счастье?” предполагает субъективные ответы. Для многих людей важнейшей составляющей счастья является реализация себя в профессиональной деятельности. Особенно в тех случаях, когда работа и хобби – совпадают.

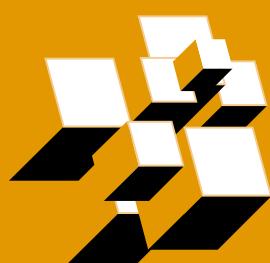
В.И.Огибенин считал себя счастливым человеком – как раз потому, что всю жизнь занимался тем, что ему нравилось.

И не только профессиональной; в свободное время он писал картины: иногда – портреты, чаще – пейзажи, которые раздаривал родственникам, друзьям, знакомым.

Но самое главное -- своим творчеством он сподобился соприкоснуться с горним миром. Когда православные люди осеняют себя крестным знаменем и ставят свечи перед святыми образами, они не задумываются, кто их написал. А православные иконописцы писали иконы во славу Божию, поэтому никогда их не подписывали. И всё же качканарцам не будет лишним знать, что на заре становления православного прихода (который в этом году отмечает своё 20-летие) В.И.Огибенин откликнулся на зов о помощи и по благословению настоятеля и

КАЧКАНАРСКИЕ
ГРАНИ

У каждого города есть своя история. История, которую создают люди. Создают конкретными делами, свершениями, зачастую, подвигами ...

Город Качканар – явление неординарное. Он - Творение рук человеческих. Его появление на свет – без преувеличения, настоящий подвиг. В тайге в короткие сроки первопроходцы, строители, рабочие, инженеры, учителя и врачи – люди одержимые, талантливые, целеустремленные - заложили фундамент города Юности.

Строительство города и комбината, дальнейшее развитие промышленности и социальной сферы пронизаны особой энергетикой, формирующей дух Качканара, передающейся от поколения к поколению. Ведь не случайно небольшой провинциальный городок добивается высоких результатов на региональном, федеральном и на международном уровне. Образование, спорт, культура, конечно же, промышленность – те сферы, успехами в которых мы по праву гордимся.

Вместе со страной город пережил сложные этапы смены политической и экономической формации, трудные времена кризисов.

Сегодня Качканар – одно из самых стабильных и развивающихся муниципальных образований в Свердловской области. Даже в кризисные годы мы не только устояли, но и двигались вперёд. Мы вновь начинаем строить и созидать. Растут дома-новостройки. Мы реконструировали и вернули детям два детских садика. Построили красавицу-школу. Благоустраиваем дворы детскими площадками и игровыми комплексами.

Мы продолжаем традиции, заложенные первыми качканарцами. У нас грандиозные планы, которые изменят лицо города, сделают его более симпатичным и привлекательным. И нам по плечу эти планы воплотить в жизнь, потому что мы – качканарцы!

Труд, упорство и талант высекают грани на твердой качканарской породе. Это будет вечным источником вдохновения для наших поэтов и писателей.

Пусть новые и неповторимые грани ярким светом украшают любимый нами Качканар!

Сергей Набоких,
Глава Качканарского городского округа